

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 1-2 2016

Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ФОМИЧЁВА

«Портрет учительницы – ветерана труда». 1978 г.

Мария Петровна Фомичёва

XXI ВЕК

ВОЛГА

1-2 2018

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

САРАТОВ
2018

1-2
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Валентин НЕРВИН. **На фоне Пушкина** 3

СТАТЬИ

Диана КАН. **Донецк: хаос войны и космос гармонии** 7

ОТРАЖЕНИЯ

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН. **Земля живых (Продолжение)** 12

ПОЭТОГРАД

Александр МЕЛЕДИН. **Пламя снов** 50

ОТРАЖЕНИЯ

Светлана ФЁДОРОВА. **Детский мир** 53

ПОЭТОГРАД

Владимир ШАБАЕВ. **Я вспомню степь...** 61

КАМЕРА АБСУРДА

Сергей ПЫЛЁВ. **Опыты Луизы над Монтенем** 67

ПОЭТОГРАД

Ольга ОЛГЕРТ. **В плену мерцающих минут...** 93
Евгений МЕЛЬНИКОВ. **От Волги до Ладоги** 100

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга ЖОГЛО. **Весь этот мир — это только подарок...** 107

СОБЫТИЕ

Диана КАН. **«...Как песни долгие — века...»** 114
Валерий СМИРНОВ-ШУМИЛОВ. **«Здесь музы собрались на берегу...»** 118

ЮБИЛЕЙ

Два интервью к 75-летию А. И. Демченко 123

В МИРЕ ИСКУССТВА

Вячеслав ДЬЯКОНОВ. **Гражданский подвиг Марии Фомичёвой** 130

РЕЦЕНЗИИ

Михаил МУЛЛИН. **О других шестидесятниках и... счастливом детстве** 133
Наш человек в Петербурге. 135

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Наталья ПАНТЕЕВА. **История формирования Вавиловской коллекции** 139

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Владимир КАНТОР. **Чур (Окончание)** 155

**Валентин
НЕРВИН**

НА ФОНЕ ПУШКИНА

***

*Александр Сергеевич Пушкин –
замечательный русский поэт.*

Из учебника по литературе

По дороге на Чёрную речку
начались окаянные дни.
Не гаси поминальную свечку,
заодно и меня помяни.
От Воронежа до Магадана,
дорогая Отчизна, пора
помянуть Александра, Ивана,
Михаила, Бориса, Петра..
Мы хлебнули из пушкинской кружки
и до срока сошли в Интернет.

Александр Сергеевич Пушкин –
замечательный русский поэт.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БУНИНА

Когда вас покидает благодать
и нет обетования в Отчизне,
какое счастье Бунина читать
и через это возвращаться к жизни.
Нам выпало укорениться в ней,
перечитав урочные страницы,
и через призму окаянных дней
увидеть человеческие лица.

-
- Валентин Михайлович Нервин родился в 1955 году. Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии-2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи перевестились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живёт в Воронеже.

***

Фонарь у дежурной аптеки,
поставленный как оселок...
Ах, люди мои, человеки,
что вам обезумевший Блок?
Что вам, современные скифы,
готовые к бою с утра,
чужие печали и мифы,
когда на работу пора?
У вас грандиозные планы
и замыслы, благодаря
тому, что «духи и туманы»
решительно до фонаря!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МЕЖИРОВА

Холодно, голодно и неудобно –
разве что горе ещё не беда.
Век начинался коряво и смутно
и не кончался уже никогда.
Что остаётся ему, инвалиду
Первой, а также Второй мировой?
Он опоздал на свою панихиду
и не избыл темноты вековой.
Над Вифлеемом звезда догорает
и выгорает звезда над Кремлём,
а инвалид на гармонии играет
и гроыхает своим костылём.

ПИЛИГРИМ

Всегда не хватает любви и тепла:
последний поэт коктебельской эпохи
живёт на какие-то жалкие крохи,
живёт на подачки с чужого стола.
Что гений? –
    убыточное ремесло:
немного божует и много бичует,
с оказией в теплоцентрали ночует
и хочет уехать туда, где тепло.
Среди вавилонских и русских земель
петляет во мраке тропа пилигрима,
который мечтает добраться до Крыма,
где ждёт не дожждётся его Коктебель.

СИМОНОВ

Поэту Симонову было
тогда не больше тридцати:
весна цвела, жена любила,
у поколения – в чести.
У времени свои законы:
его лирический герой
носил армейские погоны
и португеею с кобурой.
По ходу лет, на удивленье,
менялись люди и миры –
жена ушла, и поколение
помалу вышло из игры.
Настало время одиночек,
седого дыма без огня,
и больше не случилось строчек
пронзительнее: «Жди меня...»
Война списала на потери
все категории добра,
и на потёртой португее
висит пустая кобура.

ПАМЯТИ ЛЬВА ЛОСЕВА

Зачем, фортуне вопреки
(а может, и благодаря),
пошли хорошие деньки
на коньяки да вискаря?
Пока Пегас копытом бьёт
по человеческой судьбе,
никто с тобой не помянёт
того, что умерло в тебе.

***

...Какое раздолье для скорби!

Сергей Гандлевский

По всем углам неласковой Отчизны,
где трын-трава дороже, чем трава,
последние часы нелепой жизни
растратив на красивые слова,
мы вымираем, хуже тараканов,
и вылетаем задом наперёд
из края одноразовых стаканов,
который без поэзии умрёт.

ПАМЯТИ БОРИСА РЫЖЕГО

...На долги и работу – забыть,
возвращаться на автопилоте
и кого-нибудь так полюбить,
что забыть о долгах и работе.
Может, жизни осталось на треть,
может быть, вообще не осталось;
так позвольте ему умереть
от любви,
о которой мечталось!..

***

Мы выживали времени назло,
как все послевоенные подранки.
Когда я становился на крыло,
в меня уже стреляли из берданки.
Не наших бьют
и наших тоже бьют –
я знаю птиц высокого полёта,
которые о Родине поют,
а их за это – из гранатомёта...

ПУШКИН

Пушкин...
Какие ещё имена
символизируют наше гражданство?
Он остаётся на все времена
в координатах иного пространства.
Как ни пытайся добраться туда,
как ни заламывай пальцы до хруста,
в русской поэзии будет всегда
место, которое свято,
но пусто.

Диана КАН

ДОНЕЦК: ХАОС ВОЙНЫ И КОСМОС ГАРМОНИИ

Балет в осаждённом Донецке. Это едва ли не главное моё потрясение от поездки на Донбасс. Хотя потрясений множество. Не обилие военных в камуфляже, которых мы с поэтом Виталием Молчановым и прозаиком Александром Филипповым ожидали увидеть, но так и не увидели, а – аншлаги в зале и прекрасная балетная труппа, что не удивительно, впрочем, если учесть, что на протяжении полутора десятилетий красавец-Донецк был столицей проведения международных балетных фестивалей. Когда мне позвонили друзья в Донецк с вопросом, в котором слышалась тревога: «Диана, как вы там? По телевизору говорят такое...» – я ответила: «Нормально! Выступили в Республиканской библиотеке, а потом на балете были!» В трубке повисла недоуменная пауза, потом – вопрос: «На каком балете? Там же

Балет «Пер Гюнт» в осаждённом Донецке. В зале аншлаг.

- Диана Елисеевна Кан родилась в 1964 году в городе Термез Туркестанского военного округа. Училась в Оренбургском пединституте (факультет иностранных языков), закончила Московский университет (1984–1990). Работала в газете «Оренбургская неделя» (1990–1994). В 1994–1995 – редактором в издательстве «Московский писатель». С 1995-го по 1997 год училась на Высших литературных курсах Литературного института имени А. М. Горького. Стихи печатались во многих центральных и региональных изданиях России и зарубежья: журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Воин России», «Южная звезда», «Подъём», «Звонница», «Аргмак» и многих других. Является членом редколлегий ряда региональных литературно-художественных журналов России. Живёт в Оренбурге.

бомбят!» Осознавая парадоксальность ситуации, я ответила: «На прекрасном балете «Пер-Гюнт». В двух актах. Полный зал! Бомбят на линии соприкосновения, до центра снаряды пока не долетают...» И, признаюсь, получила удовольствие от изумлённого молчания в трубке...

Невольной провела аналогию с блокадным Ленинградом, в котором бледные от голода и холода люди переводили и издавали «Божественную комедию» Данте... Кстати, и Донецкий оперный театр, где полный зал смотрел «Пер Гюнта», был когда-то сдан в эксплуатацию в роковом сорок первом году... Подумалось, а ведь пока народ хочет видеть красоту, он не сломлен и не будет сломлен, как не бывает сломлен человек, стремящийся к космосу гармонии вопреки хаосу войны.

Благодарные аплодисменты артистам балета, настоящий аншлаг! Оглянувшись, изумилась: подавляющее большинство публики – молодёжь. Аншлаг в театре, словно по окраинам Донецка не гремят выстрелы. Словно в этот день и не было на линии соприкосновения со стороны украинских «миротворцев» 18 нарушений мирного соглашения. Словно «порошенковцы» сегодня не обстреляли мирную бригаду донецких строителей, едущих к месту работы. Словно не убили взрывами на окраине Донецка молодого 25-летнего главу семейства... Словно не лютует по линии соприкосновения некий атаман Червень, якобы не подчиняющийся Киеву, но при этом чётко действующий в рамках военных действий против Донецка, но в формате полного беспредела...

МЕЧ АКИНАК – КАК СИМВОЛ ДОБЛЕСТИ

Донецкий республиканский музей Отечественной войны встретил нас экспозицией, что делает честь любому музею мира. Богатая трагическими событиями история – отсюда и уникальность артефактов. Давно была слышана про скифский меч акинак, который не во всех музеях мира увидишь. А тут увидела акинак, как говорится, «живьём». О чём свидетельствует такая находка в окрестностях города? Лишь о том, что народ, там испокон проживающий, всегда был готов воевать за право быть собой. И не с противостояния гитлеровцам, что по 75 тысяч дончан – женщин, детей, стариков – живыми скидывали в шахты во времена Великой Отечественной войны, началась борьба дончан за право жить своим укладом. За право петь свои песни, говорить на русском языке, любить то, что любили их предки... Так что «порошенковцы» в своём стремлении уничтожить людей с осознанным чувством собственного достоинства вовсе не оригинальны. Верной звериной тропой фашизма следуют! И так же кончат, как гитлеровцы: позорно и печально. Тем более что Донецк не тот город, что постоит за ценой, если речь идёт о Победе. Народ Донбасса ассоциируется у меня с древним скифо-сарматским мечом-акинаком – как символом непобедимости и доблести! Сегодня война в Донецке особенно подлая, ведь в Украине фактически воюют потомки победителей с потомками лузеров-полицаев, пытающихся взять реванш... причём не только в реальной жизни, но и в виртуальном пространстве.

ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, САРМАТСКИЙ ОЛЕНЬ!

Всякий оренбуржец, сколь-нибудь знакомый с богатым скифо-сарматским прошлым Оренбургского края, будет приятно удивлён, что через скифо-сар-

Скифо-сарматский олень

матское прошлое Оренбуржье и Донецкий край – родственники. Видимо, испокон веков обитали на наших просторах люди одного племени, оставившие после себя аналогичные артефакты. На Пушкинском бульваре в Донецке я вдруг увидела в оформлении лавочек знакомые каждому оренбуржцу изображения скифских оленей. И чуть не воскликнула: «Так вот ты какой, скифо-сарматский олень!»

Там же, бродя по Пушкинскому бульвару, стала свидетельницей пробежки молодых дончан. Модно одетые, подтянутые, энергичные, ребята вихрем неслись по бульвару со слоганами: «Нет никотину, нет алкоголя, они отнимают силу и волю!» Подумалось, а ведь национальная самоидентификация – это и есть то, что отличает цивилизованность от быдла. Как уважение к прошлому своей страны (прав Пушкин!) отличает цивилизованность от варварства. Можно быть физиком, сварщиком, хирургом, фармацевтом, педагогом, строителем... Но надо чётко понимать, что ты русский человек, наследник непростой, но славной истории предков.

КАРАВАЙ, КАРАВАЙ, КОГО ХОЧЕШЬ, ВЫБИРАЙ!

Впрочем, этому благоухающему пряной корицей и кардамоном красавцу-караваю выбирать не приходилось. Его вручили поэтессы Макеевки поэту Виталию Молчанову на красивом вышитом рушнике перед нашей встречей с литературной общественностью города-спутника Донецка. Ах, и умелицы кулинарки – эти женщины-дончанки! Вообще, женщины Донбасса – нечто совершенно особенное, природный феномен! Есть в них неповторимый славянский шарм, которому научиться невозможно ни на каких «модных приговорах». С этим надо просто родиться...

Такие разные женщины Донбасса! Наблюдала их в различных ситуациях. Идущими по осеннему золотому Пушкинскому бульвару Донецка с грустноватыми улыбками на светлых лицах. Читающими стихи на наших творческих встречах. Обучающими чтению ребёнка прямо на бульваре, возле небольшой уличной библиотеки. Руководящими богатой событиями литературной жизнью (краевед Елизавета Хапланова – умница и красавица!). Застенчиво принимающими оренбургские подарки из рук Виталия Молчанова. А что может подарить поэт из Оренбурга, как не знаменитые пуховые платки? А ещё я познакомилась с женщинами, которые начали писать стихи после того, как вынесли десятки раненых из-под пуль на линии соприкосновения.

Не хочется о грустном, но куда от него, грустного и трагического, денешься в Донецке? Конечно же, та высокая культура, что есть в Донецке, неподвластная даже войне, в немалой степени заслуга женщин Донецка, чья страдальческая печаль мадонн прикрыта улыбкой веры в лучшее.

ДОНЕЦК – ГОРОД ЧУДЕС

*Памятник Пушкину
на Пушкинском бульваре Донецка*

Поскольку график выступлений, встреч с читателями и культурных мероприятий был у нас более чем плотный, сам Донецк мы видели лишь урывками. Крепло опасение, что мы так и уедем, даже не повидав города в режиме свободной прогулки. Потому за час до отъезда я сбежала на уже упомянутый мной, расположенный недалеко от нашей гостиницы Пушкинский бульвар. И обнаружила там аж два памятника Пушкину! Моя фотопробегка удивительным образом была вознаграждена совершенно неожиданной встречей с Анной, библиотекарем из Донецка, которая не так давно была у нас в Оренбурге на Аксаковском празднике. Бегу с фотоаппаратом по бульвару – навстречу Аня с красивым моло-

дым человеком. Мы обе поначалу остоленели, а потом обнялись, сетуя, что недостаток времени не позволил нам встретиться. Но Бог управил, и разве не чудо встретить Аню в почти миллионном Донецке?

Впрочем, в Донецке я частенько ощущала себя Алисой в Стране чудес. Удивительно, что дончане, находясь в осаде, слыша взрывы и понимая, что в любой момент всё может случиться, живут так, словно войны нет. Улыбаются (хоть и не без грусти!) друг другу, гуляют с детьми по бульвару, покупают детям воздушные шары. А разве не чудо те миллионы роз, коими славится Донецк во всём мире? Идёт война, но люди всё равно сажают розы, обихаживают клумбы, ходят в библиотеки и театры, принимают писателей и художников, пишут стихи, посещают вернисажи... В день нашего приезда в Донецке открыл вернисаж Московский Бахрушинский музей. Удивительный донецкий народ!

ВИРТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Помнится, приезжавшая в Оренбург дончанка Галина Калинина вскользь обмолвилась, что если «порошенковцы» войдут в Донецк, то будут «зачищать» дончан похлеще гитлеровцев. Признаюсь, тогда я, хотя и понимала ужас военной ситуации, отнесла слова Галины на счёт её женской эмоциональности. Но, вернувшись в Оренбург и даже не успев ещё открыть соцсети, чётко поняла: слова Галины не гипербола. Такой звериной злобы в свой адрес и адрес своих писателей-земляков в комментариях прямо на своей стене в Фейсбуке я, признаюсь, не ожидала. Причём от людей, которых даже нет у меня в друзьях! А ведь я не успела даже ни одной фотографии загрузить из Донецка, ни одного поста выложить; ведь ездили мы в Донецк как поэты, отнюдь не с мечом, а с оренбургскими книгами и журналами. И, конечно, со словом, имеющим целью поддержать уставших от войны людей. Мы про-

сто читали стихи и общались с дончанами на наших встречах. Причём говорили мы на этих встречах не только о войне, но и о литературе. Потому что за время суровых испытаний войной интерес к литературе в Донецке сильно возрос (библиотекари отмечают, что люди стали чаще ходить в библиотеки, больше читать классику). А потому не понятна была мне ненависть со стороны вовсе не известных мне людей, судя по всему, «укропатриотов». Ну то, что нас внесут в реестр сайта «Миротворец» и тем самым закроют нам въезд на территорию Украины, мы догадывались. Но к чему эти пропитанные злобой эскапады, где выражение «путинская подстилка» – самое цензурное из написанного? Однако тут я чётко поняла, что ТАКИЕ люди способны на всё, и Галина Калинина, увы, права. Знакомые, что успели прочесть эти злобно-оскорбительные комменты, пытались меня успокоить: «Потомки полицаев, что ты хочешь?» Знакомый поэт сказал: «Слушай, вы, видимо, хорошо выступили в Донецке, раз такая злоба со стороны «укропатриотов». Или ты забыла, что признание «не в сладком лепете хвалы, но в диких криках озлобленья»?

Зато я опять же ясно поняла, что воистину «с Дону выдачи нет». Наши дончане не нас оставили на виртуальное растерзание. Хотя печально, что соцсети, которые в идеале должны помогать общению, просвещению и сплочению людей, всё чаще становятся театром военных действий. Ну что ж, на войне как на войне – перефразируя песню – не только оружие и махорка в цене. Но и слово, обращённое к душам людей.

Диана Кан отвечает на вопросы слушателей

**Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

ЗЕМЛЯ ЖИВЫХ

РОМАН

(журнальный вариант)

Продолжение. Начало в №№ 9–10 2017

ВЕРА И КРАСОТА

Вера пришла утром. Я совершал богослужение. Она стояла среди горстки прихожан и молилась, возжигая свечи у иконы Божией Матери. Она не была чужой в храме. За много лет служения Богу и общения с людьми я понял, что храм созиждется «для своих». Для тех, кто свой Богу, и тех, кто свои друг другу. Остальные текут водой, мимо. Воду ничем не задержать. Оттого и мир называют морем житейским. Когда мы, студенты Литературного института Володя Чугунов, Миша Резин и я, мечтали о будущем служении, мы верили, что сможем изменить мир. Мы чувствовали в себе силы, мы знали, что приходит наше время, время собирания камней. Мы горели как свечи, готовые воспламенить других людей. Образы Иоанна Кронштадтского, которого большевики боялись и называли черносотенцем, Амвросия Оптинского, у которого бывали Толстой и Достоевский, будоражили наше воображение. Это вставала Россия, а за ней загоралась Святая Русь – сказочная, волшебная, таинственная страна. Мы хотели служить той, Древней Руси. Мы хотели запустить в людях все генетические программы, которые, мы знали, живы в недрах русского национального сознания, русского менталитета. Нужно было только включить эту связь, как электрический ток, а он потечёт беспрепятственно и свободно.

О, как мы ошибались в своих мечтах! Как изменчив человек, как непредсказуема сама жизнь! Как страстны, как изобретательны люди в поисках наслаждений и удовольствий! Свобода открыла русскому человеку не пути к Богу, о чём мечтали мы, Россия, получив свободу, открыла пути к греху. Она бросилась в его пучину, искушаемая открывшимися возможностями, и не может остановиться. Запомнил русский человек, что страсть ненасытима. Большевики держали народ в идеологическом рабстве, а те, которые пришли после них, затягивают в рабство денег.

Я закончил службу и вышел исповедовать людей. Их оказалось три человека. Вера подошла последней и протянула мне черновик и распечатанный на компьютере текст моих сочинений.

– Вот, – сказала она, – я набрала, но, правда, несколько мест оказались для меня неразборчивыми. И мне нужна ваша помощь.

– Вера, у вас есть время подождать меня после службы?

– Да, есть, я подожду.

Храм опустел. Стало тихо. А тишина храма особенная. Это звучащая тишина. Когда уходят люди, они думают, что диалог между Богом и человеком уже не происходит. Но Бог продолжает говорить, а человек уже ушёл в суету жизни. Он не слышит голоса Бога из-за шума житейского. И тот, другой, кто входит в храм, когда голос Бога ещё звучит, он ступает тихо, двигается осторожно, потому что чувствует звучание голоса Творца.

Зашелестел плащ, и я громко спросил из алтаря:

– Вера, вы здесь?

– Я здесь, я вас жду, – тихо ответила Вера.

Мы шли и разговаривали.

– Мне понравились ваши идеи, они очень своевременны. Эпоху (это ваше главное слово) надо описать, но с такой её стороны, с которой никто её ещё не описывал.

– Что вы имеете в виду, Вера?

– Надо описать самую главную жизнь человека, то есть настоящую жизнь, ту жизнь, которой он живёт взаправду. А не ту, которая напоказ, не ту, которую сочиняет, словно детектив, в котором сам же и является главным героем и не знает сам, чем всё закончится. А вы как раз видите человека таким, каков он есть, потому что встречаете его в минуты настоящих страданий, болезней разных. Я не права?

– Вы правы, Вера, совершенно правы, – обрадовался я, – вы не только будете мне помощником, но и собеседником.

– Да, да, – утвердительно сказала Вера, – пишите скорее, надо, чтобы все об этом узнали.

– О том, что вы будете моим собеседником?

– Нет, чтобы все узнали про всех всё, то есть всю правду о жизни, – выпалила Вера.

Я невольно засмеялся.

– Почему вы смеётесь? – смутилась Вера.

– Простите меня, Верочка, – просто вы это так по-детски сказали, так непосредственно и так живо, что я невольно порадовался в душе и засмеялся.

– А знаете, – загадочно сказала она, – сколько мы с вами не виделись?

– Не знаю.

– Мы с вами проговорили вчера три минуты и семнадцать секунд, а не виделись двадцать три часа, пятьдесят шесть минут, пятьдесят семь секунд.

– Удивительно точно, – произнёс я и подумал о том, какой она трепетный человек.

Я решил немедленно действовать, осуществлять свой план. Только бы сын был дома.

– Сколько времени, Вера, что говорят ваши часы на этот раз? – спросил я.

– Десять пятнадцать, – сказала Вера и насторожилась. – Вы куда-то спешите?

– Напротив, я хочу пригласить вас домой, чтобы вместе поработать над текстом.

– Я согласна поработать. А вы ещё что-то написали?

– Материал сырой, но кое-что есть.

Я открыл дверь ключом. В квартире было подозрительно тихо. Но вдруг послышался сонный голос сына:

– Пап, это ты?

– Да, это я. И я не один.

Вера стояла как вкопанная.

– Снимайте плащ и проходите, – сказал я Вере, а сам прошёл в комнату, постучал в дверь Ивана и сказал:

– У нас гостья. Приведи себя в порядок и выходи.

– Какая ещё гостья? – прошепел Иван.

Вера прошла в большую комнату, присела на край дивана и стала осматриваться. Её взгляд остановился на стене, увешанной иконами. Это были старинные доски девятнадцатого–начала двадцатого века. Веру привлекла большая икона Пресвятой Богородицы, писанная на кипарисе в девятнадцатом веке на Святой Горе Афон и подаренная какому-то русскому храму. Свидетельство об этом сохранилось на задней стороне иконы. Текст дарения сохранился, он был традиционным и делался оттиском, а надпись о том, какому храму дарилась икона, была утрачена. Она выполнялась вручную, чернилами того времени. Икону мне подарила простая деревенская пожилая женщина Мария, дочь которой жила уже несколько лет в Соединённых Штатах, в Майами.

Мария приехала к стройке поздно вечером на «Жигулях» с водителем. Они вызвали меня и открыли багажник. В сумерках я не рассмотрел дара. Водитель занёс икону в храм и поставил на стул, прислонив к стене. Я включил верхний свет и замер от удивления. Это была Богородица «Одигитрия» тонкого Афонского письма, которое ни с каким другим письмом невозможно спутать. Низ иконы был значительно утрачен, зато лик и одеяние Богородицы сохранились превосходно. Требовалась реставрация, чтобы избавиться от «мерзости запустения».

– Откуда эта икона? – спросил я Марию.

– Сберегали, батюшка, как могли, после осквернения храма, – начала свой рассказ женщина. – Сперва хранили в зерне, потом на чердаке, а потом про неё и вовсе забыли. А несколько лет назад мой дедушка обнаружил, когда разбирал вещи. Вот мы решили её привезти в строящийся храм. Примите, а за нас помолитесь.

Видно было, что они не понимают ни духовной, ни материальной ценности этой иконы. Я поблагодарил и принял бесценный дар. Икону отреставрировали, и я ждал, когда завершатся отделочные работы верхнего храма, чтобы внести Игуменью и вручить храм под её благодатный Покров.

Мария стала прихожанкой нашего храма. Иногда оставалась ночевать перед большими праздниками прямо в храме на коврах, потому что трудно было утром из деревни добираться к началу службы. А однажды она попросилась днём, между службами, побыть в храме, помолиться и отдохнуть. Служки отказали ей, сказав, что в храме материальные ценности, службы нет, заперли дверь и ушли. Она простояла на улице под дверью несколько часов до самой вечерни. Когда это выяснилось, я очень огорчился. Ждал её, чтобы испросить прощения, но она не пришла. Умерла.

– Какая красивая икона! – сказала изумлённая Вера, когда я вошёл в комнату. – А можно мне подойти поближе и посмотреть?

– Подойди.

Я присел на диван и стал наблюдать за Верой. Она подошла бесшумно, на носочках и вытянулась перед Богородицей. Неподвижно стояла с минуту, а потом произнесла:

– Я такой красоты никогда не видела.

Она как будто говорила сама с собой.

– Причём, Вера, заметь, здесь две красоты сходятся: одна внутренняя, другая внешняя. Они не дополняют друг друга, нет, а находятся в абсолютном равновесии, гармонии.

– Гармонии, – тихо повторила Вера и спохватилась: – Именно, именно в гармонии.

Вера повернулась ко мне:

– Как такое можно было создать? – Она снова смотрела на икону.

– Когда мы видим только внешнюю красоту, она кажется пустой. Когда мы сталкиваемся с внутренней красотой, то мы её не узнаём. Мы её не видим, потому что до неё надо вырасти. А когда вот так, то чувствуется полнота, глубина и красота человеческой личности.

Вера затихла, а потом спросила:

– А можно поцеловать?

– Можно.

Она с благоговением перекрестилась и приложилась к иконе.

– А это ваша икона?

– Не знаю, Вера, как буду расставаться с ней, – в раздумье сказал я. – Она стояла у нас в квартире до реставрации. Потом я её увёз к художнику, а когда вернулся, то обнаружил в доме пустоту. Оказывается, она держит всё пространство. Это удивительно. А когда икона снова оказалась в доме, мы почувствовали, что она звучит. Вот сейчас вынеси её в другую комнату, и будет зиять пустота.

– Держит пространство, – повторила Вера, – и звучит. Как это вы хорошо сказали!

В комнату вошёл Иван, недоверчиво поглядывая то на Веру, то на меня.

– Познакомься, – сказал я Вере, – это мой младший сын Иван.

И подумал, что она не может не понравиться ему.

Она была одета совсем по-молодёжному, в духе времени: в джинсовой юбке и зелёной блузе, которая так шла к её тёмным волосам, расчёсанным на прямой пробор в середине головы, и её карим глазам, живым и очень глубоким.

– Иван, – сухо произнёс мой сын и протянул Вере для приветствия два пальца, которые она вынужденно пожала и смутилась.

Я сделал вид, что ничего не заметил, но насторожился.

Он сел, нахохлился и как-то подчёркнуто замолчал.

– Вера – тоже прихожанка нашего храма, – сказал я. – Совсем недавно она завершила учёбу в университете, причём с красным дипломом.

– Похвально, – сказал Иван, – и радостно за отца, что теперь среди народа, который едва научился читать по-русски (я уже не говорю о церковно-славянском языке, в котором он ничего не понимает), будут стоять и молиться новые – молодые интеллектуальные силы. И много у тебя таких?

– А ты приди и сам посмотри.

– Я всё детство провёл среди вашего забитого народа, когда ты таскал меня с прихода на приход по деревням и сёлам, и с меня хватит.

Ироничный тон прямо сквозил в речах сына.

– Совсем и не забитый наш народ, наш народ живёт сердцем, а не умом, а потому наш народ добрый, – вступилась Вера.

– И читать он умеет, – встал я на Верину сторону, – молитвы читает как раз на церковно-славянском языке.

– Русской азбукой, – подхватил Иван, – знаю я эти книги. И слышал не один раз, как читали твои бабушки зауспокойные молитвы. Знаете, Вера, однажды задаю себе вопрос: почему отец поёт один и тот же текст всегда одинаково, а слышу: у бабок тот же самый текст имеет совершенно дру-

гие смыслы. Не поленился, взял требник и сравнил. И результат меня просто поразил. В настоящем тексте речь идёт о том, что человек умер и попадает к Богу на суд, а у Судьи «нет лицеприятия», то есть Он не смотрит, кто богат, кто беден, Он судит всех «по делам его». А бабки поют примерно так: грешник попадает в другой мир, «где нет лиц приятелей». И это только один пример, их можно приводить бесчисленное количество. Они читают, а смыслов вообще не улавливают, все тексты переиначивают на свой манер.

– Ваня, ты удивляешь меня своей наблюдательностью, – сказал я.

– Хорошо, если так, – развеселился Иван, – приведу ещё пример. Помнишь, тебя послали послужить в какую-то деревню... уж не помню названия. Ты меня взял с собой. Служба началась, и вдруг в какой-то момент заглядывает в алтарь свиная рожа в платке...

– Ваня, как ты выражаешься!

Я посмотрел на Веру: она заинтересованно, с улыбкой на лице слушала.

– Как чувствую, так и выражаюсь, – отпарировал Иван. – И эта свиная рожа говорит: «Батюшка, богослови», – а сама держит книгу в руках. Отец перекрестил её, и она пошла на середину храма. И вот тут началось самое интересное. Когда отец сказал громко: «Премудрость», – то вот это самое существо ответило: «К корифанам Послание Апостола Павла чтение».

Вера залилась смехом.

– И это человек, который стоит на клиросе, что предполагает его церковную образованность! – закончил Иван.

– Было такое, – улыбаясь и глядя на Веру, подтвердил я. – Никогда в истории церковной жизни не хватало русскому народу знаний. Не книжный русский народ. Это, может быть, главная проблема нашего православия.

– А как же Святая Русь? Московское царство? – спросила Вера.

– Да, – добавил я, – Москва – третий Рим, и четвёртому не бывать – это идеи, которые остаются желаемыми в умах теоретиков христианства и так называемых патриотов, которые и в храм-то не ходят. Но на деле всё происходит иначе.

– Как иначе? – взволнованно спросила Вера. – Возрождаются храмы, монастыри. Вот вы строите храм, столько тратите сил, энергии – это что, всё напрасно, безнадежно? Книгу пишете...

Ваня посмотрел на Веру, потом на меня.

– Это всего лишь камни, Вера, – задумчиво ответил я, – а нужно образовывать народ, который (тут я согласен с тобой, Ваня) продолжает оставаться невежественным и грубым. Вы никогда не задумывались, почему в русских народных сказках Иванушка...

– Терпеть ненавижу это имя! – перебил меня Иван.

– ...с помощью чудесных средств и особенно благодаря своему «неуму» успешно проходит все испытания и достигает высших ценностей? Он побеждает противника, женится на царской дочери, получает и богатство, и славу. Или тот же Емеля, которому помогает отпущенная на волю щука. Она выполняет все его желания: стоит ему приказать: «По щучьему велению, по моему хотению...» – и всё сбывается. Или слово такое любимое и понятное русскому человеку – «авось». Всё делается на авось, а выходит как надо? Да потому что русский народ жил в пространстве религиозного сознания и религиозного быта. Все крестились, все молились, ходили в церковь каяться и причащаться. Все были, если можно так сказать, бытовыми христианами. И это была жизнь, и они в этой жизни были как дети. Бог помогал, защищал, оберегал русского человека. Это и называется у любителей русской старины традициями русского народа. Живая народная

жизнь. Она сохраняется и теперь, хоть все слои общества, все классы стёрты, но в недрах жизни течение этих глубинных пластов происходит. Все крестятся в церкви, но, если спросить, зачем они это делают, объяснить вразумительно никто не сможет. И это происходит в двадцать первом веке! Я вам приведу ещё пример. Хоронят человека и бросают лапник, сосновые ветки из машины на дорогу, по которой медленно везут покойного. Спрашиваю:

– Зачем вы это делаете?

Отвечают:

– А мы не знаем. Все так делают.

– Зачем же вы делаете то, чего не знаете?

Пожимают плечами.

– А зачем бросают эти ветки? – спросила Вера.

– Свидетельствуют о бессмертии души человека. Ель и сосна – вечнозелёные деревья. Другие зимой умирают, а хвойные нет, они всегда живы. Помните, у поэта Булата Окуджавы: «Ель моя, ель! Словно Спас-на-крови...» Ель является символом Христа, умершего и Воскресшего.

– Поня-атно... – протянула Вера.

– Так вот, когда-то они жили, были бытовыми христианами, ходили по воскресеньям и великим праздникам в храм, причащались. Наверное, они были счастливы как дети, потому что была живая жизнь, пусть и неосмысленная. Но когда пришли испытания, они от этой жизни с лёгкостью отказались, потому что не имели знания о том, чем они владели. Они не могли ценить то, что имели, потому что, чтобы это сокровище оценить, его надо знать. А они не знали своего православия. Не понимали, что им защищать. В противном случае они бы от этого с такой лёгкостью не отказались. Самосознание русского человека всегда находилось на уровне младенческого. Воистину: они жили и живут как дети. А сейчас – как развращённые дети.

– И что же будет? – спросила встревоженная Вера.

– Понаедут гастарбайтеры и обратят нас в свою религию, – вставил Иван.

– Всё повторится в дни испытаний, – твёрдо сказал я, – и всё будет повторяться до тех пор, пока народ из духовного мракобесия и невежества не пойдёт к знанию.

– Кто ему будет давать эти знания, эти ваши...

– Иван, – строго крикнул я, – остановись!

– Да ладно! – Было видно, что он возбуждён разговором.

– Знания будем давать мы, русские образованные люди, которые сохраняют преемственность культуры, аккумулируют её и передают дальше, следующим поколениям.

– Что-то я этих людей не вижу, – язвительно заметил Иван.

– Неважно, сколько сейчас этих людей в России, – разгорячился я, – в двадцать втором году прошлого века их смогли посчитать и отправить на «философском» пароходе в вынужденную эмиграцию. Их было четыре сотни человек – европейски образованных людей. Они знали не только Россию, но и Европу, которая была к тому времени сплошь рациональной и ничего уже не понимала ни в духовных вопросах, ни в жизни. Это они хотели научить русский народ понимать собственную веру, знать её и хранить как несметное сокровище в чистоте вероисповедания, такой, какой её Бог нам вручил. Это они хотели перейти бездну, которая существовала между народом и образованным классом людей, сформировавшихся под влиянием Петра Великого, который прорубил это пресловутое «окно в Европу».

...Я знал, что всё потеряно, что процесс деградации современного человечества настолько велик, что исправить его, остановить падение челове-

ка сможет, пожалуй, только глобальная катастрофа. Потому что современное человечество находится уже в сновидениях ада. Только перед лицом реальных страданий может опомниться человек. Но, разговаривая с сыном и Верой, я вдруг почувствовал, что вернулся в студенческие годы. Что те мысли и идеи, которые мы, три студента, высказывали и защищали, ещё живы в моём сознании.

– Пусть нас мало, – сказал я, – но и Христос был один. Однако Он изменил мир.

– Вы должны это написать! – восторженно глядя на меня, сказала Вера.

– Я вижу, что вы с отцом – единомышленники. – Иван встал. – А мне здесь делать нечего. Давайте меняйте мир, только поскорее. Но хочу вас предостеречь, что Христос приходил и ничего не сделал, думаю, что и у вас ничего не получится. Но в любом случае, пап, дело, которое сопровождают молодые девушки, делается с большим удовольствием, чем когда бы их не было. Это доказали ещё большевики.

Он хлопнул дверью.

– Что его обидело? – спросила изумлённая Вера. – Мне, наверное, не следовало к вам приходиться?

– Характер у него сложный, – неопределённо ответил я.

Мой план сорвался.

Мы поправили недочёты в тексте, и Вера, получив новые листочки, отправилась домой.

Я чувствовал себя опустошённым. Вера ушла обескураженная выходкой сына. Отчасти она своим присутствием вызвала у него волну негодования. И это означало, что она приглянулась ему. Я чувствовал, что следующая его встреча с Верой будет доброй и содержательной. Только мне надо ретироваться, оставив их беседовать наедине. Они люди одного поколения и хорошо поймут друг друга. Эта мысль успокоила меня. Я решил отдохнуть.

Не раздеваясь, я прилёг в кабинете на диван, укрыв ноги и плечи пледом. Дневной отдых вошёл у меня в привычку, потому что раньше, когда я нёс послушание в кафедральном соборе и совершал по две службы на дню, это стало профессиональной необходимостью, чтобы восстановить силы.

Я закрыл глаза. Вспомнились наш горячий спор с Иваном, лицо Веры, которая была на моей стороне. Всплыл в памяти наш спор, и понеслись в голове образы моей жизни и служения в Кривополянье, в храме Архистратига Михаила, в котором находилась тогда чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, спасшей Раненбург в 1824 году от холеры.

Её присутствие ощущалось всегда. От неё исходила притягательная сила Божественной природы. Она была убрана золотистой расшитой ризой, которую украшал большой крест с камнями, оставленный маститым протоиереем Василием Богоявленским, служившим и жившим в этом храме на колокольне пятьдесят лет. Он настоятельствовавал сорок лет. Затем ослабел и был указом назначен почётным настоятелем, но остался жить на колокольне. Дожив до девяностолетнего возраста, он отчеканивал медленные шаги по крутым ступеням колокольни, спускаясь на ежедневные службы. Казалось, что его душа, оставив земную обитель, невидимо пребывает здесь, продолжая оказывать служение своей Божественной Игуменье. Лик Богородицы потемнел от времени, но различался, как бывают видны сквозь мглу непогоды сияющие на небе звёзды. За те два с половиной года, что я служил в Кривополянье, я лучше узнал противоречивую жизнь народа, его жизнь в храме, а другую – в своей семье, в окружении односельчан.

9 июля, в день памяти Тихвинской иконы Божией Матери, в храм стекалось большое число богомольцев не только из Кривополянья, но и из близлежащих деревень. После окончания службы мы шли Крестным ходом к Петропавловской пустыни, к месту, где исторически находилась Тихвинская икона. Пустынь была тогда в запустении. Пять километров пути до пустыни народ шёл за Путеводительницей к спасению. Я видел это ликование и единство народной жизни в Боге. Это было шествие спонтанное, живое, не по подсказке сверху. И радость была живой, настоящей, искренней. Это были события современной жизни, похожие на реконструкцию той, прежней жизни, не уходящей, а уже безвозвратно ушедшей Руси.

Я вспомнил, как однажды Великим постом меня пригласили пособоровать «неходячих» бабушек в деревне Чечоры. Приехали за мной к вечеру, когда уже стемнело.

– Привезёте меня назад? – спросил я.

– А то как же, батюшка, привезём! – ответила румяная баба в платке.

– Вы на машине?

– На машине.

– Тогда я надену лёгкую одежду, – сказал я.

– Небось, не замёрзнете, – уверила она меня.

Мы ехали по заснеженной дороге к деревне. Печка работала плохо, и в машине было прохладно. Трасса неожиданно закончилась, и машина остановилась. Баба повернула ко мне лицо, замотанное платком, и сказала:

– Дальше машина не пройдёт. Поедем на санях.

Поёживаясь от холода, я вышел из машины и в темноте различил похрапывающих лошадей, запряжённых в сани. Саней было двое. Мужики-возницы, казалось, были пьяны.

– А далеко ли ехать? – спросил я недоверчиво.

– На край села, – бросила баба, – тут рукой подать.

– Я спрашивал вас, как мы поедем, и оделся в лёгкую скуфейку.

– Садись, батюшка, в сани, мы тебя попоной накроем.

Я послушался и сел в первые сани.

Мужик, пошатываясь, разговаривал с лошастью.

– Тпру, стой! – кричал он, натягивая вожжи.

Баба уселась рядом со мной, приказала мне лечь и накрыла меня какими-то вонючими тряпками.

– А ну, трогай, пошла! – заорал мужик и вскочил в уже поехавшие сани.

За ними двинулась и другая подвода и тоже под истошные крики мужика.

Я полулежал в крошечной темноте и не знал, куда они меня везут, надеясь только на помощь Божию. Дорога была нечищенная, в буграх и ямах. Сани поминутно задирали то в левый бок, то в правый, и они грозили перевернуться. Мужик покрикивал на лошадь, которая храпела и, упираясь, рывками тянула вперёд. Ехали довольно долго. Холод подбирался ко мне, и всё тело наполнилось дрожью. Наконец мужик закричал:

– Т-пру, приехали!

Баба сняла с меня тряпье.

– Приехали, батюшка, ко двору, слазай!

Я выбрался из саней и пошёл следом за бабой.

– Ждитя! – закричала она мужикам.

Изда была плохо освещена. Народу набилось порядочно – человек десять. Хозяйка сидела на кровати, свесив ноги в валенках. Остальные сидели на табуретках и лавках. Я прошёл к столу, который стоял под божничкой.

Перед иконой горела лампада, сделанная из жестяной банки. Стояло эмалированное блюдо с пшеном. Лежали свечи. Пол показался мне неровным. Я опустил взгляд под ноги и обомлел: он был земляной. Дальше была чумазная стена русской печи, внутри которой потрескивали дрова. От печи шло густое тепло, а по полу несло холодом.

«Как же они тут живут, – подумалось мне, – на дворе ведь конец двадцатого века?»

Я попросил какой-нибудь коврик под ноги. Мне принесли дерюгу.

Старушки с пониманием дела начали подвязывать платки, освобождая лоб и уши для помазания елеем, расстёгивать кофты и закатывать рукава. Было видно по этим действиям, соборовались они не в первый раз, а может быть, каждым Великим постом всю свою жизнь. Когда были силы, они приходили в церковь, а состарившись, стали приглашать священника в дом. Они сидели тесным кругом, как одна семья, не замечая земляного пола, лоханки у порога с мутной водой, сваленных на лавку и развешанных на вбитые гвозди у дверного косяка зимних вещей.

Я установил семь свечей в приготовленное блюдо с пшеном, зажёл каждую из них, передал восьмую горящую свечу низко поклонившейся мне бабушке. Она передала огонь рядом сидящей, ещё более древней старухе, и вся изба наполнилась светом. Стало ещё жарче. Дрова в печи потрескивали, свечи на столе вторили им.

Я возгласил:

– Благословен Бог наш!

Все стали креститься и сидя наклонять головы.

Без этого доверия Богу они бы не смогли переносить всё неустройство своей трудной жизни. Дом был для них только временным пристанищем. Однажды после вечерней службы спрашиваю одну из них:

– Анна, домой пошла?

– Нет, батюшка, не домой, ко двору. Домой к Богу пойдём, – сказала и с надеждой посмотрела на небо.

С каждым новым помазанием лбов, шамкающих ртов, впалых грудей и заскорузлых от бесконечных трудов морщинистых рук они становились мне ближе, роднее. Молитва умиротворяла всех молящихся, а чтение священных текстов наставляло:

«Братие, плод духовный есть: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание; на таковых несть закона. А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (...) Аще живем духом, духом да и ходим. Не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще. Братие, аще и впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости; блюдыи себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов...»

Пособоровав бабушек, я поспешил выйти на свежий морозный воздух и вздохнул полной грудью.

Мужики попивали самогон и были пьяны пуще прежнего.

– Как же они нас повезут? – спросил я сопровождавшую меня бабу.

– Грелись, батюшка: на улице мороз, – сказала она и крикнула: – Не удержались, не удержались. Я же вас просила! Доедем, батюшка, потихоньку доедем. Садись как давеча.

Я уселся в другие сани, она меня укрыла и села рядом. Мужик закричал на лошадь, она рванула, он побежал за санями, но, не удержавшись на ногах, упал в снег. Заматерился и закричал:

– Т-пру, шалава!

Лошадь остановилась. Мужик поднялся на ноги, сел боком в сани и крикнул:

– Пошла!

Сани поползли. Рассерженный мужик хлестал лошадь вожжами. Она при каждом ударе дёргала, прядала ушами и несла нас по колдобинам. Сзади, за спиной, орал прежний мой извозчик и тоже хлестал ни в чём не повинную лошадь. Они как будто соревновались в жестокости.

Через мгновение лошадь, ошпаренная вожжами, в страхе рванула в сторону, сани въехали на валун и опрокинулись. Мы все трое оказались в снегу.

Я отряхивался от снега. Баба материлась на мужика, который нелепо оправдывался, сваливая вину на неровности дороги.

– Я дальше не поеду! – твёрдо сказал я.

– Батюшка, сто метров осталось, – говорила уже испуганная баба, – а там машина нас ждёт.

– Прими, прими, Фёдор, – кричала она напраказившему мужику, – прими в сторону! Иван, давай подводу!

Я, смирившись, сел в другие сани и уже не сводил глаз с дороги.

В этой же самой деревне жили две «подвижницы-читалки». Ходили по домам, в которых случались покойники, и читали Псалтирь. Жили они по-монашески. Подражая древним подвижникам, изготовили на заказ гроб и по очереди спали в этом гробу, привыкая «к новому дому». Однажды Клавдия – так звали одну из них – предложила сделать свою фотографию в гробу, чтобы посмотреть, как она будет выглядеть после смерти.

Агафья пригласила фотографа из райцентра. Заплатила ему и попросила сделать снимки «покойной» подруги. Фотограф приехал, вошёл в избу и начал фотографировать. Когда он сделал достаточное количество снимков и просматривал материал, Агафья сказала:

– Клавка, вставай!

И покойница села в гробе. Фотограф побледнел и, потеряв сознание, упал на пол.

Ещё было происшествие в Чечорах. Приехал из города погостить зять со своей молодой женой к теще. А та собралась по весне к Пасхе свинью зарезать. Накрыли стол молодожёнам, выпили самогона, и теща предложила зятю:

– А не смог бы ты, зятьёк, свинью – того?

– А почему не смогу? Смогу! – расхрабрился после выпитого самогона зять.

– Сиди! – приказала ему жена.

Но муж уже собрался доказать теще свои способности.

Вышли на двор, отперли закус, из которого показалась огромная грязная свинья. Она, мирно похрюкивая, двинулась в желанное пространство. Зять с ножом в руке преградил ей дорогу, но она движением головы легко отстранила его с пути.

– Сильная скотина! – удивился обескураженный зять.

Теща, подсобляя ему, ходила за свиньёй, наваливалась на неё, зять наваливался следом, но грузное тело свиньи словно выскальзывало из-под них. Жена, сложив на груди руки, глядела из угла двора и приговаривала:

– Оставьте вы эту затею, батя придёт с работы и заколет.

– Подождите, – сказал запыхавшийся зять, – у меня есть план. Нужны провода.

– Провода у нас есть.

Тёща забежала в сарайчик и принесла бухту проводов.

Зять разматал их, зачистил концы и в доме вставил в розетку. Оголённые концы проводов он намеревался засунуть свинье в ноздри, чтобы убить её таким образом.

Тёща одобрила план. Уж очень ей не хотелось платить денег соседу за убой свиньи. Муж её стал сентиментален и давно уже отказался от забоя животных.

Зять приказал теще обходить свинью сзади и на мгновение её задержать. Тут нужны были ловкость и сноровка. Эти качества у него точно были.

Тёща взяла еду и пошла к свинье, приговаривая:

– Маня, Маня, трескай.

Свинья, любившая поесть, остановилась и повела носом на блюдо.

Тёща поставила перед свиньёй блюдо и в то же мгновение навалилась на неё. Зять вставил оголённые провода в ноздри свиньи. Тёща отвалилась от отскочившей свиньи и упала замертво.

Бедного зятя осудили с формулировкой: «Злоумышленное и намеренное убийство своей тещи». Его посадили в тюрьму на двенадцать лет строгого режима. Так он потерял семью и самые радостные дни своей жизни.

Я размышлял о народе, когда получил указ служить в Кривополянском храме. Меня ставила в тупик ситуация, которую я не мог разрешить несколько первых воскресных служб. Отслужив Литургию, я не мог говорить проповедь. Я не знал, что говорить народу и как. Люди смотрели на молодого священника и как бы спрашивали: «Ну, что ты нам можешь сказать нового?»

Шесть лет служения я провёл в городе, в кафедральном соборе, преподавал в университете, читал курсы городской интеллигенции, а тут – бабушки в платочках.

Однажды, возвращаясь домой, я понял, что русский народ вместил самую главную заповедь Спасителя: положить душу свою за други своя.

Он может быть необразованным, даже неграмотным, он может не понимать глубоко правила своей веры, он может быть груб и невежествен, но он отзывчив и христоролюбив. Это есть в его крови, в его менталитете, в его образе жизни. Он этого не осознаёт, этого не понимает. Но что же из того? Ребёнок тоже не понимает, отчего он добр и кроток. Однако он добр, и ему не надо знать, почему он добр. Он совестлив и стыдлив – наш народ. Он открыт и прямодушен. Он не умеет создавать личину, или, как теперь говорят, «имидж», он такой, какой он есть. Все качества характера, и хорошие и плохие, сквозят в его прямотушии, и от этого он даже привлекателен. Размышляя таким образом, я успокоился и в следующее воскресенье заговорил. Говорил так, как говорил всегда: сложно и глубоко. И спросил у своих спутников-интеллигентов:

– А прихожане понимают меня?

– Понимают, – отвечала мне выпускница Свято-Тихоновского института, – но понимают не так, не слова, а как-то по-другому. Но понимают определённо.

Мой сын не знает этого опыта, поэтому он так категоричен. А Вера? Вера – она и есть этот народ. Только она отличается от народа тем, что образованна. И если бы народ последовал примеру этой удивительной девушки, которая имеет по природе своей чистое, доброе, верующее русское сердце и светлый, направленный к развитию разум, такой народ был бы действительно народом-богоносцем. Народом – спасителем человеческой цивилизации.

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА

«Мой дорогой мальчик! Хочу рассказать тебе о том событии, которое усилило мою веру в то, что храм будет построен.

Я помню, что после благословения и Указа Митрополита Серапиона о назначении меня настоятелем ещё не существующего Михаило-Архангельского храма (представляешь, я был настоятелем, а храма ещё не существовало!) меня охватила робость. Не было ни полушки денег. Я просыпался ночами, смотрел в тёмное окно (а мы жили, если ты помнишь, как раз рядом с частным сектором), слушал лай собак из разных дворов и думал: «С чего же мне начать?»

Отец благочинный, вручая мне Указ, сказал:

– Мы поможем тебе умереть.

Это была шутка. Но мне-то было не до шуток тогда. Сейчас отца благочинного уже нет в живых. Он ушёл из жизни, когда ему не исполнилось и сорока двух лет, умер от внутреннего кровотечения.

Я смотрел с шестого этажа в ночь на откусанную облаком луну, на темнеющие частные домики, на серебристую гладь реки, на освещённый фонарями мост, по которому медленно ползли редкие автомобили с тусклыми фарами, и думал: «Кто-то должен строить храмы? Почему этот кто-то – не я? Если Богу угодно – храм будет стоять».

И перед моим мысленным взором тянулась вереница людей, которых я знал и которые мне могли бы помочь. Скажу тебе неутешительную вещь: когда приходят трудные времена, когда приходит беда (а строительство храма – это трудные времена), близкие тебе люди отходят в сторону. Вдруг открываются сердца. Я благодарен этому времени. Я никого не сужу, и у меня совсем нет обид. Просто я понял, что эти люди находятся на отдалённых кругах от центра глобальных событий становящегося смысла. И это их выбор.

Храма не было. Мы совершали богослужения, молебны, панихиды прямо на улице. Собиралась небольшая горстка людей. Никто не верил, что в тех экономических условиях, в которых находилась страна, можно построить храм. В основном приходили старушки, видимо, из-за того, что они призывали к храму и службам в нём, но сил добираться до городского собора и до храма в селе Двуречки, куда они обычно ездили, уже не было. Проходящие мимо с любопытством смотрели на жалкое собрание престарелых людей, охваченных страхом предстоящей смерти, как смотрят на только что случившуюся автомобильную аварию: все ли ещё живы и какова степень разрушения автомобиля. На территории, отведённой под строительство храма, стоял только металлический гараж, пожертвованный главным инженером металлургического завода. В нём мы хранили церковную утварь и инструменты.

Однажды в кафедральном соборе на соборном богослужении, на котором и я присутствовал, Митрополит спросил отца секретаря:

– Ну, как там у отца Седогина идёт строительство?

(Митрополит почему-то назвал меня по фамилии.)

– Поставил гараж на территории.

Митрополит усмехнулся:

– Неплохое начало, так отец Пётр? А? Гараж для машины уже есть.

При этом Владыка даже не посмотрел в мою сторону.

Отец секретарь понимающе улыбнулся и поддакнул Митрополиту.

Наша епархия была территориально огромной. Резиденция Митрополита находилась в другом городе, за сто двадцать километров. Часто приходилось ездить для отчётов и собраний. Годовой епархиальный отчёт Влады-

ки был особенно утомителен. Я называл это театром одного актёра. Собирались толпа людей в чёрных рясах, с бородами, человек триста. Для подобных мероприятий арендовали дворец культуры «Квартал». Священство рассаживалось. Становилось тесно, душно. На сцену выходил Митрополит, садился в архиерейское кресло за широкий стол, освещённый зелёной лампой и оборудованный микрофоном, и начиналось собрание.

– Меня хорошо слышно, а? – спрашивал Митрополит, взглядываясь поверх очков в полуосвещённый зал.

Он видел всех без исключения. Даже мимика священника не могла от него ускользнуть.

Часто Владыка говорил пять часов подряд, читая подготовленный отчёт о деятельности епархии, прерывая чтение разбором некоторых персоналий. Провинившийся священник поднимался и стоял ни жив ни мёртв.

Чем грозили подобные разборы? Они грозили переводами священника в другой приход, с уже обжитого места, а многие из них были многодетны, и эти переводы очень осложняли жизнь семьи.

Когда я выбрал этот путь для себя, я относился к священнику с благоговением и искренним почтением.

Учась в Литературном институте, я нахватался религиозных идей, и Троице-Сергиева Лавра, Подворье Афонского монастыря в Переделкино с храмом Преображения Господня, описанным в стихотворении Пастернака «Август», были моим вторым домом.

В Лавре я дружил с семинаристами и академистами и любил приезжать на службы в академический храм, где пели четыре семинарских хора, которыми руководил известный в то время регент архимандрит Матфей.

В Переделкино я встретил своего духовника. Тогда в этом маленьком монастыре было только четыре монаха, подвизался знаменитый лаврский экзорцист, архимандрит Герман. Он наложил на меня после одной из исповедей епитимью: переписать Евангелие. Я переписал.

Книги религиозного содержания тогда не издавались, и достать их было нелегко. Только иногда монахи паломникам в храме Святого пророка Иоанна Предтечи на исповедях из-под рясы доставали Евангелие и другие душевспасительные книги, раздавая их в подарок.

Моя рукописная книга была мной подарена одной рабе Божией, которая увезла её на Север, где не только книг, но и храмов не было.

Для меня любой священник был святым, учителем народа, совершителем Великого Таинства Евхаристии.

И однажды, в первый или второй год своего священства, я присутствовал на подобном собрании. Митрополит ругал молодого священника из семьи духовного сословия. Его отец был здесь же, в зале собрания, кандидат богословия, седовласый отец Александр, переживший гонения Советской власти, маститый протоиерей. Его сын, тоже священник, в чём-то провинился. Митрополит ругал молодого священника и напирал на то, что именно «сынки попов ведут себя развязным образом». Молодой священник, отец Николай, что-то попытался сказать в своё оправдание.

– Заткнись, щенок! – бросил ему Митрополит.

Я сидел опустив глаза, я боялся посмотреть в сторону отца Александра. Тишина на мгновение повисла в зале. Но Митрополит продолжал как ни в чём не бывало.

Однажды я приехал в резиденцию Митрополита и вошёл в приёмную, которая была пуста. Подождав немного, я осторожно стал продвигаться по полутёмному коридору вглубь в надежде встретить хоть кого-нибудь из матушек

или священства. Дверь в приёмную Митрополита была приоткрыта. Я невольно заглянул в неё. Митрополит сидел на кресле в простом коричневом подряснике, а перед ним на полу, на красивом красном ковре сидели отец секретарь из нашего города и ещё один приближённый священник. Митрополит отламывал кусочки от большой просфоры и кормил их из своих рук. Каждый из них приоткрывал рот, а Митрополит своими пухлыми пальчиками осторожно опускал в него святой хлебушек.

Я поспешил удалиться на улицу. Мне вспомнился день, когда я, молодой священник, оказался за столом вместе с Митрополитом. Угощали на славу. Владыка был разговорчив. Много шутил. И, похлопывая по лысой голове отца секретаря, приговаривал:

– Вот, отец Пётр совсем полысел от общения со мной.

На что отец секретарь отвечал шутливо:

– Нет, дорогой Владыка, мне Господь «лице продлил».

Митрополит был очень доволен шуткой.

Да, были времена и были нравы...

Но я отвлекся.

Благочинный вызвал меня, нового настоятеля, и объявил:

– У Архиеерея юбилей: двадцать лет служения на нашей кафедре. Все храмы сдают деньги на подарки Владыке. С тебя двести долларов.

Это была большая сумма для меня в те времена.

– Почему в долларах? Нельзя ли в рублях? У меня нет долларов.

Благочинный перешёл на шёпот:

– Не знаю, может быть, они боятся потерять на обменном курсе.

В субботу утром я приехал в собор к благочинному и вручил ему конверт, подписанный «от Храма Михаила Архангела», в котором лежало двести долларов, стодолларовая купюра и две по пятьдесят, которые я выменял у валютчиков в центральном универмаге.

Вечером на стройплощадке, в котловане, мы совершали службу.

Это было Всенощное бдение перед воскресным днём. Народу собралось человек семьдесят. Погода стояла тёплая, но переменчивая. Конец августа. Было подозрительно тихо, когда я громкогласно возгласил:

– Благословен Бог наш...

Не шевелилась ни одна ветка на высоких тополях, окружавших котлован с западной и северной сторон.

На шестопсалмии вдруг потемнело, потянуло влажным воздухом. Усилился ветер, с шумом закачались кроны деревьев и полил дождь. Я взглянул на небо. Светло было лишь на западе. Виднелась небольшая светло-бирюзовая холодная проталина.

Дождь усиливался, и я понимал, что служба сорвана.

– Иди объяви людям, чтобы они расходились по домам, – шёпотом сказал я мальчишке-алтарнику, – а мы будем продолжать.

Я знал, что службу останавливать не положено. Это как при запуске космического корабля – пятнадцатиминутная готовность: запускается система, и уже нет обратного отчёта. Ничего нельзя остановить и вернуть назад. Нечто подобное существует в нашем православном богослужении. Особенно это касается Литургии. Если ты начал Евхаристический канон, ты должен завершить его. Только смерть может быть для тебя извинением.

Алтарник жестами и словами стал провожать людей домой, предлагая им расходиться.

– Они не двигаются с места, – с намокшей головой и плечами шипел он мне в ухо.

Видно было, что ему хотелось остаться со мной вдвоём и героически завершить богослужение.

– Мир всем, – возгласил я в порядке богослужения, повернувшись к народу.

Все стояли под проливным дождём, склонив намокшие, потемневшие белые платки. Дождь продолжался всю мирную ектению утрени, весь канон, хвалитны и затих только к первому часу. Примерно тридцать минут. Евангелие читали под зонтом. Прихожане стояли и молились. Воздух был напоён сыростью и влагой, набегающий ветер сбивал с листьев капли, которые беспорядочной дробью осыпали богомольцев, плечи студила вечерняя прохлада, вдалеке раскатисто урчал гром.

После окончания службы, после отпуста, я повернулся к людям.

– Благодарю вас, дорогие братья и сестры, что вы не оставили меня одного у Престола.

– Ну как же мы своего батюшку бросим, – раздалось со всех сторон, – что ж мы... Бог терпел и нам велел...

– Вы сегодня напомнили мне мучеников Севастийских, которые, несмотря на холод, стояли в замерзающем озере, чтобы остаться верными Христу. Мы вместе построим храм. Теперь я в этом уверен.

– Помогай Бог батюшке, а мы уж подсобим... – не успокаивался народ.

– Спаси вас Господи за вечер молитвы, ступайте по домам.

Народ, переговариваясь и поёживаясь от холода, торопливо стал расходиться.

После службы удивлённые бабушки позвали меня в гараж.

– Батюшка, посмотрите, что положили нам в кружку: басурманские деньги.

Когда они показали их, я был поражён. В кружке лежали стодолларовая купюра и две по пятьдесят.

– Вы знаете, – сказал я им, – храм будет. Есть Божие благословение!

Как я мог рассказать им про доллары на подарок Митрополиту? Этих денег со всех храмов собралось более девятисот тысяч в русских рублях, на них Митрополиту купили золотую Панагию с камнями. Но наши деньги вернулись уже вечером. Всё случившееся было для меня знаком Божиего присутствия. Это укрепило мои силы».

Я отложил исписанные листочки, взял в руки со стола оставленную раскрытую книгу и продолжил читать.

«С сотворения мира пребывала Церковь земная непрерывно на земле и пребудет до совершения всех дел Божиих по обещанию, данному ей Самим Богом. Признаки же её суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примеси лжи, ибо в ней живёт Дух Истины; внешняя неизменность, ибо неизменен Хранитель и Глава её Христос.

Все признаки Церкви, как внутренние, так и внешние, познаются только ею самой и теми, которых благодать призывает быть её членами. Для чуждых же и непризванных они непонятны, ибо внешнее изменение обряда представляется непризванному изменением самого Духа, прославляющегося в обряде. Церковь и её члены знают внутренним знанием веры единство и неизменность своего духа, который есть Дух Божий. Внешние и непризнанные видят и знают изменение обряда внешним знанием, не постигающим внутреннего, как самая неизменность Божия кажется им изменяемой, в изменении Его творений. Посему не была и не могла быть Церковь изменною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы Духа Истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы

миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению, несогласному с учением и Духом Христовым. Не знает Церкви и чужд ей тот, кто бы сказал, что могло в ней быть такое оскудение Духа Христова. Частное же восстание против ложного учения, с сохранением или приятием других ложных учений, не есть и не могло быть делом Церкви: ибо в ней, по её сущности, должны были быть всегда проповедники, и учителя, и мученики, исповедующие не частную истину с примесью лжи, но полную и беспримесную истину. Церковь знает не отчасти-истину и отчасти-ложь, а полную истину и без примеси лжи. Живущий же в Церкви не покоряется ложному учению, не принимает таинства от ложного учителя, зная его ложным, не следует ложным обрядам. И Церковь не ошибается сама, ибо есть Истина; не хитрит и не малодушничает, ибо свята. Точно так же, по своей неизменности, не признает ложью то, что она признавала когда-нибудь за истину; объявив общим собором и общим согласием возможность ошибки в учении какого-нибудь частного лица, или какого-нибудь епископа, или патриарха (как, например, Папы Гонория на Константинопольском Соборе в 680 году), она не может признать, что сие частное лицо, или епископ, или патриарх, его преемники не могли впасть в ошибку по учению и что они охранены от заблуждения какою-нибудь особой благодатью. Чем святилась бы земля, если бы Церковь утратила свою святость? И где была бы Истина, если бы её нынешний приговор был противен вчерашнему? В Церкви, то есть в её членах, зарождаются ложные учения, но тогда заражённые члены отпадают, составляя ересь или раскол и не оскверняя уже собой святости церковной».

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Девушка лет девятнадцати стояла в сторонке и смотрела в мою сторону, пока я разговаривал с прихожанкой. Я слушал и с интересом поглядывал на взволнованную незнакомку. Как только прихожанка отошла, девушка решительно подошла ко мне.

– Вы можете повенчать меня с моим молодым человеком? – торопливо спросила она. – Но скажу вам прямо: он болен, он ВИЧ-инфицирован.

– Сколько вам лет? – удивился я.

– Ему двадцать два, мне девятнадцать.

– Родители благословляют вас?

– Мои родители на Украине. Я здесь живу у бабушки и учусь. Они мне разрешают замуж, они просто не смогут приехать на венчание. Я беременна уже. Беременна, да.

– И родители знают о твоей беременности?

– Об этом ещё не знают.

– А ты?.. – я замялся, не зная, как спросить, но девушка догадалась о моём намерении.

– Я не знаю, больна ли я или нет, но я беременна от него.

– Беременна? От этого человека?

– Ну да. Мы просто любим друг друга. И если нужно будет умереть, то мы вместе умрём. Это любовь, понимаете?

– Кто первым из вас заболел?

– Когда я с ним познакомилась, он был уже болен.

– И он не пожалел тебя?

– Он не хотел, чтобы я была с ним. Я этого хотела. У нас любовь, понимаете, настоящая любовь. Сейчас он себя очень плохо чувствует. У нас оста-

лось, может быть, несколько дней. И нам надо успеть повенчаться. Вы повенчаете нас?

Я задумался.

Она выглядела простой девушкой. Не выделялась ничем: ни внешней красотой, ни яркими одедами. Простая, бедная девушка. Может быть, она уже больна СПИДом?

– Сколько вы вместе?

– С января.

На дворе стоял апрель.

– Он наркоман?

– Да, он колосся. Я так хотела его снять с иглы. И мне удалось, но слишком поздно.

– Тебе надо обследоваться. Ты носишь ребёнка.

– Знаете, сейчас не во мне дело. Ему очень плохо. Он может умереть со дня на день. Вы повенчаете нас?

– Хорошо, приходите.

– Сегодня можно?

– Нет, сегодня вторник. Венчание не положено. Венчают в среду, пятницу и воскресенье. Приходите завтра.

– Мы придём. В какое время?

– Приходите после службы, к одиннадцати дня.

Она пошла к выходу. Я смотрел на неё и думал: «Это безумие. Она уничтожила свою жизнь. А он помог ей. Но почему ей не страшно?»

Я не мог понять, почему я согласился. Сомнения терзали меня. Я должен буду соединить их. Но если он действительно болен и, повенчавшись с ней, вскоре оставит её одну с ребёнком, что она будет делать? Видимо, отношение к Таинству брака у них легкомысленное. Сейчас надо заявить о своей любви всему миру и Богу, а если случится страшное, то можно о браке забыть и начать новые отношения. Но я, как священник, должен разъяснить глубину Таинства, всю его серьёзность, чтобы у брачующихся появилась ответственность за судьбу друг друга. Завтра я посмотрю на них и тогда буду принимать решение, чтобы не уподобиться священнику, который тайно венчает молодых, незрелых людей.

Я приехал домой. Из комнаты Ивана доносились звуки работающего процессора.

– Опять за компьютером, – произнёс я.

Я разделся. Снял подрысник, крест. Пошёл на кухню. Немытая сковорода. Остатки яичницы и масла. В раковине грязная тарелка, на столе крошки хлеба. Помыл посуду, сковороду. Подошёл к двери, постучал.

– Да, пап.

– Можно к тебе?

– Можно.

Лежит в пижаме. Весь в компьютере.

– Что делаешь? Играешь в покер?

– Пап, подожди. У меня отборочный турнир.

– Куда?

– На телевидение, РЕН ТВ, «Звезда покера». Знаешь такую передачу?

– Я не смотрю телевизор, кроме новостей.

Сын ни разу не глянул в мою сторону.

– Мне надо кое-что с тобой обсудить, Иван.

– Нет, только не сейчас. Я обыграл пять тысяч пятьсот тридцать человек. Мне осталось немного, и я буду заполнять анкету.

– Сколько же ты сидишь?

Мельком взглянул в угол монитора.

– Уже шесть часов.

– Ладно, освободишься, дай знать.

Когда же я упустил его? Его отрочество пришлось как раз на мои первые шесть лет служения. Только что отдали верующим собор, который был краеведческим музеем. Союз рухнул, рухнула коммунистическая идеология. Октябрята, пионеры, комсомольцы, наигравшись, словно дети, побросали значки и галстуки. Их родители пошли в Церковь, чтобы обрести забытые идеалы справедливости и добра для себя и своих потерявшихся отпрысков. Первая Воскресная школа, которая образовалась в соборе, насчитывала триста детей разного возраста.

Я не восстанавливал собор. Я служил день и ночь. Если учесть, что приходилось исповедовать по две тысячи человек и причащать на праздники тремя чашами в течение часа, – нагрузка была большая. Но и вера большая, и ревность «была не по разуму». Однажды я соборовал один двести человек, читал и помазывал участников таинства шесть часов. Люди молились, а среди них было много старушек.

Я думал тогда (об этом же мы мечтали в Литинституте), что пришло время спасения России. Русский народ обретёт свои святыни, восстановит традиции и культуру. И мы были счастливы послужить этому на первом форпосте Святой Христовой Церкви.

Общежитие на Новослободской по адресу: Москва, Добролюбова, 11, гудело в свободные от учёбы часы. Литературная богема обсуждала в прокуренных комнатах «бессмертные» произведения будущих великих литераторов, поэтов, прозаиков и эссеистов. Пили водку и крепкий чай, курили дешёвые сигареты «Прима». А мы – Владимир Чугунов, Михаил Резин и я – читали Василия Васильевича Розанова, «Пути русского Богословия» Георгия Флоровского издательства «ИМКА-Пресс». Читали вслух Андрея Платонова, его «Чевенгур» и «Котлован». Молились, соблюдали посты, ездили в Лавру и Переделкино на исповедь и причастие.

Однажды к нам зашёл один поэт, известный в узких кругах, и спросил:

– Ребята, какая у вас программа?

Это был 1985 год. Нас считали диссидентами.

– Наша программа не нова для России, – ответил Володя Чугунов. – Православие, самодержавие, народность – это высказал ещё Сергей Семёнович Уваров.

Нас воспринимали серьёзно, но не понимали.

Позже, после окончания Литинститута, мы, все трое друзей, не стовариваясь, приняли священный сан иереев Божиих.

Однажды к нам в комнату зашёл Олег Азиков. Это был большой, сильный человек. Он работал в Днепропетровске металлургом и учился заочно в мастерской прозы Владимира Амлинского. Олег сидел в нашей комнате общежития и восторженно слушал разговоры о духовности, о Церкви. К тому времени он был не крещён. Время было позднее, и мы прощались. Завтра надо было рано вставать, спешить на Ярославский вокзал к первой электричке, чтобы ехать в Лавру.

– Возьмёте меня с собой? – спросил Олег.

– Конечно.

– А мне можно, я ведь некрещёный?

– Можно. Будешь стоять как оглашенный.
– Как это – оглашенный?
– Когда услышишь возглас в церкви: «Оглашенные, изыдите!» – сейчас же выбегай из храма, – мы с Мишей Резиным сдержанно улыбались. – Знаешь, есть такое выражение в народе: «Что ты носишься как оглашенный». Понял?

– Понял.

Выходя из комнаты, он неожиданно схватил мою руку и поцеловал.

Когда он, смущаясь, выбежал, Володя Чугунов сказал:

– Пророчески поцеловал твою руку: быть тебе священником!

Позже мы привели его в церковь, и он крестился, взяв крестным отцом меня.

Потом жизнь нас разбросала.

Где ты, Олег Азиков, трогательный и добрый человек?

Ревность наша «по Бозе» была неудержимой. Мы готовились изменить мир, вернуть народу его культуру, вернуть святыни православия, показать единственный путь спасения через Церковь и через опыт великих отцов христианства.

В первый год служения отец Владимир Чугунов, который происходил из глубинной российской Нижегородской губернии, давшей миру великих аскетов и бунтарей – протопопа Аввакума, Ивана Неронова и Патриарха Никона, устроивших Смутное время в России в 17 веке, разделившее жизнь русской Церкви на два исторических этапа – до раскола и после него, – Великим постом принял за аскетические подвиги. Ни с кем из домашних, кроме пятилетнего Никиты, не разговаривал, вкушал пищу – хлеб и воду – один раз в день, совершал Богослужение по строгому уставу Великопостных служб, ничего не сокращая, чем измучил поющих и читающих в храме. Дома не выходил из молитвы, к матушке не прикасался, боясь оскверниться. Звонил мне и говорил, что спасение России начнётся отсюда, из Николо-погоста, из Никольского храма, что надо строить ещё два храма поблизости, для меня и отца Михаила, во имя Святой Троицы. Требовал приехать не позднее окончания Великого поста с семьями и начинать Соборное богослужение.

– Будешь завтра, в воскресный день, служить, – говорил он мне по телефону, – в момент причастия произнеси слова: «Господи, причастия меня Сам».

Тон разговора был сокровенно-таинственный, касающийся только посвящённых. Матушка его сообщала, что она «в ужасе, Володенька на себя не похож, разговаривает только с Никитушкой, говоря, что уста младенца глаголят истину и что будет исполнять только то, что Никитушка скажет».

Мы с отцом Михаилом, московским композитором Владимиром Щукиным, бросив всё, отправились в Троице-Сергиеву Лавру к архимандриту Кириллу. Друзья-академисты проводили нас обходными путями к батюшке. Отец Кирилл встретил нас приветливо, но сдержанно. Усадил на лавку, помолившись перед образом Спасителя, сел напротив нас, поглаживая свою длинную, совсем белую бороду. Он был худощав, впалые щёки, бледность лица и поблёскивающие живые глаза говорили о глубокой внутренней духовной жизни этого человека. Великий пост на всём его облике словно отпечатывал состояние молитвенной отрешённости. Говорил он глуховатым голосом, скороговоркой, простой русской речью:

– Говорите вы, – обратился он к отцу Михаилу, – вы же ближе всех к вашему брату находитесь.

– Да, отец Кирилл, ближе всех, в сорока километрах друг от друга служим.

– Что же вы по-братски редко общаетесь, разве не знаете слов: «Хорошо нам, братья, спастись вкупе»? – отец Кирилл ласково смотрел на нас. –

Коли так было бы, не случилось бы и беды. А теперь поезжайте к брату вашему, исправляйте ошибку.

– Дайте совет, отец Кирилл, – взволнованно обратился я, закашлявшись. – Отец Владимир слушать никого не слушает, матушку сделал первым врагом после того, как она нам по телефону рассказала о его сумасшествии. Разговаривает только с младшим сыном и ничего не ест, кроме хлеба и воды.

– Вера его настоящая, и ревность его Богу приятна, вот только опытности нет совсем, – как бы сам с собою тихо говорил батюшка, – но этот искуcс надлежит пройти.

Воцарилось молчание. Мы во все глаза смотрели на словно застывшую фигуру архимандрита Кирилла. Чёрный клобук его подчёркивал белизну лица и свет, исходивший из выцветших глаз. Говорили, что это был тот самый старший лейтенант Павлов, именем которого назван дом в Волгограде. Единственный уцелевший во всём городе дом после кровопролитного Сталинградского сражения, который стал символом мужества и героизма. Рассказывали, что защитнику Павлову по его горячим молитвам явилась Богородица и помогла выстоять. А после войны лейтенант Павлов ушёл в монастырь и принял монашество.

– Я вам дам номер телефона. Как приедете к нему – а поезжайте незамедлительно, – через сутки позвоните.

Батюшка встал со стула, взял со стола листочек из заготовленной стопки бумаг, карандаш и крупно написал номер телефона. Мы подошли под благословение.

– Писатели? – спросил нас батюшка, улыбаясь кроткой, едва заметной улыбкой.

– Были писатели, теперь священники! – гордо ответили мы.

– А одно другому не мешает, – взяв мои руки, ласково говорил отец Кирилл, – дар слова нужен одинаково и священнику, и писателю. Но дар этот «свыше есть», вот о чём надо помнить и чему надо служить.

Мы нашли отца Владимира подозрительно и даже враждебно настроенным по отношению к нам. Матушку он обвинял в пособничестве диаволу, что она, якобы по его подсказке, пригласила нас, чтобы помешать ему в деле спасения. Целые сутки мы пытались разговорить батюшку, вспоминали студенческие годы, забавные случаи, чтобы как-то вернуть его в прежнее состояние, но он ни на что не реагировал. Называл нас «пустыми людьми, насмешниками и слугами сатаны». Делать было нечего. На свои силы мы не надеялись, надо было звонить отцу Кириллу.

Батюшка долго не подходил к телефону. Наконец мне удалось дозвониться, и, только я начал рассказывать о том, что здесь происходит, отец Кирилл кратко сказал мне:

– Свяжите его и положите на лавку. Через сутки развяжите и везите ко мне.

Отец Владимир почти не сопротивлялся, когда мы четвером с молитвой «Да воскреснет Бог!» приступили к нему с верёвками. Он лежал смиренно, только обличал нас и матушку да просил сидеть рядом с собой Никиту. Всю ночь мы попеременно дежурили в кабинете отца Владимира. Утром стали уговаривать его ехать к архимандриту Кириллу в Лавру, сказав, что только после его согласия развяжем. Батюшка согласился при одном условии: взять Никиту с собой. Матушка залилась слезами, представив долгое путешествие своего дитяти с четырьмя мужчинами. Но вскоре успокоилась и согласилась.

Всю дорогу мы молчали. Отец Владимир был угрюм. Прижимал к себе Никиту, которому объятия отца мешали созерцать меняющиеся за окнами картины природы.

Отец Владимир вошёл к архимандриту Кириллу и вышел через пятнадцать минут со словами:

– Я был в прелести.

Взгляд его прояснился, он стал прежним. Мы обедали у Щукиных. Единственное, о чём попросил отец Владимир за трапезой, – не исполнять песен во время Великого поста. Невозможно было представить визит к Щукиным без песен знаменитого композитора. Но возражать никто не стал.

– Па, представляешь, я отобрался. Я в числе финалистов! Они скоро пришлют мне вызов в Москву. О чём ты со мной хотел поговорить?

– Присядь. Знаешь, Иван, есть такая поучительная история.

Иван закатил глаза и покусывал губы.

– Ну послушай. Это тебя касается.

– Ну давай.

– Один юноша влюбился в женщину древней профессии, женщину плохого поведения.

– Па, я знаю.

– Ну вот. Он спешил к ней на свидание. Погода была ужасная. Дождь лил не переставая. А ему надо было преодолеть большое расстояние. Он должен был переплыть реку. Потоки воды усиливали течение волн, плыть было трудно. Он увидел, что плывёт большое бревно, и ухватился за него, а это оказался крокодил, который, видимо, был сыт и не сожрал его.

– Па, я где-то уже это читал, по-моему, у Козэльо.

– У Козэльо это есть?

– Ну да, не помню, в какой книге.

– Удивительно, он это списал из Вед.

– Из Вед?

– Да из индийских Вед. Помнишь, чем кончилось?

– Не очень.

– Тогда я расскажу тебе. Переплыв реку при помощи аллигатора, он вышел на берег и пошёл дальше. Перед ним вырос высокий забор, который он должен был преодолеть. Зацепившись за лиану, он стал вскарабкиваться. Но почувствовал под рукой что-то живое. Вместо лианы оказалась змея. Но и она, по счастливой случайности, не укусила его. Короче говоря, он, вымокший до нитки, уставший и испуганный, но счастливый, добрался до своей возлюбленной. Сел перед ней и стал рассказывать свои невероятные приключения, которые претерпел ради неё. Она внимательно смотрела на него и вдруг серьёзно сказала:

– Знаешь, те испытания, которые ты перенёс, не стоят наших отношений. Если бы ты так шёл к Богу, ты был бы самый возвышенный святой на свете.

Эта мысль взволновала его, и он ушёл от неё. Позже он стал одним из возвышеннейших святых, а её поминал всю жизнь как свою наставницу.

– Ну и зачем ты мне это рассказываешь?

– Ты шесть часов сидишь перед компьютером, делая огромные усилия, чтобы победить шесть тысяч человек, играя в покер, эту сатанинскую игру. Если бы так шёл к Богу или к настоящему делу жизни, ты многого мог бы достичь. Понимаешь?

– Пап, ну опять ты говоришь одно и то же, – он пыхтел и вертелся, – идти в семинарию, не имея глубокой веры, вот как у тебя, нет смысла.

Зачем я буду обманывать людей или ходить на работу, как все это делают? Здесь же нужно призвание. Вот ты нашёл себя. Я очень этому рад, конечно. А я себя ещё ищу.

– Ты что, не имеешь веры в Христа Спасителя? Ведь ты не холоп, а батюшкин сын!

– Я верю. Но не настолько, чтобы быть священником, как ты.

– Ты изучай, Ваня. Может быть, ты не там ищешь, сынок?

– Я изучаю, – нетерпеливо и уже с раздражением произнёс он. – Это всё?

– Нет, нет, стой...

Разговор с девушкой о венчании не выходил у меня из головы.

– Вот ситуация...

Я рассказал ему о девушке и наркомане.

– Скажи, почему она так себя ведёт? Почему у неё нет страха? Ты понимаешь своих сверстников? Объясни мне, чтобы я понял.

– Она просто дура, вот и всё. А он отморозок.

– Вань, подожди. Может быть, у неё настоящая, большая любовь к этому парню.

– Какая сейчас может быть любовь?!

– Такая, как, например, у Ромео к Джульетте. Оба мертвы. Мы помним эту возвышенную любовь.

– Па, не смей меня.

– Нельзя допустить этого? Она пришла с самым серьёзным намерением связать себя с этим человеком в верности навсегда, понимаешь? Она пришла просить повенчать их.

– Пап, вот он умрёт, этот наркоман, она найдёт такого же обманщика и будет его спасать, если сама, конечно, не окоцурится. Они адреналинщики – эти современные тусята. Они без драйва жить не могут, понимаешь?

– Неужели всё так стало просто? Просто и плоско? В наше время...

– Пап, в ваше время секса не было – вот в чём разница вашего и нашего времени.

– Ну как ты рассуждаешь?!

– Как все.

– Когда человек входит в храм, он становится настоящим, самим собой, глубоким. И он хочет быть таким, какой он есть в глубинах самого себя. Жизнь не позволяет ему этого, понимаешь.

– Понимаю. Ну повенчай их.

– Повенчать?

– Повенчай... – Он удалялся в свою комнату, на ходу громко крикнув: – И назови их Ромео и Джульетта!

– Я не договорил с тобой. Я хотел сказать тебе о вкусе к счастью и о призвании. И ещё о вере. Ты так плохо вёл себя.

Он вернулся и, глядя мне в глаза, сказал:

– Пап, а вот о вере не надо говорить. Я ничего не хочу знать о ней. А сейчас мне некогда, у меня встреча.

Он хлопнул дверью. Я зажёл лампаду перед иконой Божией Матери и открыл канон молебный. Я вспомнил о маленьком мальчике Илюше, стал молиться за него, пытаюсь вникать в каждое слово канона, пропускаю его через своё сердце. Но мысли о сыне сбивали меня. Чистой молитвы не было. «Он повзрослеет, его интересы изменятся, – успокаивал я себя, – ведь это мой ребёнок, мой сын. Природа возьмёт своё. Он пересилит заблуждения молодости, он будет читать книги и будет развиваться. Он получит знания через искусство, и опыт жизни сделает его глубоким, серьёзным».

О БЛАГОЧЕСТИИ

«Дорогой Иван! Я обещал тебе рассказать о таинственном слове «благочестие». Тайна Христа – это как раз и есть тайна благочестия.

Буду говорить на понятном тебе языке. Благочестие – это ресурс. Его можно сравнить вот с чем. У тебя есть компьютерная игра. Твой герой идёт по уровням, и у него в запасе несколько жизней. Проходишь разные препятствия, и твой герой теряет жизни, одну за другой. И вот наконец сгорают последняя, и машина возвещает: «game over» – игра закончена. Может быть, ты пройдёшь все уровни и останешься жив, но это зависит от многих факторов. Не будем вдаваться в тонкости игры. Для меня важен этот образ.

В жизни бывает так: у кого-то много благочестия, этого таинственного ресурса, у кого-то меньше. От чего он зависит? Он зависит, в первую очередь, от наследственности. Если предки человека сделали в жизни что-то хорошее, например, делали много добра людям, служили Родине и Церкви, были военными, помогали нищим, любили всё живое, они передадут много благочестия потомкам. А если предки не делали добрых дел, а, наоборот, убивали, разрушали, притесняли, терроризировали людей, издевались над животными, они оставят меньше благочестия. Меньше жизней. Как в компьютерной игре! Так вот, этот ресурс очень важен. Мы проходим уроки жизни и поднимаемся по уровням, чтобы стать совершенными. И этот ресурс, ресурс благочестия, помогает преодолевать препятствия в жизни и подниматься по уровням.

Например, святой человек. Он имеет огромный запас благочестия. Его ресурс впечатляет. В нём большие жизненные мощности. Он может совершить противоестественный для себя поступок, согрешить, съесть кусок мяса, которого он не вкушает уже, может быть, двадцать пять лет, и это не осквернит его сознания, потому что он покроет этот поступок, этот грех своим благочестием. Он даже может совершить более страшный грех, но Бог не вменит ему грех в грех, то есть не осудит его, потому что сила благочестия покроет это преступление. Другой же человек, обладающий небольшим ресурсом благочестия, совершая преступление, может пострадать и даже лишиться жизни из-за болезни или несчастного случая. Потому что нет у него столько благочестия, чтобы покрыть преступление. Машина-жизнь может сообщить «game over», окончание игры.

Конечно, мой мальчик, святой человек не станет искушать Бога, совершая преступление, потому что сила разума его такова, что он стремится к творчеству, к тому, чтобы создавать целые миры.

В одном из апокрифических Евангелий есть очень известный сюжет. Маленький Христос у реки Иордан из глины лепит птичек. Он творит как все дети, любящие рисовать и лепить. Ты тоже в детстве любил это. Проходит мимо саддукей, хранитель Моисеевых законов, и обличает его в том, что он работает в субботу. Отрок Христос огорчается, что прерывают его детскую игру. Он ставит своих птичек в ряд и, взмахнув руками, произносит:

– Шух, летите!

Птички становятся живыми, вспархивают и радостно взмывают в небо. Каждый человек способен творить, вдыхать жизнь в материю. Но для этого нужна энергия благочестия. Сакральная вещь – это благочестие!

Я думаю, дорогой мой мальчик, что сейчас деградация современного человечества такова, что люди живут уже в сновидениях ада. И их самосознание находится на уровне неразумных детей. Задача же человека, приходящего в этот мир, состоит в том, чтобы понять через высокие принципы

самосознания, какая сила благочестия скрывается в нём! Или какие страсти, какие немощи разрушают его судьбу, уничтожают его жизнь. Человек должен стать существом с высоким принципом самосознания. От этого зависят вся жизнь человека и его счастье.

Глубинная память ума хранит всю информацию о жизни наших предков. В тебе живу я, твоя мать, мой отец и моя мать, родители моей матери и моего отца и так далее по роду. Все генетические программы рода живут и проявляют свою непреложную силу. Они раскрываются в твоих мыслях, твоих желаниях и привязанностях. Все, что желали наши предки и не получили в жизни, переходят желаниями в тебя. И часть из них может быть тобой реализована. Потому что все желания имеют непреложную силу, и все они осуществляются, только вопрос: когда? В жизни моего отца, в моей жизни, твоей или жизни твоих детей? Желания стоят в очереди, но какие это желания? Это вопрос Гамлета: «Быть или не быть?» – совершить поступок или не совершать его?

Многие люди не задумываются об этом, они просто живут. Но человек, понимающий глубину жизни, размышляющий о своём призвании, жаждет понять, зачем жизнь кончается смертью? Он становится на путь самопознания. Он воспитывает в себе высокие принципы самосознания. И те желания, которые хаотично возникают в его голове, контролируются им. Особенно те, которые способны уничтожить его цели на пути к высокому счастью и разрушить его судьбу. Он освобождается от них, он отсекает их от себя. Весь смысл жизни человека-аскета (ты знаешь смысл этого слова) заключается в том, чтобы очистить глубинную память ума от всех разрушительных привязанностей и желаний и сделать хотя бы один шаг к духовному миру, к истоку, из которого всё произошло.

И в этом – ответственность личности за судьбу своего рода. Понимаешь? Жители земли не осознают этой ответственности. Вместо того чтобы очищать себя от преступлений и порочных привязанностей, накопленных по цепи рождений и смертей рода, и приближать свой род к духовному миру, они приобретают новые желания и новые привязанности и страсти и тем самым осложняют жизнь будущих поколений. Это как селевой поток, сорвавшийся с горы, всё живое уносящий и погребаяющий под толстым слоем грязи и камней. Кстати, мой дорогой, природные катаклизмы возникают как раз из-за отсутствия творческого участия человека в космических процессах мироздания. От этого, кстати, исчезают целые виды растений, животных и птиц.

Ты спросишь меня, что же делать тем, кому не повезло? Тем, кто при рождении не получил достаточно благочестия, чтобы быть здоровым и преодолеть все удары судьбы? Я отвечу тебе. Общение. Вот самое главное, что должен помнить человек, не имеющий ресурса благочестия. Общение с благочестивыми людьми. От этого соприкосновения он будет получать духовную энергию и восполнять свой скудный ресурс.

Гениальность нашей Церкви – в её таинствах, и в этом смысле таинства священства удивительны. Я знаю несколько случаев из жизни, когда неблагополучная семья выбирала себе духовника и становилась счастливой. У главы семьи хорошо складывался бизнес, сын оканчивал университет, дочь, не отличавшаяся целомудренной жизнью, удачно выходила замуж и рожала детей, мать молилась и участвовала в строительстве храма. Она, мать, во всём помогала священнику, через его благочестие устраивала жизнь своей семьи. Но потом священника оклеветали, и она отошла от него. В течение трёх лет муж потерял бизнес и не выходил из судов, дочь заболела тяжёлой

болезнью, которой по женской линии матери страдала её бабушка, и в семье воцарился страх.

Россия знала великих старцев, которые окормляли (то есть кормили пищей благочестия) тысячи и тысячи русских людей, управляли их жизнями, давали им и веру, и надежду, и любовь. Их святые мощи и память о них хранят этот неисчерпаемый ресурс благочестия и продолжают окормлять несчастных. Но чудес становится всё меньше, потому что велико падение сознания современных людей.

Вот что такое благочестие, мой дорогой мальчик. Помни об этом. Помни всю свою жизнь. И когда ты задумаешь согрешить, подумай, хватит ли у тебя благочестия покрыть твой грех».

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА ПО-РУССКИ

Апрель выдался прохладным. Пригревало солнце, снег растаял, но из земли ещё не вышел холод, скопившийся за долгую зиму. Он поднимался вверх, весенний ветерок подхватывал его и перемешивал с тёплыми потоками воздуха, но ещё чувствовалось дыхание зимы. Ветви деревьев наполнялись соками, выпрямлялись и приобретали розоватый оттенок. Совсем скоро набухнут почки, распадутся и появятся клейкие листочки, свидетельствуя о пробуждении природы.

После зимы рабочие неторопливо начинали обживать стройку. Ставились строительные леса. Подвозили в мешках сухую шпаклёвку, краску. Все материалы складывали в металлическом гараже, из которого тянуло холодом и сыростью.

В начале апреля молодой бизнесмен Андрей Бизин привёз сто мешков цемента на грузовой машине, принадлежавшей его компании. Это было его второе пожертвование на строительство храма.

Прошлым летом у него на шестьдесят втором году жизни умер отец. Болезнь пришла неожиданно, и за два месяца полный сил человек превратился в старика. Я приехал в их загородный дом, чтобы отпеть покойного.

Андрей, которого я не видел несколько лет, держался возвышенно-строго. Поминутно глаза его наполнялись слезами.

– Я не знаю, сделал ли я всё необходимое для своего отца, – с болью повторял он. – Отец умер в больнице. Это неправильно. Человек должен умирать в своём доме, в окружении любящих его родных людей.

Я слушал его и думал о том, что чувство вины возникает у всех людей, которые теряют близких. Кто может быть уверен в том, что он сделал всё что мог для своих родителей? Но сильнее всего чувство вины охватывает после трагических месяцев болезни, которая завершается смертью. Порой кажется, что мы можем повлиять на судьбу человека, но она всецело принадлежит не нам, а премудрому промыслу Божию.

– Если бы я уговорил его ехать на лечение в Германию, – твердил Андрей, – он был бы жив. Мне не жаль денег. Но свободных не было, нужно было вытаскивать из моего неокрепшего бизнеса. Отец это знал и всячески удерживал меня. А я, получается, не очень-то и настаивал. И была эта мелкая мысляшка, – Андрей кривил губы и покачивал головой, – что всё обойдётся и бизнес не пострадает. Противно...

Я отпел его отца, он попросил телефон и через два дня приехал на стройку.

– Чем я могу помочь строительству храма, отец Евгений?

Я попросил цемент. Этот материал уходил очень быстро.

На другой день он привёз сто мешков сыпучей смеси. Этого хватило на целое лето.

Утром перед богослужением я, поёживаясь от весенней прохлады, обходил стройку. Там рабочие бросили лестницу у стены, забыли мешок с цементом, а ночи холодные и сырые... Кирпича достаточно, хватит на пару недель работы...

Служба отошла. Я завершал панихиду.

В половине одиннадцатого в храм пришла девушка в чёрном платке. Я не сразу узнал в ней вчерашнюю мою просительницу.

– Он умер, – сказала она. – Вы придёте к нам?

Глаза потемнели от слёз, лицо осунулось, чёрный платок старил её.

«Всё-таки она его любила», – подумал я.

– Умер? Когда? – спросил я.

– Сегодня в четыре тридцать утра. Вчера потерял сознание, впал в кому.

Сейчас он в морге.

– Когда будете хоронить?

– Завтра днём. А можно отпеть на улице, во дворе у подъезда?

– Можно, – согласился я, – днём уже не холодно.

– Это совсем рядом с храмом, – сказала она, – во дворе продуктового магазина.

– Будете выезжать из морга, позвоните мне, и я подъеду, хорошо?

Она записала мой телефон и, сгорбившись, молча пошла к двери.

Я окликнул её.

– Подожди.

Она остановилась. Я подошёл к ней.

– Что собираешься делать?

Слёзы полились у неё из глаз. Она зарыдала и слегка прильнула ко мне.

Минуту я стоял не двигаясь.

– Простите, – произнесла она глухим голосом, смутившись и всхлипывая, – я вам завтра позвоню.

Она торопливо вышла из храма.

«Что с ней будет?» – подумал я.

ИЛЮША И ДОКТОРА

Меня пропустили через приёмный покой. Пахло гречневой кашей и чем-то кислым. Дети сидели по палатам, дежурная медсестра на посту под настольной лампой что-то писала. Я тихо вошёл, она подняла голову. Я поклонился ей и жестом показал своё намерение пройти к Илюше. Она согласно махнула рукой. Я шёл почти на цыпочках до самой двери. Мне никто не встретился. Я тихонько постучал. Открыла Наталия и, увидев меня, заплакала.

– Анализы плохие, лейкоциты зашкаливают. Он ничего не ест, плачет... – Наталия вытирала платком слёзы, которые бежали по её впалым щекам. – Помолитесь, батюшка. Когда вы молитесь, нам становится легче. Конечно, я вас совсем, совсем замучила. Но я не знаю уже, к кому мне обращаться за помощью. Я никому не верю. Говорю врачам: «Отправьте нас в Москву» – а они сперва отвечали, что схема лечения там, в Москве, точно такая же, как и здесь, а теперь говорят, что он не транспортабельный, «мы его не доведём». А ему всё хуже и хуже. Получается, что здесь его неправильно лечат? Но врачи не признаются.

Мы прошли к Илюше.

– Илюша, батюшка пришёл полечить тебя.

Наташа встала перед кроватью на колени и поглаживала беспомощно его обнажённые ручки.

Он не шевелился. Бледность и сухость его посиневших губок поразили меня. Казалось, что вокруг него ничего не существовало. Ни матери, которая гладила его припухшие руки, ни меня, смотревшего на него как сквозь слюду.

В палате было сумеречно. По углам от тусклого света залегли размытые тени, предметы потеряли свои очертания. Всё вокруг казалось бессмысленным и ненужным.

Вдруг он неожиданно всхлипнул и как будто заплакал. Но это продолжалось одно мгновение.

– Я рядом с тобой, Илюша, я здесь, – шептала сквозь слёзы мать.

И он затих. Я облачился в епитрахиль с поручами, встал на колени рядом с матерью и начал молиться.

Я хотел бы быть Божьим присутствием в такие минуты, чтобы животворящая сила полилась через меня, коснулась болезни и уничтожила её. Но я снова и снова задаю себе вопрос: «Кто я в такие минуты? На что я способен?» И отвечаю: я препятствие для животворящей божественной силы. Во мне нет чистоты, я составлен из вещей этого падшего мира, который во зле лежит. Я состою из привязанностей и страстей, двоящихся мыслей и странных желаний.

Я увидел себя как бы со стороны стоящим на коленях рядом со страдающей женщиной перед кроватью, в которой лежит брошенный всем миром одинокий маленький человечек. А другой «я» стоит в стороне и наблюдает за происходящим, думая о своём месте в чужой жизни и чужой судьбе. Что я делаю здесь, где происходят события, определённые не естественным ходом вещей, а дьявольской силой, способной вносить хаос в установленный порядок? И я своим присутствием должен объяснить этим людям, что Бог не ошибся, что гармония существует, даже несмотря на страдания ни в чём не повинного ребёнка. Просто произошла досадная ошибка, сбой в программе человеческой жизни. Но не Бог виноват, виноваты сами люди. Это мой взгляд на происходящее, согласный с опытом Церкви.

Опыт говорит, что принять страдание ребёнка можно лишь тогда, когда ты веришь верой всей Церкви, что душа человека бессмертна. Что этот малыш, спасённый от страданий жизни, забирается Богом в лучшую жизнь, где нет ни печалей, ни воздыхания. И эта вера оправдывает любые события жизни, даже самые трагические, неуправляемые события, напоминающие стихийные бедствия. Это войны, в которых гибнут миллионы людей. Убийства, болезни, несчастные случаи. Первое моё «я» принимает этот опыт на веру, а второе «я» говорит, что ты не знаешь этого опыта, потому что сам его не проходил. И это второе «я» уличает первое во лжи, потому что это всего лишь оправдание беззаконий, которыми наполнен мир. Бог молчит, потому что Он уже всё сказал человечеству. А оно Его не расслышало, и этот голос всё больше теряется в пространстве и, кажется, скоро исчезнет совсем.

У меня нет сил сказать, чтобы безутешная мать смиренно отпустила ребёнка в лучшую жизнь. Потому что для неё эта «лучшая жизнь» всего лишь смерть. И она, и многие подобные ей люди никогда не бывают готовы встретить трагические события жизни, которые приходят внезапно и застигают человека врасплох. И я не могу сказать людям, что эта болезнь не к смерти, а к славе Божией, потому что через страдания одних обретают жизнь другие. Потому что жизнь и смерть в промысле Божиим – это одно и то же. И рождение в бессмертие достигается страшной кровавой жертвой. Иногда смертью младенца.

«Расскажи, объясни это матери, – говорит мне мой двойник и смотрит, смотрит на нас, стоящих у кровати ребёнка и произносящих механически слова молитвы, высказанные другими людьми несколько веков назад, – вот сейчас расскажи ей, когда она плачет и поглаживает тонкие бледные ручки своего младенца. Зачем я оказываюсь в обстоятельствах, когда с людьми происходит самое важное и самое главное? Жизнь, любовь, страдание и смерть. Когда в этих обстоятельствах место только Богу, а не человеку, потому что у человека нет сил что-либо изменить».

«Вот ты и должен быть Божьим присутствием, – укоризненно говорит мне второе «я», – почему же ты не скопил эти силы? Почему ты идёшь неуверенной походкой и за тобой не следует бездна по пятам? Почему ты, следуя вперёд, дав обеты Богу, трусливо убегаешь назад, в жизнь, чтобы насладиться её благами? Почему, почему?..»

Илюша уснул. Он лежал в том же положении, в котором я застал его. Мать, склонив голову на подушку рядом с сыном, тоже, казалось, спала. Я не знал, сколько времени продолжалась молитва. Дыхание у них было ровное. Я пошевелился, чтобы встать на ноги, Наталия приподняла голову.

– Хочу лечь, простите, – сказала она, – я очень устала.

Облокотившись о край кровати, она осторожно приподнялась, поправила одеяло на Илюше и сказала:

– Спит, и щёчки его порозовели. Спасибо вам.

Я попрощался и вышел в коридор отделения. Он был пуст. Бедная его обстановка удручала: стены обшарпаны, на полу отсутствовали целые куски линолеума, зияли проплешины холодного бетона. Из ярко освещённой двери процедурного кабинета выглянула в полутёмный коридор заспанная дежурная медсестра и скрылась. Я прошёл к выходу, не встретив больше ни души.

СЫНУ. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

«Дорогой мальчик! Как-то я для себя вывел формулу, которая объясняет, по крайней мере для меня, процесс деградации всего человечества. Она строится на известном выражении принца датского Гамлета. Ты, конечно, знаешь эту трагедию Уильяма Шекспира. Так вот, принц датский, сын короля, узнаёт о том, кто является убийцей его отца. И перед ним стоит выбор, который заключается в следующем: отомстить за смерть отца или оставить убийцу суду Божьему.

Надо понять, в какое историческое время происходят события, описываемые в трагедии. Это время в культуре называется Возрождением. Для него характерно то, что человек начинает сомневаться в бытии Бога. Это происходит потому, что, достигнув огромных успехов в области философии, медицины, искусства, он начинает возвеличивать себя и ставить чуть ли не выше Творца. Провозглашает себя мерилом всех ценностей. Средневековый человек верил в Бога, доверял Ему и был Ему верен. И он не сомневался, в отличие от человека Возрождения, в бытии Бога и во всех Его обещаниях. Гамлету приходит мысль о том, что, возможно, неотвратимость Божественного наказания – это всего лишь метафора, придуманная для воспитания людей. И в таком случае преступление, связанное с убийством его отца, окажется неотмщённым. Тогда ему нужно осуществить это отмщение. Но в его генетической памяти заложена мысль о том, что если все обещания Бога – правда и наказание не метафора, а суровый Божественный суд в вечности, то он, Гамлет, будет осуждён этим судом после совершения убийства Клавдия. Вот

Гамлет и ставит перед собой этот сложный вопрос: быть или не быть? Оставить суд над преступником Богу, который говорит: «Мне отмщение и аз воздам» (то есть: за нас есть кому мстить) – и тогда остаться живым в вечности, не погибнуть. Или, совершив преступление убийства, погибнуть в вечности. В этом вопросе сомнения человека эпохи Возрождения. Союз «или» в этой формуле говорит именно об этом.

Почему я привожу эту формулу первой? Потому что она более всего понятна. До этой формулы существовала другая формула, то есть другое содержание сознания человека. Это средневековое сознание. Что для него характерно? Вера в существование Бога. Вера в загробную жизнь после смерти, в неотвратимость наказания. Существует большое количество произведений, в которых осмысливается то, как взаимодействуют друг с другом эти два мира – мир реальной жизни и мир загробный. Они буквально пронизывают друг друга, с пугающими подробностями явления умерших людей, и так далее. В таком случае известная формула выглядит так: быть и быть. Союз «и» говорит в ней об отсутствии сомнения средневекового человека. Он был здесь и будет там, в другой жизни, после смерти.

Далее появляется человек уже не с сомнениями, как в эпоху Возрождения, а с отсутствием веры. Человек, несущий в своём сознании нигилизм. Отрицание Бога. Иван Сергеевич Тургенев впервые использовал это словечко в русской литературе. И прививка оказалась столь сильной, что прижилась и пустила корни. Изображая нигилиста Базарова, он говорит его устами:

– Вот ты умрёшь, тебя в могилу зароят, лопух на могиле вырастет, и ничего больше не будет.

Базаров утверждает, что Бога нет и загробной жизни тоже нет. Человек бесконечно смертен. Подлежит естественным законам живой природы: смерть, разложение, тление. И формула, характеризующая сознание человека того времени, выглядит так: быть и не быть. Союз «и» и частица «не» выражают отсутствие веры в сознании человека.

Наконец, в двадцатом веке появляются люди, которые несут в своём сознании не только отрицание Бога, но и отрицание самой жизни. Они создали философию экзистенциализма (философию существования), утверждая, что жизнь, наполненная страданиями, болезнями и смертью, не является привлекательной. Жизнь для них – кем-то поставленная трагикомедия, в которой они категорически не хотят участвовать. Они задавались вопросом: почему родители без их на то позволения дали им жизнь. Там, на том свете, – говорили они, – нет никакого Бога и никакой загробной жизни, но и от этой жизни их мучит метафизическая тошнота. И формула, которая выражает последнее состояние человечества, такова: не быть и не быть, где союз и частицы отрицают не только Божество, но и самую жизнь.

Я знаю людей, которые являются носителями подобных убеждений. А искусство лишь выражает глобальные процессы, происходящие с сознанием человека».

УБИЙСТВЕННАЯ КРАСОТА

Она позвонила мне, когда тело забрали из морга. В голосе слышна была эта угнетающая атмосфера смерти.

Я выехал, чтобы успеть к покойнику. Отпевание планировали на улице.

Волновался ли я? Нет, не волновался. За двадцать лет священнического служения я видел много умерших людей. Это были мужчины и женщины

разного возраста; юноши и девушки, дети, скончавшиеся от болезни, утопленники, люди, погибшие в автокатастрофах. Не люблю читать на службах записки об упокоении, в которых пишут «убиенный такой-то», «младенец такой-то». Противоестественно: забивают скот, а не людей. Нарушается порядок вещей, распадается гармония мироздания, попирается справедливость. Попробуйте сохранить веру, когда вы отпеваете младенца, а его молодая мать, обидевшись на Бога, не стоит у гроба, не молится, а сидит окаменевшая, бледная и опустошённая на кухне, где пахнет приготовленной едой для поминальной трапезы.

Я знал этот двор. Четырёхэтажные «хрущёвки» полинялого жёлтого цвета. Гроб стоял у подъезда. Несчастливая отделилась от толпы и вышла мне навстречу. В чёрном платке, исхудавшая и сильно постаревшая за одну ночь.

Мы остановились друг против друга.

– Здравствуй, – как можно спокойнее сказал я. – Как ты?

– Всё дрожит внутри. Я хочу, чтобы это скорее закончилось. Я здесь никому не нужна. Его нет уже. А они все меня не видят, не замечают. Так трясёт, что душа готова выскочить.

– Ты подойдёшь ко мне после службы, ладно? Проводишь меня?

– Хорошо.

Я пошёл вперёд, к толпе. Вокруг гроба стояли женщины и один мужчина. Мать присела на табурет у гроба. Она не плакала, а просто не отрывая глаз смотрела в лицо умершего сына. Единственный мужчина, её муж и отец покойного, был рядом, как мог поддерживал её.

Другие мужчины стояли поодаль, в стороне. Казалось, что их не касается всё то, что сейчас будет происходить. Это дело женщин – молиться, плакать. Эта «лирика» со службой, священником – не для них. Они в своём суровом братстве. Курят, переживают. Дальше, у палисадника, большая группа ребят в чёрных коротких куртках. Руки в карманах, сутулятся, бросают взгляды исподлобья. Это друзья, сверстники. Стоят отстранённо, поглядывают одичало в сторону гроба. Есть в этих взглядах что-то геройское, залихватское и гордое. Как будто говорят: на его месте мог быть каждый из нас, но нам совсем не страшно. Живут так, как им нравится, с молчаливого согласия либеральной власти. Они никому не нужны: ни государству, ни обществу – ими никто не занимается. Это молодые волки, которые пытаются выжить в толкотне наших серых городов. Большевики знали, как воспитывать подрастающее поколение. Октябрюта, пионеры, комсомольцы – братство, сплочённое продуманной идеологией. Ускользали только самые дерзкие, свободлюбивые. Одних ждала тюрьма, других – семинария. Но это явление было редким и расценивалось как ЧП местного масштаба. «Входите тесными вратами, потому что широки врата... ведущие в погибель...»

– Как зовут покойного? – спросил я.

Мать очнулась от оцепенения и медленно повернула голову в мою сторону. Она горько заплакала.

– Евгений, – сухо сказал отец.

– Тёзка, – тихо и грустно произнёс я.

Евгений казался юным мальчиком. Черты лица его обострились, тёмные, почти чёрные волосы на голове и бакенбарды вдоль щёк подчёркивали белизну и утончённость молодости. В этом безжизненном, застывшем покое было что-то пронзительно благородное. Он как будто замер и уснул. Евгений был красивым юношей. Но это была убийственная, может быть, демоническая красота. Как страшна может быть красота! Бедная, бедная девочка! Не могла устоять.

«И приходил к ней Змий в естестве человеческом, зело прекрасном». Бедная, не смогла сопротивляться, даже перед лицом смерти не включился инстинкт самосохранения.

Вспомнились слова Пушкина: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья – / Бессмертья, может быть, залог!» О каком бессмертье говорил Пушкин в «Пире во время чумы»?

– Господи! – шептал я. – Будь милостив к ним, не ведают, что творят.

Я вновь посмотрел на его друзей. В лёгких курточках, джинсах, руки в карманах. Жмутся, покуривают. Взгляды непреклонные. Ни страха, ни раскаянья в глазах нет. Донёсся этот специфический запах аптеки. Так пахнет сейчас во всех подъездах, особенно по вечерам.

«Я должен сказать им что-то важное после отпевания. Предупредить об опасности, научить». Но мой опыт подсказывал: «Это бесполезно, они не услышат». А другой голос говорил: «Если услышит один, хотя бы один человек – это уже много». Слова Пушкина звучали у меня в голове: «Всё, всё, что гибелью грозит...» Какая русская мысль!

И вдруг меня осенило. Русскому человеку нужны такие обстоятельства, при которых необходимо «положить душу свою за други своя». Этот подвиг, этот порыв всегда готов исполнить русский человек. Это в его ментальности, в его глубинах, в его корнях сокрыто. Сколько раз провокаторы использовали это свойство русской души – способность к жертвенности! И эта сила уходила в песок. Русская история, новая история знает множество примеров.

2 августа, в день ВДВ, еду в машине и вижу двух десантников, идущих навстречу друг другу. Однополчане. Один снимает гимнастёрку, крутит её в руке, потом бросает в сторону, оставаясь в одной тельняшке. Сходятся и обнимаются, обхватывая друг друга ручищами. Таких не победить. «...Положить душу свою за други своя». Исполнят интернациональный долг, умрут за целостность, суверенитет России.

Я зажгё уголь, положил его в кадило, присыпал ладан и произнёс:

– Зажигайте свечи. Давайте молиться, давайте отпевать. – И возгласил громко: – Благословен Бог наш..

Было ветрено и влажно. Ветер уносил голос, и он терялся в пространстве. Свечи гасли, и, казалось, все были озабочены и заняты только тем, как вновь зажечь свечу и уберечь её от внезапного порыва ветра. Но те, кто был придавлен горем, даже не пытались этого делать. Стояли с погасшими свечами и были далеки от понимания службы. Только слова «со святыми упокой» и «вечная память» пробуждали их и застигали в одиночестве этого страшно-го мира, от которого, как им казалось, отвернулся Господь Бог.

Едва я закончил чин погребения, как послышались рыдания матери и близких.

– Да сыночек ты мой, сыночек, зачем нас оставил?

У многих глаза наполнялись слезами.

Я почти дошёл до машины, когда услышал шаги и всхлипывания за спиной. Его возлюбленная, вытирая слёзы, догоняла меня.

– Знаете, я так решила: я уеду на Украину, к маме. Я не скажу его родителям, что ношу ребёнка, его ребёнка.

Она была не в себе, слёзы катились по её щекам, она ладошками стира-ла их.

– Может быть, это неверно, может быть, им надо сказать, что ты носишь частицу их сына. Они будут утешены тем, что сын не умер до конца, что внук будет похож на их мальчика, на своего отца. Понимаешь?

– Это невозможно. Они чужие люди. Они даже на меня не смотрят. Они не признают меня.

– Это потому, что они не знают, что вы были как бы мужем и женой, и что у вас было намерение венчаться, и что ты беременна.

– Это ничего не изменит, потому что они не поверят мне.

– Поверят. Как тебя зовут?

– Катя.

– Катя, поверят. Поверят. Знаешь, я просто уверен в этом. Даже если могут в своём сознании допустить, что, не дай Бог, это не ребёнок их сына. Ситуация такова, что они всё равно поверят, потому что это надежда для них и новый смысл жить, понимаешь? Особенно это важно для матери. Я тебе скажу страшную вещь. На кладбище, куда ты сейчас поедешь, ты обрати внимание, захоронено очень много молодых людей. Присмотрись к их могилам, и рядом ты обязательно увидишь ещё могилу, в этой же ограде, и это обязательно любящая мать лежит. И если ты посмотришь на даты смерти, то будешь очень удивлена. Мать переживает сына на год-полтора, не больше. Она не может дальше жить, понимаешь? Точно так же может произойти и с матерью Жени. А ты дашь надежду, ты дашь ей смысл жить.

– Она мне не поверит, – немного успокоившись, произнесла Катя.

– Катюша, не делай скоропалительных выводов. Хочешь, я поговорю с ними, помогу тебе.

– Я не знаю, нужно ли это мне.

– Ты подумай, подумай. Ведь это жизнь. Но я хотел сказать тебе, чтобы ты прошла обследование. Сдала специальный анализ. Понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю.

– Пообещай мне, что это сделаешь.

– Хорошо... – она вздохнула. – Ладно, я пошла. Спасибо вам за всё.

Я кивнул головой.

– Береги себя.

Она скрылась за углом дома. Больше я её никогда не видел.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Сын вошёл в кабинет, увидел меня сидящим за столом с книгой.

– Пап, хотел спросить у тебя про эту девочку и наркомана. Ты повенчал их?

– Нет, парень умер, – ответил я. – Вместо таинства венчания совершил обряд погребения.

– Жаль, – грустно произнёс Иван, – в любом случае жаль. А что с ней?

– Она носит его ребёнка.

– Она беременна? – искренно удивился Иван.

– Да, беременна. Родом с Украины, живёт здесь у бабушки, родители – там, на Украине, ничего не знают.

– Вот будет подарочек, – Иван усмехнулся.

– Знаешь, – сказал я, – смотрел на его друзей, когда отпевал, и думал о том, что современные люди потеряли критерии добра и зла. Они сейчас заключают сделку с дьяволом и даже не понимают этого. К примеру, люди девятнадцатого века определённо знали, когда они отступали от Истины и продавали душу дьяволу, потому что христианство пронизывало жизнь общества. И этим пониманием люди были защищены. Нравственные пред-

ставления были растворены в атмосфере жизни. Они были нормой общественной жизни. А теперь этого нет. Понятия добра и зла настолько условны, что люди переходят от одного состояния к другому и даже не замечают этого. А это означает, что они открыты для влияния тёмных сил, совсем от них не защищены. А между тем чёрт – это личность. Самая реальная личность. Он рыскает как волк и ищет, кого поглотить. Я наблюдаю за современными преступниками, которых ежедневно показывают по телевизору, и всё более утверждаюсь во мнении, что в их преступлениях им помогают дьявол, чёрт. Он вселяется в этих людей и их руками совершает злодеяния.

– Значит, они тоже жертвы? – удивился Иван.

– Да, жертвы. В каком-то смысле жертвы.

– То есть они ни в чём не виноваты? – изумился Иван. – А виноват чёрт, который совершает убийства, насилия?

– Виноват чёрт, но его никто не видит, – утвердительно сказал я, – а этого-то ему как раз и надо.

– Пап, по-моему, ты сходишь с ума со всеми своими рассуждениями.

– Это не я схожу с ума, это мир сошёл с ума, сынок. Ты послушай меня, присядь.

Иван послушно уселся напротив меня.

– Преступника привозят на место преступления и проводят следственный эксперимент. Ему дают куклу, которая исполняет роль жертвы, и он хладнокровно повторяет те действия, которые совершил над человеком во время насилия и убийства. Шаг за шагом он рассказывает и показывает всё до самых шокирующих мелочей. Его спокойствие в этом процессе поражает. Я наблюдаю за ним и понимаю, что то, что он показывает, человек совершить не может. Потому что это не свойственно человеку. Значит, это совершил кто-то другой, кто не является человеком? Но я вижу перед собой человека. У него такие же руки, голова, туловище, как у всех людей. У тебя, у меня. Но при этом в нём есть что-то внутри, какая-то сила нечеловеческая, которая управляет руками, головой, туловищем, и он совершает злодейство, в котором впоследствии или раскаивается, или удивляется тому, что сделал. Вот эта тёмная сила и есть чёрт. Вот этой чертовщиной и совершаются все злодеяния. Люди тотально не защищены от этой смущающей, бесовской силы. И это трагедия нашего времени. Подлинная трагедия. Бесчувственность к силам зла – вот примета нашего времени, а не только экономические или политические проблемы. Подобным образом действует человек и в другом случае. Эгоистичный человек вдруг совершает жертвенный поступок по отношению к другому человеку. Удивительно? Удивительно. В этот момент человек перестаёт думать о себе любимом – он думает о другом. Что движет человеком в минуту совершения жертвенного поступка? В нём проявляется другая сила. Но какая? В нём действует сила Божественной природы. Я абсолютно в этом убеждён. Сам человек не способен творить добро. Равно как он не способен творить и зло.

– На что же он тогда способен?! – воскликнул в изумлении Иван.

– В том-то всё и дело, в том-то и загадка, – я искал слова, чтобы выразить то, что на меня нашло каким-то удивительным чувством, – в том-то и загадка, что человек зависит от сил, которые на него действуют. Если на него действует дьявол, он может подчиниться дьяволу. Если на него действует Бог, он может подчиниться Богу. И именно эти две противоположные силы влияют на человека всю его жизнь. Какой силе человек скажет «да» – той силе он и подчинится. Другого выбора у него нет. Нет перевалочной станции, где бы он мог остановиться и отдохнуть, то есть не действовать.

Он каждую секунду своей жизни подчиняется и служит либо одному началу, либо другому.

Я замолчал и внимательно смотрел на сына:

– И я хочу тебя спросить, кому легче подчиниться – Богу или дьяволу?

– Конечно, Богу, – поспешил ответить Иван. – Бог же – это всё доброе, всё разумное, понятное человеку.

– Тут ты ошибаешься, – поправил его я, – должно быть так, как ты говоришь. Но на самом деле Бога понять, а тем более вместить в себя гораздо сложнее, чем дьявола.

– Почему?

– Потому что Бог сложен, а дьявол прост. Потому что изначально человеческая природа была ближе к Богу, но после грехопадения всё изменилось. Человеческая природа стала ближе к дьяволу, чем к Богу. Зло укоренилось в человеке, пустило ростки. И чтобы понять и принять Бога, человеку надо над собой усилие сделать. Надо трудиться над собой, менять свою греховную природу. А человек ленив. Особенно русский человек.

– В твоём прикладном богословии, – успокаивая меня, сочувственно сказал Иван, – пап, прости, я ничего не понимаю. Думаю, что и люди тебя не поймут, скорее, примут за сумасшедшего. Я надеюсь, что ты не говоришь проповеди на эту тему? Хотя, – Иван улыбнулся, – есть человек, который верит тебе и понимает. Это Вера.

– Видишь, – улыбнулся я ему в ответ, оставив без внимания ироничный комментарий, – и ты не веришь в существование дьявола. Общество двадцать первого века считает себя слишком развитым, чтобы придавать значение религиозным пережиткам. Я же, напротив, думаю, что общество слишком отстало, привязавшись к земному существованию и только земному. Оно забыло о вечности, а лучше сказать, о бездне, в которую оно стремительно направляется.

– Пап, я тебя прошу, кроме меня и, в крайнем случае, Веры, никому подобное не рассказывай.

– Дьяволу этого только и надо.

– Пап, я тебе всё сказал.

И Иван вышел из кабинета. Через некоторое время хлопнула входная дверь.

Я попробовал читать книгу, но мысли убежали прочь. Я прилёг на диван в кабинете и задумался. Главный грех человеческой цивилизации – это грех гордыни. Опаснейший грех, который ведёт к гибели не только самого человека, но и всю цивилизацию. Непризнание авторитетов, отказ от всего священного, попрание преданий, неуважение к духовному опыту отцов и великих учителей, забвение уроков истории – вот характерные черты современности. Но человек без души не живёт. И народ не может существовать и развиваться без созерцания Идеала. В противном случае из народа он превращается в некое население, механически управляемое обезличенными законами бесчувственной государственной машины. Нет больше ни глубины, ни высоты, ни тайны в человеческом существовании. Особенно раздражают разговоры о тайне.

Рационализм сознания и реализм действительной жизни давно направляют Европу и Америку к новой религии, которая легла в основу укоренившегося капитализма. Долгое время Европа была хранительницей истинных христианских ценностей, христианских идеалов. Но она предала Христа, отказалась от Него ради новых ценностей и ложных идеалов, лукаво освятив капитализм христианским авторитетом! Одни люди предопределены к спасе-

нию, говорят идеологи религиозного капитализма, другие – к гибели. Первые должны наслаждаться и господствовать, удел богоотверженных – страдать и обслуживать первых. Критерий богоугодности в этой новой религии – жизненный успех и, прежде всего, материальный достаток. Вот она, американская мечта! Религия денег.

Есть ли упоминание о ней в Священном Писании? Есть.

Я встал с дивана и открыл Евангелие от Матфея. Вот: «Никто не может служить двум господам, – говорит Христос в Нагорной проповеди, – не можете служить Богу и мамоне». Служить, поклоняться, верить – черты религиозного сознания. Нет сомнения, поклонение золотому тельцу – это религия.

Я поискал место, где говорилось о мамоне. «Мамона – сирийский демон наживы, алчности». Христос указывает на несовместимость христианства с религией ростовщиков, банкиров; православной цивилизации – с рыночным обществом потребления.

Европа и Америка выбрали религию денег. Это не новая религия. В древности знали угрозу, исходящую от этой религии, и вели с ней непримиримую борьбу, понимая, что религия золотого тельца постепенно вытесняет из человека не только всё святое, но даже и человеческое. Добродетели в таком обществе уменьшаются, что приводит его к разрушению.

Я снова прилёг на диван. Комнату освещала настольная лампа. В углах было темно. Закрыв Евангелие и положив его на грудь, я взял в руки раскрытую отложенную книгу и углубился в чтение.

«Церковь называется единою, святою, соборною (кафолической и вселенской), апостольской, потому что она едина, свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею светится всё человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или страна; потому что сущность её состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех её членов, по всей земле, признающих её, потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, её упований и её любви.

Каждое действие Церкви, направляемое Духом Святым, духом жизни и истины, представляет совокупность всех его даров – веры, надежды и любви; ибо в Писании проявляется не одна вера, но и надежда Церкви, и любовь Божия, и в деле благоугодном проявляется не любовь одна, но и вера, и надежда, и благодать, и в живом предании Церкви, ожидающей венца и совершения своего от Бога во Христе, проявляется не надежда одна, но вера и любовь. Дары Святаго Духа неразрывно соединены в одном святом и живом единстве: но как богоугодное дело наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит любви, как богоугодная молитва наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит вере и неложно называется исповеданием Церкви, исповеданием или Символом Веры.

Поэтому должно понимать, что исповедание, и молитва, и дело суть ничто сами по себе, но разве как внешнее проявление внутреннего духа. Поэтому ещё не угоден Богу ни молящийся, ни творящий дела, ни исповедующий исповедание Церкви, но тот, кто творит, и исповедует, и молится по живущему в нем духу Христову. Не у всех одна вера, или одна надежда, или одна любовь, ибо ты можешь любить плоть, надеяться на мир и исповедовать ложь; можешь также любить, надеяться и веровать не вполне, а отчасти; и Церковь называет твою надежду надеждой, твою любовь любовью, твою веру верой, ибо ты их так называешь, и она с тобой о словах спорить не будет; сама же она называет любовь, и веру, и надежду дарами Духа Святаго и знает, что они истинны и совершенны».

Я с внутренней тихой радостью, «которую никто не отнимет ни в этом веке, ни в будущем», отложил книгу. Чтение вдохновляло меня, придавая смысл моим усилиям при строительстве храма. Оно заставляло мыслить и действовать в служении главной идее моей жизни – созиданию «Становящегося смысла», пониманию того, что мир создан ради Церкви!

«Не у всех одна вера...»

Ивана все ещё не было дома. Я поднялся с дивана, положил Евангелие на письменный стол и зажёл лампаду перед образом Спасителя. Раскрыв молитвослов, начал читать вечернее правило.

Тревога не покидала меня несколько последних дней. Природа её была разная. Она исходила от людей, которые окружали в церкви, от трудностей, связанных со строительством, от внутренних неудач. Но более всего меня тревожила неприкаянная судьба моего сына. Я произносил слова молитвы и прислушивался, не стукнет ли металлическая дверь нашего подъезда.

Вспомнил Веру и невольно улыбнулся в темноте.

РУБИН

Я встретил его на улице.

– Рад вас видеть, Рубин Алшеевич.

Я протянул ему открытую ладонь для приветствия.

– Здравствуйте, Евгений Владиславович. – Он любил поговорить со мной, блеснуть эрудицией, независимостью и непреклонностью. – Как ваша жизнь? Всё в непосильных трудах? Подождите, подождите...

Он что-то вспомнил, достал телефон и принялся набирать номер.

– Валя, ты меня слышишь? – он звонил своей русской жене. – Передо мной отец Евгений, твой любимый батюшка. Поняла? Хорошо. Ты говорила мне, что хочешь пожертвовать на строительство храма. Да, да, как хорошо, что я вспомнил. Так вот, я тебе говорю, – он полез при этих словах в карман пиджака, – я отдаю батюшке тысячу рублей. Когда приду домой, ты мне их вернёшь. Договорились? Да, да. Я уже пожертвовал. – Он протянул мне тысячную купюру. – Как хорошо, что я вспомнил, ей будет приятно.

– Благодарю, и вашей жене благодарности.

Положив деньги в карман подрясника, я обратился к Рубину с предложением, которое стало притчей в наших разговорах:

– Рубин Алшеевич, я уже пятнадцать лет уговариваю вас принять православие.

– Мы что, уже пятнадцать лет знакомы?

– Представьте, да. Помните, мы ездили в Набережные Челны за машинами «Ока». И попали на Страстную неделю. Отказаться было нельзя, потому что машины нам продавали по льготной цене. А когда приехали на КАМАЗ, там в эту ночь случился пожар, и мы вернулись назад ни с чем. Господь не допустил. Я был немало удивлён этим событием, и, насколько я помню, вы тоже. Тогда и состоялся первый разговор на тему крещения.

– Неужели прошло пятнадцать лет?

– Да, Рубин Алшеевич, а вы до сих пор не покрестились. За вас даже нельзя молиться.

– Почему?

– У вас нет имени.

– Да, я помню. Когда я сказал Петру из скита о моём диабете, то он мне ответил: «Я тебе помогу, только дай мне твоё имя». Я сказал тогда, что

я не готов. Он послал меня лечиться к докторам. И они меня сделали инсулинозависимым.

– Покреститесь, мы вас с Валентиной вымолим.

– Евгений Владиславович, я еврей. Меня зовут в синагогу. Но у меня слишком много работы, нет времени принять решение. Давайте я вам лучше расскажу анекдот. Вам понравится, там про ваших есть тема:

«Приходит старый еврей к раввину.

– Мойша, я влюбился в молодую девушку.

– Так женись на ней, – говорит Мойша.

– Если я на ней женюсь, она будет изменять мне.

– Тогда не женись на ней.

– Но, я не могу без неё, я каждый день думаю.

– Тогда женись на ней.

– Но я стар, она молода. Я умру, она завладеет всем моим имуществом.

– Тогда не женись на ней.

– Но я не могу без неё. Она не оставляет меня даже во сне.

– Тогда женись на ней.

– Но я... – хотел продолжить старый еврей.

Раввин остановил его.

– Знаешь, Абрам, иди к православному священнику и морочь ему голову.

Хорошо?»

Мы рассмеялись.

– У вас тот же номер телефона? – спросил меня Рубин.

– Да, тот же.

– Я рад был вас видеть.

И мы попрощались.

Он создал фирму по продаже металла. Как водится, покупал подешевле, продавал подороже. Ему позволялось это, так как у него были связи и его ценили за ум. Компаньон по фирме называл его гениальным:

– Представляешь, он помнит все цифры, все договоры, все накладные, сколько бы времени ни прошло. Рубин просто феномен.

А болезнь трепала его, и он создал центр инсулинозависимых диабетиков. Тратил деньги на лекарства, на материальную и моральную помощь этим несчастным людям, к которым и сам принадлежал. Но болезнь усиливалась. Вскоре он стал приходить на работу всего на пару часов и возвращался домой. А через несколько месяцев уже не мог выходить из квартиры.

Мне позвонила его жена Валентина.

– Вы можете посетить нас? Рубин вас зовёт.

Я приехал вечером для разговора. Его было трудно узнать. Вообще он был высокий, очень статный мужчина. В нём чувствовалась порода. Волосы тёмные, открытый, умный взгляд, походка стремительная.

То, что я увидел, обескуражило меня: опухшее, одутловатое лицо, верхняя часть туловища выглядела крупной, а ноги были худые и белые.

Я сел на стул перед кроватью.

– Помогите мне, – обратился он ко мне на «ты».

– Мне нужно твоё имя.

– Я готов. – Он помолчал. – Если можешь, приезжай завтра, потому что послезавтра меня положат в больницу.

– Хорошо. Я приеду завтра и перекрещу тебя.

– Знаешь, приходили мои. Но я не хочу. Им нужны только деньги. А ты никогда не попросил. Ценю и ещё раз ценю.

Он молчал, я сидел рядом и тоже молчал.

– Знаешь, бывает плохо с сердцем. А я так этому рад. Я бы хотел умереть от сердца. Чтобы сразу, без мучений.

– Ты будешь жить, Рубин.

– Приходи завтра. – Он закрыл глаза.

На другой день я перекрестил его с именем Антоний. Прощаясь, Валя сказала мне:

– Я так рада, что он через болезнь принял веру, и теперь мы там, за гробом, будем вместе. Неужели людям так надо страдать, чтобы обрести Бога, батюшка?

– У всех разные пути. Кому-то надо и страдать.

После больницы ему стало легче. Он приободрился и позвал меня.

– Отец Евгений, это Рубин, – голос его звучал как прежде. – Я звоню с мобильного, и вам звонок бесплатный. Я тебе верю. Что нужно ещё сделать новому христианину?

– Рубин, надо поисповедоваться, причаститься и пособороваться.

– Я готов. Приезжай.

– Только с утра ничего не ешь. Я приеду пораньше, часов в семь, перед службой причащу тебя.

– Я и так ничего не ем, – бросил Рубин, – нет аппетита.

Утром мне открыла дверь Валентина. Она была заспанная, в халате.

– Он ждёт вас. Так верит и надеется.

Рубин приступал к Причастию Святых Христовых Тайн торжественно и серьёзно, с глубокой верой.

Раб Божий Антоний. Жизнь и болезнь смирили его, и он преклонил колено перед Господом.

Через три дня мы должны были пособороваться дома. Но этому не суждено было случиться. Через два дня он почувствовал себя плохо, его на скорой забрали в больницу, и он впал в кому. Я должен был прийти к нему в реанимацию и совершить последнее Таинство святого елея.

Меня пропустили к нему. Положение было безнадежным, но Рубин был ещё жив. Я готовил масло и вино, ставил свечи, облачался в епитрахиль и поручи, а сам смотрел в неподвижное лицо и говорил тихонько (мы были одни):

– Рубин Алшеевич, дорогой Антоний. Я верю, что твоя бессмертная душа будет спасена для Рая, потому что Крещение, вода Иордана омыла тебя и очистила от всех прегрешений. Твои страдания, твоё смирение, покаяние и огонь Причастия довершили очищение твоего сознания, и Господь готов принять твою душу. Нужно только вымостить ей дорогу елеем и молитвой. К этому мы сейчас и приступим.

– Благословен Бог наш, – возгласил я в эту минуту и увидел, что шевельнулись ресницы на его глазах.

Я молился вдохновенно и спокойно. Творилась подлинная тайна и таинство. Логос, Слово, Сам Спаситель участвовал, погружаясь во Ад человеческого существования с самим человеком, не оставляя его в самые трагические минуты жизни.

Через несколько часов раб Божий Антоний умер...

Продолжение следует.

**Александр
МЕЛЕДИН**

ПЛАМЯ СНОВ

***

За черту – и сдавило грудь –
Треугольная тень, лети!
Вот и кончились сборы в путь –
А ты всё не спросил пути.

То, над чем не чуял ночей,
То, над чем так нежно молчал,
Было в этой связке ключей –
А ты не подобрал ключа!

Не поверил, следов не смыл
Жизни, пролитой через край, –
Слишком давит на горло мир,
Слишком колет под сердцем рай.

И теперь стремиться – куда?
Где дырявому духу – дом?
Будет долго падать звезда
Соскользнувшим с клёна листом,

Будет долго искриться след,
Как на стынущей кухне нож.
Пусть тебе приснится рассвет,
Если ты сегодня уснёшь.

***

Неровно и колко торчат из безмолвия звёзды,
Спит розовой коркой сердцами растоптанный воздух,

Зияет и блещет, крадущимся шёпотом тает,
Спят старые вещи – мы их только чудом застали.

● Александр Меледин родился и живёт в Саратове. Стихи публиковались в журнале «Волга–XXI век» и коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жребий» и «Список кораблей».

А воздух отхлынет, смывая ненастные судьбы,
Спят наши пустыни, спят наши усталые судьбы.

Той гранью, с которой придётся идти в одиночку,
Спит где-то под шторой последняя яркая точка.

В смешном беспорядке – незрелым грядущим в пробирке –
Спят чья-то тетрадка, угольник, линейка и циркуль.

Луна отплывает лучом по щербатому блюдцу –
И звоном трамвая нам выпадет жребий проснуться,

Над новым обрывом прилаживать прежние крылья...
Выходит, что живы – ещё одну ночь переплыли.

***

Оставь на тропинке след,
Оставь на окошке хлеб,
А слов не ищи: их нет,
Они – на другой земле.

Их хрупкая стать проста,
Как песня без крючьев нот,
Они по другим устам
Стекают как горький мёд.

А нам что осталось? – Стиль
И – бритвы острей – язык,
Но только за ними – пыль,
Пустые обложки книг.

Под сердцем осталась дрожь,
Но всё неуютней с ней...
Звени, неземная ложь,
Ведь правда – куда земней.

Она – как зари печать,
Как хмурой весны трава.
Тому, кто умел молчать,
Зачем чужие слова?

***

Что поделаешь: звонкая кровь превращается в накипь,
И искусство однажды – увы – превращается в стиль.
В век, когда от знамён остаются дорожные знаки,
Как нерадостно в мире, катящемся в звёздную пыль!

Вот и время идти – протяни же прозрачные руки,
К онемевшему сердцу прижми ледяные цветы.
Накренившийся мир покидают последние звуки –
Как нам мало минуты – одной на двоих – немоты!

Мы забыли о главном – так что же искать остального?
Раз взорвали дворцы, то не будем дрожать за суму.
Станут пеплом уста, но достаточно тихого слова,
Полетевшего в страшную ночь оправданьем всему.

Вот и точка, мой друг, но тропинка взбирается круче,
Не умеешь прощаться – хотя бы простиись поскорей.
Можно просто отдать мне в руке отогревшийся ключик –
Может, он подойдёт к самой важной из наших дверей.

***

Всё на свете собрать бы в горсть –
Утопить в последней мечте..
Ты, как ветер, всего лишь гость,
Но присядь, но забей свой гвоздь,
Проведи черту на листе.

И о том, что рядом прошло,
Не копи тоску – напиши
Чуть небрежно, важно, тепло..
Проведи черту сквозь стекло
Вот – уже и чужой – души.

Просто мир бездонно-высок,
Просто цель безумно-близка –
Помолчи и погладь висок.
Просто всё уходит в песок –
Просто хватит на всех песка.

***

Лиловый край зари едва задев плюмажем,
Захлопнув в сердце тень, ненужную сейчас,
Всё тихо повторим, всё не спеша расскажем
Одним движеньем губ, одним движеньем глаз.

Стань пеплом, пламя снов, стань отголоском, имя,
Тай, слишком тесный мир, – ты обнят и забыт.
Пусть посеревший свод над тропами земными
Попробует на слух тугую дробь копыт.

Спешащие сердца – как чистые тетради.
Смахнув усмешку с губ, согнав слезинку с глаз,
Пусть даже мы зайдём, заговорим, присядем –
Но в глыбах наших тел уже не будет нас.

Светлана
ФЁДОРОВА

ДЕТСКИЙ МИР

ДЕВОЧКА

– Бабуль, а зачем людей в землю закапывают? Чтобы они росли быстрее?

Анечка сидела на перевёрнутом ведре возле вскопанных лунок и смотрела на клубни картофеля. Морщинистые руки Екатерины Михайловны неторопливо кидали в земляные ямки разрезанные половинки и присыпали, отправляя их в вечный круговорот, тёмными влажными комками.

– Да, Анечка. Вот сейчас я кидаю картошину, а она спустя время даст своих деток. Штук шесть, а может быть, восемь. И большие будут, и средние, и совсем маленькие горошинки, как ты любишь.

– И люди под землёй так же размножаются? – Анечка натянула подол платья на коленки и серьёзно посмотрела на бабушку.

– Трудно сказать. Под землёй люди спят, когда сильно устают от жизни. Они отдыхают, чтобы потом вернуться с новыми силами.

– И дать много деток? Больших и маленьких, как горошинки?

– Умница. Так оно всё в жизни и происходит.

Екатерина Михайловна распрямилась, стёрла тыльной стороной ладони капли пота со лба и улыбнулась, глядя на четырёхлетнюю внучку.

Это было хорошее время. Солнце заливало бронзой полуденный майский день, воздух пах сеном и мокрой землёй. Анечка любила запрокидывать голову высоко-высоко и, глядя в небо, кружилась до лёгкого тумана в глазах, теряя равновесие и падая на первый травяной ковёр. Ещё поднимать над головой старое пластмассовое ведёрко с отколотым дном и смотреть, как в подзорную трубу, на появляющиеся ранние звёзды.

-
- Светлана Андреевна Фёдорова родилась в 1984 году в Саратове. Публикуется в газетах и журналах, соавтор многих изданий, организатор творческих проектов. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, кандидат политических наук. Автор шести сборников (рассказы, поэзия). В 2015–2017 гг. магистр ВГИКа (драматургия, курс З. А. Кудри). Принимала участие в написании сценариев различных сериалов. Соавтор музыкальной сказки для фестиваля И. Стравинского «Весна священная» в Большом театре (2017). В настоящее время занимается разработкой сценария концертов и шоу известных артистов, технических сценариев компьютерных игр, готовит к выпуску новые книги.

Родители привезли её в деревню с весны на лето впервые. Звонили каждый вечер, давали советы Екатерине Михайловне по дисциплине и рационально. Она доброжелательно соглашалась, прощалась, но делала всё по-своему. Анечке это очень нравилось, и именно благодаря сбалансированности бабушки, когда в июле прогрелась вода, она уже заходила в реку по пояс и пыталась плыть до берега самостоятельно. Ещё нравилось то, что можно было не спать до густой темноты, задавать много вопросов, а потом прижаться к тёплому телу бабули и, пока та отвечает, незаметно уснуть.

Пробуждал приятный аромат свежего хлеба – бабушка пекла его сама. Особенно вкусно было есть его с молоком. Этот завтрак казался гораздо приятнее маминой каши в хмурое московское утро.

Но самое главное впечатление оставило новое знание – у неё появилась своя тайна. Первая, слишком серьёзная и значительная, настолько своя и особенная, что Анечка решила ни с кем не делиться своим секретом. Даже с бабушкой, которой она доверяла больше, чем родителям. Когда она уходила за продуктами, укладывая внучку на дневной сон, Анечка притворялась, что спит. Потом, услышав звук захлопнувшейся двери, она открывала глаза, довольно хлопала ресницами и на цыпочках выходила в огород.

Под деревом было её любимое место. Там когда-то стоял старый контейнер с водой, которая быстро уходила через трещины ржавых боков, а в остатках заводились паучки и головастики. Потом бабушка попросила соседа его выбросить, и на этом месте осталась прямоугольная яма.

Имея жуткое желание побыстрее вырасти, Анечка ложилась в неё каждый обед и присыпала себя землёй. В неглубокой яме было прохладно и видно только небо. В эти секунды она чувствовала себя уже взрослее и с пониманием относилась к мировому порядку. Полежав минут десять и разрисовав глазами облака, она стряхивала с себя землю и бежала мыть руки, чтобы бабушка не заметила остатков земли под ногтями.

Однажды Екатерина Михайловна вернулась раньше времени, но застала Анечку уже над умывальником. По спине пробежал первый холодок застуженного преступления, охватили стыд и оцепенение. Но на этот раз обошлось.

– Анечка, ты почему не спишь? – Бабушка неожиданно выросла за спиной, заставив вздрогнуть каждую мышцу.

– Расхотела. – Внучка мыла руки, не поднимая глаз. Внутри всё стучало и пульсировало.

– Ну, хорошо. А где испачкаться успела?

– Рисовала на земле.

Анечка понимала, что научилась врать. И от этого стало стыдно и тревожно. Ещё совсем недавно, там, дома, не возникало необходимости говорить неправду. И даже не было повода – всё шло предсказуемо и прозрачно.

Потому что не было *своей* тайны, которую нужно защищать. Беречь от вмешательства других людей, которые не поймут или, ещё хуже, рассмеются над великим открытием, превратив целый мир в пепел. Нельзя. Лучше молчать, а поймать – говорить всё что угодно, кроме того, что приближает непонимающих взрослых к разгадке. Среди тех, кто вырос, очень мало тех, кто остался человеком. Взрослые начинают молниеносно глупеть, а после тридцати лет с ними вообще невозможно разговаривать. Потому что вместо того, чтобы понимать собственную глупость, они считают маленькой и глупой тебя. И происходит диалог двух дураков: каждый объясняет другому то, что не очень понимает сам, да ещё и упрощая до уровня глупости собеседника. То есть собственного понимания глупости. Нет, всё что угодно,

но не выговариваться до конца. Сохранять внутри свою тайну, и пусть никто не узнает, в чем её секрет.

Екатерина Михайловна давно с головой ушла в работу: перестилала постель, полоскала в тазу бельё и ставила тесто для пирогов.

Анечка читала сказки. Медленно водя пальцем по крупным буквам и с усердием складывая слова в предложения. Думала она намного быстрее, чем получалось читать, поэтому этот процесс был интересным, но утомительным.

Лето пролетело быстро, пришло время возвращаться домой. Екатерина Михайловна начала вздыхать за неделю – привыкло сердце к маленькой светлой душе и звонкому смеху. И вот так всегда: привыкаешь к детям – они вырастают и уезжают. Начинаешь привыкать к внукам – их быстро забирают. А потом привозят взрослых и уже снова чужих.

Сняв чугунную сковородку, она выложила румяные сырники в тарелку и подошла к дивану. Анечка лежала на животе и, прикусив язык от старания, раскрашивала пятнистого жирафа. При виде сырников жираф был забыт, а потом заляпан новыми пятнышками от жирных пальцев.

– Бабушка, а мама с папой когда за мной приедут? – Анечка посмотрела в окно.

– Завтра уже. Всё, заберут тебя у меня, останусь я опять одна. – Екатерина Михайловна сдержала накатившие слёзы.

– Не останешься! Я к тебе буду приезжать часто-часто! – Анечка забралась на колени к бабуле и вытеснила собой раскрытую книгу. – И ты приезжай в Москву.

– Да куда же я поеду? А дом? А хозяйство? Кто останется следить за порядком? – Екатерина Михайловна погладила Аню по голове. – Да и не люблю я вашей Москвы. Она мне даже бесплатно, вместе с Красной площадью и Лениным, не нужна.

– Бабуль, а я, знаешь, что подумала... – Аня обняла бабушку за шею и заговорила тише: – Ленина не закапывают, чтобы он не вырос. Вдруг он, как картошка, даст много маленьких себя, а люди этого не хотят, боятся.

Екатерина Михайловна расхохоталась крупными толчками. Пришлось слезть с её колен и встать напротив.

– Бабуля, я с тобой серьёзно разговариваю! – Анечка пронзительно посмотрела на трясущуюся от приступа смеха бабушку и поняла, что больше её не любит.

Нет, в целом, конечно, любит, но не сейчас. В этот момент она не ожидала от неё такой предательской и глупой реакции. Под тонкой кожей пробежали колючие мурашки раздражения и разочарования. Эта была первая реакция, которая с годами будет проявляться в ситуациях разной степени сложности.

Екатерина Михайловна испуганно посмотрела на внучку.

– Анечка, а что с тобой? Ты почему так расстроилась?

– Потому! – Аня резко повернулась маленькой спиной и независимо вышла во двор.

На улице дул вечерний ветер, раскачивая фонарь над крыльцом до еле уловимого скрипа. На него слетались мухи и бабочки, пытаясь проникнуть в светящийся шар и получая ожоги.

– Пойдём спать, поздно уже, – бабушка вышла следом. – А насчёт Ленина ты, наверное, права. Завтра родители приедут – мы им тоже откроем глаза.

Анечка не умела долго сердиться. Она обняла бабушку за шею, и они пошли спать.

Утром бабушка приготовила много вкусного, искупала внучку, заплела ей две косички, и они стали ждать.

– Бабуля, а мне розовое или голубое платье надеть?

– А какое тебе больше нравится? – Екатерина Михайловна раскладывала в сумки гостинцы для дочери и зятя.

– Мне оба нравятся. Но маме больше розовое, а папе голубое. Вот и не могу выбрать.

– Тогда сделаем так. Закрой глаза, покружись три раза, и на какое палец покажет – то и надевай.

Анечка захлопала в ладоши. Всё-таки бабушка – самая лучшая в мире! Палец показал на голубое, и вопрос был снят.

Время близилось к обеду. Уже захотелось есть, но решили дождаться родителей. Время тянулось медленно, и казалось, что вовсе застыло в медовом запахе пирогов.

Екатерина Михайловна периодически набирала мобильный дочери, но оператор объявляла, что абонент недоступен.

– На трассе, наверное, телефон не ловит. Потерпи немного, Анечка, сейчас все за стол сядем.

Через три часа раздался звонок. Бабушка закричала и выбежала во двор. Потом вернулась, вытряхнула в трясущуюся ладонь из пузырька горсть таблеток, запила водой и стала собираться.

– Анечка, посиди пока дома. Я скоро приду. Только прошу тебя, никуда не выходи. Обещаешь?

– Обещаю.

Ане стало очень страшно, но она не подала вида.

Есть уже расхотелось, и она решила полистать книги на предмет картинок.

Бабушка вернулась поздно в сопровождении людей в форме. Они закрыли дверь в кухню. Оттуда периодически доносились женский плач и мужские голоса.

Потом Анечку отдали на три дня соседке, к которой тоже приехала внучка, и они ходили в сопровождении тёти Раи купаться в реке.

Бабушка продавала дом и собирала вещи для переезда в Москву. Прощаясь с деревней, она отвела Анечку в поле с прямоугольниками и сказала, что здесь спят её родители.

Анечка сидела молча несколько часов, после чего спокойно сказала:

– Бабуля, мы останемся здесь. И тебе лучше, и я буду охранять сон родителей. А то вдруг они внезапно проснутся, а меня рядом нет. Мама будет очень волноваться, а папа так и не узнает, что я ждала его в голубом платье.

ДЕТСКИЙ МИР

– Не трогайте её! Она живёт в своей системе координат!

Заведующая детским садом Римма Фёдоровна всегда защищала худенькую Варю от воспитательниц и детей из группы.

Варя редко улыбалась, сторонилась любителей дружить и отдёргивала руку, когда кто-нибудь пытался взяться за неё в большом хороводе.

– Все дети как дети, а эта какая-то странная, – Ольга Павловна, воспитательница младшей группы, делилась впечатлениями в тихий час. – Я ей вчера

говору: «Варя, дай мне вот эту красную лошадку». Она на меня посмотрела презрительно – и ноль эмоций. Я опять повторила просьбу. И знаете, что услышала в ответ? «Нет здесь никакой лошадки». Подошла нянечка, мы присели рядом. Она ей тоже: «Варя, как же нет? Вон стоит, на белых колёсиках, с гривой резной, дай её нам». Эта ненормальная встала и говорит: «Я не вижу здесь лошади. А если вы имеете в виду этот красный кусок пластмассы – играйте в него сами. Лошади не бывают красными и тем более на белых колёсах. Они должны быть живыми и коричневыми. И медведи у вас маленькие, зелёные и гладкие. А должны быть мохнатыми, тёмными и большими. У вас все игрушки мёртвые и совсем не похожи на настоящих. И вы все тоже мёртвые». Нет, вы представляете? Надо родителей пригласить, так больше невозможно.

Римма Фёдоровна рассмеялась.

– Ну, не переживайте так, Ольга Павловна. Она во многом, прошу заметить, права. Просто девочка раньше выросла, и ей неинтересно с остальными. Но по закону мы не имеем права переводить её в старшую группу.

– Да ей ни в какой группе места нет! Не ребёнок, а холодное чудовище. – Нянечка поддержала воспитательницу. – Вроде родители добрые, хорошие, а вырос у них крокодил. Маму жалко, до сих пор за попугая извиняется, денег предлагает...

– А что с попугаем? – Римма Фёдоровна нахмурила брови.

– Как? Вы не знаете? – всплеснула руками Ольга Павловна. – Это же кошмар! На прошлой неделе одна семья привезла нам в игровую комнату клетку с попугаем, подарили в честь отъезда. И эта чокнутая, от радости живой игрушки, открыла клетку, взяла его в кулак и поцеловала взасос! С головой! Он умер у неё во рту. А дети бегали вокруг и кричали: «Варя попугая сломала! Варя попугая сломала!»

Римма Фёдоровна прыснула чаем на скатерть и захохотала в голос.

– Это ж надо такое!.. – Она вытерла мокрые глаза салфеткой.

– Да это ещё цветочки! – снова включилась седая нянечка. – А червяки? На уроке труда учили детей сажать цветы. Вскопали наш палисадник, сделали бороздки. Все послушно кидали семена, а ваша драгоценная Варя нашла дождевых червяков. Двух растянула так, что они лопнули, а остальных напихала в карман куртки. Мама пришла вечером забирать. Слышим: в раздевалке крик. Прибежали, а она вытряхивает на пол вместе с землёй кишашую массу. Домой их собралась забрать, в горшок цветочный посадить... Не ребёнок, а садист настоящий! Дала бы ей по шее, да засудят ведь потом.

– Ни слова о рукоприкладстве! – Римма Фёдоровна хлопнула ладонью по столу. – Это не педагогичный метод воспитания. Нужно найти другой способ, заинтересовать ребёнка, интегрировать в процесс.

– Да куда её интер... интыг... Её изолировать надо! – Ольга Павловна обиженно скрестила на груди руки. – Это же ненормально, когда маленький ребёнок отказывается от детских игр, ни с кем не желает общаться и не считается с мнением взрослых. А на уроке пения что она устроила? Александра Ивановна разучивала с детьми песню Пугачёвой «Айсберг». Так Варя разревелась взахлёб и отказывалась повторять слова. Знаете почему? Нет, её точно лечить надо! Говорит: «Бедный Какайсбер! Я не знаю, кто он и почему в океане, но ему очень холодно и одиноко». Александра Ивановна решила переключить детей на другую тему, переделась в костюм Карлсона с пропеллером, поёт, малышей собирает, танцует с ними. Все радуются, смеются, дружно в ладоши хлопают. А эта букашка к ней подошла и говорит: «Мне вас тоже жаль... Вас, наверное, муж бросил». Слышите это? А у Алексан-

дры Ивановны и правда муж два года назад ушёл. Она в слёзы, еле занятие довела. У меня просто нет слов! Что из этого может вырасти? Ладно, отец её интеллигентный, слова лишнего не скажет, только улыбается всё время. Но куда смотрит её мать?

Дети спали. Варя в обед спать не любила. Она стояла под дверью и повторяла последние услышанные звуки. Она знала, если часто и подряд произнести одно и то же слово, то оно теряет смысл или может стать совсем другим. И так происходит не только со словами. «Мать-мать-мать-мать-тьма-тьма-тьма...» Перед глазами действительно стало темно.

И в этой темноте появилась светлая мама, она улыбалась самой красивой улыбкой, и глаза её были цвета любви.

СТИХ-И-Я

Меня породили мои писания.

Жан-Поль Сартр

- Мама, мама, я стих написал! Слушай:
- Трудно ездить на коньках –
- Ноги разъезжаются.
- Ба-бах!
- Мотя, не занимайся ерундой! Лучше иди уберись в своей комнате.
- Это не ерунда – это стихи!
- Мотя, это не стихи. Рисовать у тебя получается лучше. Не надо больше писать, не смехи людей.
- А кто эти люди? Они пишут лучше? – Маленький Мотя непонимающе посмотрел голубыми глазами.
- Лучше.
- А это мы *их* всё время ждём? – Мотя ходил по кухне за мамой и хватал рукой за край халата.
- Почему «их»?
- Ну ты всё время говоришь: «люди придут, увидят», «люди придут, будут смеяться», «люди скажут, посмотрят, засмеют». Кто эти «люди» и почему мы их всё время боимся? Они солдаты или шпионы?
- Мама вырезала формой печенье из бледного теста и отмахивалась от сына руками, испачканными в муке.
- Люди – это общественное мнение, понимаешь?
- И что, это мнение придёт к нам домой, откроет шкаф в моей комнате и увидит, как разбросаны колготки?
- Мотя, у тебя всегда должен быть порядок.
- А что это мнение со мной сделает? Если будет драться – я не боюсь. У меня шпага есть, почти настоящая.
- Мотя взмахнул вверх рукой и нечаянно свалил кувшин с водой. Он не разбился, но на столе и полу образовалась лужа.
- Мама легонько хлопнула его полотенцем по спине и вручила швабру.
- Доигрался? Теперь вот убирай. Поэт..
- Мотя долго возил тряпкой по полу в разных направлениях, любуясь, как на ламинате образуются блестящие разводы.

- Мам, слушай ещё: «Хорошо, что есть вода – можно ей поить кота!»
- Хватит. Достал, честное слово! Иди рисуй или поиграй гаммы – совсем забросил музыкальную школу.
- Я не забросил. Просто начал икать. Играл и икал. И учительница рассердилась и прервала занятие. Я не виноват, правда. Громко так икалось... Только через два часа прошло.
- У тебя вечно что-то болит, чешется, колет и стучит, как только речь заходит о занятиях.
- Мам, а почему писать стихи – стыдно?
- Я этого не говорила.
- Но тебе не нравится – значит, это плохо.
- Мне нравится, сын. Просто я хочу, чтобы ты стал нормальным человеком. А не каким-нибудь прихлопнутым поэтом.

Взрослея, Мотя часто возвращался в мыслях к этой теме. Ему было непонятно, почему такое естественное свойство всех ровесников, как склонность рифмовать слова, вызывает ироничную улыбку и вздохи родителей. А потом они удивляются, почему от них прячут и не показывают самое сокровенное. Да по банальной причине: снова быть непонятым, да ещё и пристыженным.

Позже Мотя поделился своими размышлениями с бабушкой. Тот отложил газету, снял очки и посадил внука рядом на диван.

– Хороший вопрос. Знаешь, в детстве все пишут стихи. Это, так сказать, естественная потребность. Ей в равной степени с рождения наделяются все люди. Просто потом кто-то развивает эту способность, а кто-то заглушает прозой жизни. Поэтому часто можно услышать ошибочное мнение, что пишут «только в детстве». Или от глубоких душевных переживаний в период первой влюблённости. Но это не так. Да, стресс в определённой степени стимулирует эмоции, но для этого нужны кругозор и навык. Это как мышцы: занимаешься – они есть, бросаешь – нет и следа. В юном возрасте человек знает о поэзии только то, что стихи – это зарифмованные строчки. Считает, что написал замечательные стихи, хотя из-за незнания основных законов стихосложения хромают ритм и рифмовка. Их ругают – они перестают. Но в зрелом возрасте многие понимают, что писать стихи – это очень сложный труд, требующий не только большого трудолюбия, широты мысли, но и таланта. А он уже не развит, засох, как говорят, на корню. Так что пиши, внучек, пиши. Время всё поправит и расставит на места.

– А всех великих писателей в детстве ругали? – Мотя прищурился.

– Не сомневаюсь, – бабушка снова надел очки. – Может, от этого они становились ещё более известными, чтобы доказать не только родителям, но и всему миру свой талант.

– А мама говорит, что от стихов нет никакой пользы, что это пустая трата времени, отсутствие денег, а ещё, что их время прошло...

– Так говорили и будут говорить всегда. Не слушай. Образованные люди всегда читают и, надеюсь, не перестанут. Сколько писатели исцелили человеческих душ – не сосчитать. Талантливые творения не только нужны – они необходимы огромному числу людей. Они приобщаются к переживаниям, находят в строках себя. Просто не у всех хватает слов и точности выразить то, что чувствуют. И когда человек находит «своего» автора, который говорит то же самое, что и его сердце, – это великое дело.

– А почему тогда все считают, что писатели несчастные люди? – Мотя вертел в руках линейку, измеряя ей в воздухе невидимое существо.

Бабушка задумался.

– Как сказать, Матвей, как сказать... У этих людей есть преимущество использовать уединение, которое часто путают с одиночеством, в свою пользу. Им мало кто нужен в эти моменты: они живут в своём мире и способны его менять. Погружаются в процесс открытия, разговаривают сами с собой не хуже, чем с другим собеседником, и скорее остальных понимают, кто они и зачем. У каждого внутри есть пусковой механизм самоизменения. Но многие живут всю жизнь, так об этом и не узнав.

Мотя понимал далеко не всё, о чём говорил ему дедушка. Но какую-то правильную ноту всё же уловил. Он решил делать вид, что ничем не отличается от большинства, и в этом удобном образе, не привлекающем внимание, творить всё то, что ему хочется.

Но в объяснениях дедушки недоставало чего-то важного. Чего именно – Мотя понять не мог.

Ответ к нему пришёл значительно позже, когда вопрос был почти забыт. Отдыхая с родителями в Болгарии, Мотя встретил на улице маленького человека со взрослым лицом. Он был ниже почти на голову, но при этом имел морщинистое лицо доброго лешего. Взрослые называли таких карликами, немного сторонились, но Мотя сразу почувствовал, что рядом – друг.

Они поговорили о котах и собаках, о лыжах и пляжах, и вдруг карлик прочёл ему стихотворение. Оно было немного странным, но красивым, как магическое заклинание.

– Это моё. Нравится?

– Да, – искренне признался Мотя.

– А ты умеешь?

– Умею, но взрослым не нравится.

– Глупости, – новый друг прислонился к его уху. – Они просто завидуют. Потому что продолжают писать те, в ком ещё жив ребёнок. Понимаешь? Тот самый, ещё талантливый. А от многих он ушёл и никогда, никогда к ним не вернётся. Кстати, почему-то многие называют его Музой.

Потом они играли в прятки, было очень весело и смешно, пока не позвала мама на какую-то экскурсию. День прошёл быстро.

Уже засыпая, Мотя вдруг открыл глаза и впервые испугался проспать. Он вспомнил, что забыл спросить у нового друга, во сколько приходит Муза.

В это же время его новый друг, карлик, лежал в кровати и думал, что забыл представиться юному мальчику. Может быть, впервые, он захотел назвать своё имя и открыть тайну хоть одному чистому человеческому сердцу. Он взял с тумбочки карандаш и вывел на белых обоях: «Муза».

**Владимир
ШАБАЕВ**

Я ВСПОМНЮ СТЕПЬ...

***

В тени дубрав, прохладою влеком,
В ущелье горном и в открытом море
Вдруг затоскую о степном просторе
И вспомню мать, и вспомню отчий дом.

То говорю, когда молчат кругом,
То вдруг умолкну в шумном разговоре –
И снова с отрешённостью во взоре
Стою в воспоминаньях о былом.

Я вспомню степь – и нет мне нынче сна:
Великая загадка мирозданья
Неизъяснимой прелести полна.

Так женщина любимая вольна
Будить в душе волнение и желанья
И светлую печаль воспоминанья.

***

Липа у плетня благоухает.
Самолёт гудит над головой.
Как заря за лесом догорает,
Не увидит житель городской.

У него всегда одна забота –
Переделать все свои дела.
Жизнь летит как тень от самолёта,
Вот уже и липа отцвела.

Отглянулся – осень за порогом,
До седой зимы подать рукой.
Жизнь свою, подаренную Богом,
Ты на что потратил, дорогой?

-
- Владимир Ильич Шабаетв родился в 1950 году в Ростовской области. Окончил исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. 27 лет отдал службе в армии. Публиковался в журналах «На боевом посту», «Роман-журнал XXI век», «Волга–XXI век», альманахе «Саратов литературный», коллективном сборнике «На страже Родины стоим». Автор поэтических сборников «Казачья кровь» и «В тени дубрав». Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

***

Далеко-далёко, за лиманами,
В синей дымке тают облака.
Даль чиста, и беркут над курганами
Виден хорошо издалека.

Всё как встарь, во времена былинные:
Беркут, степь, ковыль и небеса.
Положив на лапы морду длинную,
Из норы следит за мной лиса...

Степь лежит притихшая, росистая.
С небом степь до вечера враги:
Чёрной тенью молния когтистая
Чертит в небе плавные круги.

Бредит сердце ласкою и нежностью,
Зреют сокровенные слова...
Пряным духом и эфирной свежестью
Пахнет богородская трава.

ТАТАРНИК

От зноя выдохся кустарник,
Сгорел как свечка на юру.
И лишь отчаянно татарник
Цветёт в июльскую жару.

Цветёт, в своё спасенье веря,
Земле доверившись родной.
Он так колюч, что даже звери
Его обходят стороной.

Хранит колючее обличье
От травоядных жадных ртов.
Как символ царского величья –
Пурпурный шёлк его цветов.

Ему дано от Бога это.
Пусть он уродлив и в пыли –
Кружат над ним весь день, всё лето,
Как слуги, осы и шмели.

БАБУШКА ФЕОНА

Бабушка меня жалела очень:
Был доверчив и наивен я.
И не раз старушка среди ночи
При свечах молилась за меня.

– Господи, Ты ведаешь судьбою:
Не поставь доверчивость в вину,
Проведи напасти стороною,
Дай внучку хорошую жену,

Помоги в большие выйти люди,
Вырастить достойных сыновей.
Как польнно на душе ни будет,
Не ожесточиться на людей.

Помогать им делом и советом,
Никогда не помнить людям зла,
Жить всегда по дедовским заветам:
Совесь ставить во главу угла –

Выше нету на земле закона.
Так считала бабушка Феона...

Подступает к кладбищу селенье,
Всё слышнее шум машин окрест,
Но хранит покой уединенья
Над могилой бабушкиной крест.

Видно, всё же Бог её услышал –
Так молилась истово она.
Хоть в большие люди я не вышел,
У меня хорошая жена,

Как бы ни трудна была дорога,
Чувствую я плечи сыновей.
На своём веку я видел много
Добрых и озлобленных людей.

Жизнь моя в суровом мире этом
Сладкою ни разу не была,
Но я жил по дедовским заветам –
Совесь ставил во главу угла.

Выше нету на земле закона.
Спи спокойно, бабушка Феона.

НАШ БАТАЛЬОН

Александрю Балясникову

Мы шли в строю, от автомата
Почти не чувствуя спины.
Как входят в царские палаты,
В осенний лес входили мы.

А лес благоухал прохладой,
Дразнили запахом грибы,
И молча высились громадой,
Как стража грозная, дубы.

Нам был расстелен для привала
Ковёр багряно-золотой;
Невольню сердце замирало
От царской щедрости такой.

А лес молчал, лишь на опушке
Работал бронетранспортёр,
Да две синицы, как старушки,
Вели сторожко разговор.

РУСИЧИ

К Смолке подойдя почти вплотную,
Потемневший, как перед грозой,
Думу свою думая лесную,
Лес стоит притихший и немой.

Там по воле княжеской до срока,
Крепко памятуя о былом,
Конница отборная Боброка
Затаилась в сумраке лесном.

От росы отяжелели травы.
Серп луны растаял в вышине.
От глухих оврагов до дубравы
Разметалось поле в тишине.

Тишина обманчива и ложна.
Спал туман, стоявший на ветру.
Всхрапывают кони, и тревожно
Шелестят знамёна на юру.

Смотрит Спас со знамени сурово
Вдаль, откуда движется беда,
Как темнеет поле Куликово,
Мнёт ковыль поганая орда.

Дикая степная кобылица
Мнёт ковыль, не ведая узды.
Страшен враг. Но страха нет на лицах.
Лишь волнение тронуло ряды.

Только сжата в грозном ожиданье
У меча сильнее рукоять,
Да в душе горит, горит желанье
За родную землю постоять!

Разве можно было удержаться,
Совладать с желанием таким?
В первые ряды ушёл сражаться
Князь Московский воином простым.

Тяжела ты, чаша круговая,
Но дороги нет уже назад.
«В битве лютой, мать-земля родная,
Помоги не дрогнуть, устоять».

Сшиблись рати – ясный полдень с тьмою.
Задохнулся в травах суховей.
Отозвалось эхо за рекою
Страшным хрустом копий и костей.

Содрогнулось поле под ногами,
Загудело гулко тетивой.
Вперемешку с лютыми врагами
Лёг костями весь полк Сторожевой.

Только к смерти велико презренье
И отваги в сердце не унять...
Умереть за Родину в сраженье –
Это ли не Божья благодать?

Не страшна для русича могила.
Били мы врагов и будем бить!
Разве в мире есть такая сила,
Чтобы душу русскую сломить?

Закипела ненависть во взгляде,
Закусила ярость удила.
Не желая уступить ни пяди,
Бьются, встав на мёртвые тела.

А враги всё гуще, слева, справа,
Но хранит молчание Боброк.
Воевода видел из дубравы,
Как ордынцы смяли Левый полк,

Словно птица хищная степная,
Понеслись вдоль леса русским в тыл –
Вспыхнул, их глазами провожая,
Но давать команду не спешил.

«Пусть увязнет коготок проклятый!» –
Вслух подумал весело и зло.
Вот уже ликуют азиаты..
«С Богом!» – молвил и вскочил в седло!

Лучше смерть, чем жизнь влачить в неволе,
Лучше сразу превратиться в прах!
Ой, ты поле, Куликово поле, –
Вымахнули разом на рысях!

Всё сметая на пути широком,
Как весною талая вода,
Вымахнули яростным потоком –
И смешалась, дрогнула орда.

И бежала, всё забыв на свете,
Та, что мир держала под пятой,
И свистел в ушах ордынских ветер,
Словно русский меч над головой!

Сергей
ПЫЛЁВ

ОПЫТЫ ЛУИЗЫ НАД МОНТЕНЕМ

ПОВЕСТЬ

*Жизнь сама по себе – ни благо,
ни зло: она вместитище и блага, и зла,
смотря по тому, во что вы сами превратили её.*

Мишель Эйкем де Монтень

1

Мужики, кому приходилось искать работу после шестидесяти? Вы возразите, что вопрос мой заведомо пустой, ибо большинство из нас просто не доживают до такого Мафусаилова по нынешним меркам возраста. И всё же, всё же... Доложу вам, что это во всех отношениях познавательная затея, хотя и заведомо провальная. Пусть вам лишь немного за пятьдесят или даже около сорока пяти – результат будет тот же самый. Порой складывается ощущение, что работодатели размещают объявления только для того, чтобы потом вам с порога зловердно отказать. Или дело в моей прежней профессии, указанной в последней записи моей трудовой книжки от ветхозаветного 1991 года: «Уволен по собственному желанию в связи с переходом на профессиональное положение писателя». Ни больше ни меньше. Только по жизни я от этого звания как мог дистанцировался.

-
- Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году на Украине, в городе Коростень Житомирской области. Вырос на Сахалине. С 1956 года живёт в Воронеже. Окончил в 1972 году журналистский факультет ВГУ. Служил в Советской армии, работал электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, был редактором отдела прозы журнала «Подъём», главным редактором журнала «Воронеж». В настоящее время – редактор газеты Воронежского аграрного университета имени Императора Петра I. Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день» (1980), «Обстоятельства» (1983), «Вам бы птицами родиться» (1984), «Радужная звезда» (1987), «Сон разума» (1999), «Человек Господа» (2003), «Удар возмездия» (2008), «На чистую волю» (2015). Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Берега», «Север», «Молоко», в еженедельнике «Литературная Россия».

Слово «писатель» в народе чаще ругательное и почти никакого отношения к Толстым или Чеховым вкуче с Достоевскими не имеет. Это ярлык, который наклеивают на любителей строчить верноподданические письма на самый верх или доносить куда надо. Плюс назваться ныне писателем – так это всё равно что объявить о своей полной материальной несостоятельности. Повестушку делаешь в муках полгода, а получаешь за неё оскорбительный гонорар тысячи в три с вычетами. «Так завоёвывай рынок!» – возопят адепты, крещённые новой олигархической религией. Только простите, господа хорошие, но мне мира хочется. Во всём мире. И даже в галактических масштабах.

Попытаться вернуться в касту работающих россиян меня вынудила внезапная смерть жены. У нас в России существует парадокс: одному на пенсию не прожить, а на две муж с женой могут перебиваться. Если, конечно, они способны из ничего приготовить некое подобие еды, а старые вещи донашивать со смиренным достоинством.

Овдовев, я через какое-то время попытался устроиться корректором, предлагал свои услуги на вакантные места библиотекаря или архивариуса, но везде получал стандартно-безразличный ответ: вы, мол, опоздали. Понятно, лет на тридцать в лучшем случае. Хотя, возможно, сказывалась моя убитость – Марина умерла слишком рано. Мы так и не успели побыть с ней, как мечталось, идеальной стариковской парой.

Наконец я понял, что могу претендовать лишь на должности типа «без специальных навыков» – тот же расклейщик объявлений, сторож магазина, контролёр в торговом зале или дворник... Да и то, если мне не перебежит дорогу некий гастарбайтер, согласный на любые условия, вернее, на полное их отсутствие. Только и на этом направлении мою кандидатуру ждал облом. Даже когда я попытался устроиться швейцаром в средней руки ресторан. Меня попросили показать жест, коим я буду распахивать двери перед гостями. Я попытался исполнить его как можно величественней и одновременно радушной. Senior manager великолепно рассмеялся и пообещал перезвонить, но этого не случилось. Сам же я отказался только от одного места – охранника на автостоянке. Камнем преткновения на пути к этой «денежной» профессии (за счёт ночных «левых» машин) стала, казалось бы, необременительная обязанность приготовить в котле жрачку для трёх сторожевых псов, а потом раздать её им. С первого раза я твёрдо понял, что эти милые собачки с пеной на безжалостных клыках предпочтут меня свеженького тухлому месиву из котла. Так что рано или поздно их мечта должна была осуществиться.

А почему заправщиком на АЗС меня взяли сразу, даже радушно, словно давно ждали, когда же я наконец осчастливорю их своим появлением, – вопрос решительно мистический и долгое время недоступный моему пониманию. Это произошло по церковному календарю как раз на Крещение. Неужели сказалось предпраздничное христианское желание моих будущих начальников творить добро на всей Земле?

Всё поставил на свои места глубокий анализ социологического портрета современного автозаправщика, исполненный управляющим АЗС – отставным майором стратегических ракетных войск Анатолием Николаевичем Коржаковым, отправленным в запас из некогда дислоцированной в Козельске 28-й гвардейской ракетной дивизии. На её вооружении находились шахтные комплексы межконтинентальных баллистических ракет SS-19 «Стилет». Одним словом, Анатолий Николаевич где-то с уголочка, но держал в своих руках ядерный щит Родины. Но на обмывании своих майорских звёзд после

семисот граммов пятизвёздочного «Арарата» на спор пронёс за территорию части в обычном туристическом рюкзаке килотонный атомный фугас. Туда и обратно. Само собой, кто-то из «писателей» не смог не стукануть. С вдохновенной бдительностью. До устройства на АЗС бывший майор успел поработать каменщиком, грузчиком и водителем-санитаром в здешнем морге. Своими глубинными кадровыми наблюдениями он решил поделиться со мной, печально разглядывая мою трудовую книжку с той роковой «писательской» записью. Видимо, посчитал, что обязан, прежде чем я буду бесповоротно причислен к лику ПОСЛЕДНИХ ПРОЛЕТАРИЕВ страны, кои мужественно трудятся в глюкогенной ауре бензиновых паров, объяснить мне, куда я решил вляпаться. По его многолетним наблюдениям, кадры бензозаправщиков подпитывались в основном представителями четырёх слоёв нынешнего российского народонаселения:

- студенты, коим удобно подрабатывать в ночную смену;
- временщики, настроенные перекантоваться тут перед получением более выгодного места;
- рядовые народные пенсионеры;
- придурки.

Последние составляют самый значительный контингент людей, которыми Родина доверила держать в руках наперевес бензиновый пистолет. Таких до 40 процентов. И с ними вполне можно работать. Ещё как! Даже легче, надёжней, чем с разными там пришибленными умниками, способными на всякие неожиданные выкрутасы. Придурки дисциплинированны, старательны, исполняют с рвением всякое порученное дело, даже самое, казалось бы, неподъёмное или унижительное. А на разные их странности можно рукой махнуть и виду не подавать, что заметил какой-нибудь эдакий идиотский выверт: один всегда с поклоном к тебе выскакивает и подаёт руку, придерживая её другой для надёжности; иной говорит, стоя перед тобой на коленях, будто бы из удобства ему такой позы... А вот ещё был у него заправщик, которому нарочно шепнули, что Коржаков надумал уходить. Так тот три недели ходил в головной офис проситься на место управляющего. А когда его прикомандировали и даже выдали ему на руки приказ, так он от счастья незамедлительно повесился, чтобы не дай Бог не успели развезься счастливые грёзы.

– Я ещё много такого тебе расскажу, что на десять романов хватит! – побледнел от вдохновенного азарта Коржаков. – Напишешь?

– Поглядеть будем..

– Тут у нас через день такие закидоны, что никакие «Юрмалы» после них тебя не развеселят. Как сейчас помню: бежит молодой заправщик за водителем-бабой, не найдя отверстия бензобака, и кричит отчаянно: «Женщина! Женщина! Куда вам вставить?!» Ничего удивительного. Машина на машину не похожа. Так что некоторые из новичков вставляли пистолет даже в выхлопную трубу. А один умудрился до горловины бака дотянуться через салон автомобиля.

С первого дня Анатолий Николаевич был ко мне участливо добр и внимателен. Как настоящий батяня-комбат. Бывало, выглянет гвардии майор в форточку своего кабинета и кричит: «Сергей Владимирович! Хватит чистить снег (пылюгу мести, окурки собирать)! Идите чайку попейте, покурите!» Или вот ещё для всех окружающих небывалое, замурдёное: вынесет наружу своё кособокое пластиковое креслице и поставит мне: «Посидите немного. Вам персонально разрешаю. Душа у меня болит, на вас глядя... В ваши годы вдовцом стать. Берегите себя. Мужики, которые в возрасте

одни остаются, кони нарезают только так. Вот что: приглядитесь повнимательней к нашим девкам. Про Ирку, старшего оператора, мне уже доложили, что она по вам сохнет. Сам заметил: заикается, когда с вами говорит. Хорошая девочка. Не обжимается ни с кем. Всегда что-то читает. Да только она замужем. А вот тогда Луиза? Свободная. При квартире. Как она вам?» – «Не знаю...» – «Да, да, да... Вроде и молода, и рожица хорошая... Книжки какие-то читает особенные... Умница! Но всё равно неровня вам. Зато кофе, зараза, умеет такой – эхма – сварганить!..»

Вот такая дружеская искра между нами иногда проскакивала.

В общем, со всех сторон место моей новой работы оказалось исключительно достопримечательным. Воронеж гордится своей причастностью к созданию первого военно-морского флота, нобелевским Буниным и народным Кольцовым, но при этом по какому-то непростительному недогляду не в курсе относительно нашей АЗС в проулке с ветхосоветским названием «Тупик Героев Труда». Бензоколонка эта обладает особой сакральной значимостью благодаря своему особому соседству: во-первых, да будет вам известно, рядом с бензином всегда оседает сообщество глюколоводов – автомобильным горючим они при варке маковой соломки заменяют ставший дефицитным ацетон; во-вторых, справа от моей АЗС – туберкулёзный диспансер, слева – морг, единственная структура в государстве, которая напрямую подчиняется Господу Богу, а на задворках – развалины подстанции высокого напряжения, на её косой, будто пьяной двери улыбался симпатяга череп с красной молнией в зубах. Таким был наш «всероссийский дом отдыха бомжей «Город Солнца имени Томмазо Кампанеллы». Это имя дал сей воронежской агрегации бездомных скитальцев олигарх местного разлива Илюша Рыбкин, миллиардер чуть ли не мальчишеского возраста с лицом осетрового малька. Он регулярно, каждую пятницу приезжал на АЗС по ночам напиться вдрызг и палить из роскошного «Магнума-44» по черепу на дверях. А ещё тут невыносимо пахнет серой. Известно, какой типаж усиленно издаёт подобную вонь, но в нашем случае мистика исключалась. Просто вместо дизтоплива на АЗС продавали печное, в котором превышение нормы по сере зашкаливало за 500 процентов. Иначе и быть не может в стране, в которой бензин дорожает, даже когда на мировом рынке цены на нефть катастрофически падают.

2

Моя жизнь на АЗС началась с самой длинной смены, что длится с шести вечера до восьми утра. Однако для новичка у неё есть одно существенное преимущество перед короткой дневной: после десяти часов вечера поток машин заметно спадает, а с часа ночи и до утра заправка практически пустует.

Первый человек, с которым я познакомился на заправке, была Луиза – уборщица лет сорока, стройная, высокая и почти красивая, если бы не вздёрнутый вверх, по-утиному плоский кончик носа на вполне милом, дымчато-смуглом личике. Как позже выяснилось, загар тут был ни при чём. Мать Луизы русская, а вот отец – этнический грузинский мегрел. Отсюда её удивительные волосы: словно металлически плотные, литые, ко всему – ярко-дерзко-чёрные. Вкупе с рготно-серыми, почти белёсыми глазами и русалочьи бледным лицом они придавали ей какое-то болезненно-ведьмовское выражение. Возможно, этому способствовали две ранние грубые морщины, резко отходившие от носа на скулы.

Я открыл дверь – мы с ней едва не столкнулись. Она практически не видела дороги впереди себя: Луиза натруженно несла в обнимку чёрный

пакет с мусором. Был он какой-то странный – в рост человека. Потом меня просветили, что эта тара называется патологоанатомическим мешком. Она применяется в соседнем морге для перевозки трупов. После однократного использования эти мешки попадают по обоюдной договорённости на бензоколонку под мусор.

– Вы к нам устраиваться на работу? – аккуратно спросила Луиза.

– Если всё сложится нормально, то да... – был мой уклончивый ответ.

– Как хорошо! – вдохновенно обрадовалась она, показав мне все свои красивые ядрёные зубы, слегка покрытые табачным и кофейным налётом. – Наконец настоящий интеллигент будет с нами работать!

Мне ничего не оставалось, как реально смутиться.

– С какой стати вы составили обо мне такое лестное мнение?

– По тому, как дверь открыли. По тому, как вокруг посмотрели. Из вас интеллигентность просто прёт. А голос какой! Обалдеть! Кстати, вы любите читать философские произведения? – вдруг порывисто проговорила она и, не дожидаясь моего ответа, сокровенно призналась: – Я очень люблю Канта, Ницше, Ильина и этого, как его, Гегеля. А вот Монтеня не читала, но очень хочу! Его «Опыты». Только никак не могу их найти. А в библиотеку записываться нежелательно. Возраст не тот. Не студенческий. Да и люблю читать только лёжа, с кофе, чтобы настольная лампа горела. Может быть, у вас случайно что-нибудь из Монтеня есть?

– Случайно есть. Именно ваши «Опыты». Если примут на работу – завтра принесу.

– Ой, как жаль! Завтра я выходная...

– Полежат...

– А я тут рядом живу! Забегу. Дома всё равно одной скучно.

– Луиза, не пыли... – с ленцой усмехнулся сквозь густые грязно-серые усы некто вальяжно полный, в фирменном зимнем комбинезоне автозаправщика и валенках-раструбах. Почти космонавт в скафандре перед выходом с МКС в открытый космос. Через полчаса он станет моим наставником и напарником.

– Что, Андрюша?! – дёрнулась Луиза, шею красивую вытянула.

– Раз человек пришёл сюда вместе с нами за гроши травиться парами бензина, выходит, он такой же жлоб, как я и ты. Как все мы тут... – Он медленно подал мне маленькую, аккуратную руку. – Здорово, интеллигенция! Андрей Арнольдович Медведев.

Я не успел ответно назваться (Афанасьев, мол, Сергей Владимирович), как Луиза виновато и чрезмерно оглушительно вскрикнула:

– Наш Андрюша, между прочим, кандидат наук! Папа у него – академик! Они беженцы из Казахстана.

В это время из своего кабинета с солдатской алюминиевой миской уже почти «умятого» кроваво-красного борща, щедро заправленного по особому рецепту толчёным старым салом-«желтяком» с чесноком, бдительно вышел управляющий АЗС – отставной гвардии майор Коржаков:

– Луиза! Не ори, дура.

Он взгляделся в меня, наклонив голову:

– Вы – Афанасьев?

– Так точно, – по-солдатски ответил я, услышав командирские интонации бывалого кадрового офицера.

– Сейчас мне звонил наш генеральный. Вопрос по вам решён положительно. На самом высшем уровне. Будем оформляться? Стоп. Запойно не пьёте?

– Пока нет, – не нашёл я сказать ничего лучшего.

– Отлично! – облегчённо вздохнул Коржаков.

Когда я отправился в бытовку переодеваться, кандидат биологических наук, потянувшись, как тюлень на лёжке, откровенно высказался мне вслед:

– С нами шеф на «ты» да матом, а перед этим что-то задёргался... Форму ему новенькую выдал, с иголочки. Видела?

Он высморкался и было хотел лениво погладить уборщицу по красивой курносой выпуклости внизу спины.

– Не смей! – строго, но как бы даже несколько виновато сказала Луиза.

– А ты не вешайся на него с разбегу... – вяло поморщился Медведев. – Ему уже скоро доложат, что твоя мать была известной на весь район шлюхой, что ты пошла по её стопам, пила до одури, а недавно как умом тронулась: Монтеня теперь тебе подавай. Ницше она у нас читает на ночь с французской настольной лампой! Хоть название книги помнишь?

– Да, Андрюша, – тихо сказала Луиза. – Но произносить мне его боязно. Я всё-таки крещёная... «Смерть богов».

– Круто! Ладно, пойдём, что ли, перепихнёмся? У меня двадцатиминутный перерыв. Водочки налью.

– Ты же знаешь, что я давно не пью... От одного слова «водка» меня мутит... – судорожно поморщилась Луиза и натруженно поволокла дальше переполненный мусором трупный мешок.

3

Мой первый трудовой день оказался во всех отношениях особенным. Во-первых, Крещение Господне, во-вторых – на дворе минус 29. В-третьих, я познакомился с уборщицей, мечтающей прочитать «Опыты» Монтеня, а моим напарником стал кандидат биологических наук, который в советской Алма-Ате до бегства в Россию специализировался на изучении белого пустынного саксаула, а его ныне покойный отец-академик – чёрного. Не знаю, насколько они продвинулись в своих научно-биологических изысканиях, но по жизни, как позже выяснилось, Андрей Арнольдович не мог отличить даже галку от вороны. Как бы там ни было, но после налаженной, перспективной жизни в Алма-Ате он в Воронеже так и не поднялся выше автозаправщика. Ещё и прирабатывал на полставки садовником в морге, чтобы жена из дома не выгнала. Там в его задачу входило поливать и подстригать декоративные розы, которые огненно-ало окантовывали смертные пути-дорожки в этом особом заведении. В общем, наши девушки-операторы никогда не уходили с работы без нежного букета. Иногда, по случаю, не брезговал розами из морга и сам Коржаков. Но, срывая их, мудро морщился: «Смертушкой, кажется, не пахнут. Лады, сойдут».

Январская смена на АЗС – такое не забывается. Напористая, наглая метель. Снежные галактики вихрем носятся вокруг нас. Мороз высокого напряжения – ты физически чувствуешь, как внутри тебя, в каждом сосуде и костях медленно, но неотвратно идёт процесс кристаллизации всех форм жидкости. Плюс жёсткая, вёрткая позёмка как бы демонстрирует в бытовой реальности квантовый эффект сверхтекучести. Она с лёгкостью безматериальной сущности проникает везде и всюду: в наши куртки, валенки, железную бытовку, в которой на глазах растут свежие затулины, не обращая никакого внимания на жалкие попытки европейского калорифера перемочь нашу зимушку.

Мы с Андреем Арнольдовичем усердно работаем лопатами, ожидая от растащивавшегося буранного кавардака очередного самодвижущегося сугроба. В короткие минуты передышки Медведев глухо, невнятно, точно

борясь с желанием впасть в спячку, объясняет мне секреты заправочного пистолета, особенности капризов крышек бензобака и приметы хамоватых водил. Людей этой породы, лениво учит он меня, особенно раздражает, если бензин при заправке попадёт на роскошную гладь их автомобилей.

Однако самым-самым главным принципом, который мне предстояло усвоить в работе как «Отче наш», было так называемое «Фирменное приветствие и напутствие клиенту». Его текст разрабатывали на самом верху совместно с какими-то выдающимися столичными психологами, и отступление от него хотя бы в одном слове или его безрадостное произнесение наказывалось большим штрафом. Для контроля над нашей исполнительностью кругом стояли камеры и записывающие устройства.

Вот содержание этой священной мантры в исполнении знатока белого саксаула:

– Когда водитель выходит из машины, ты обязан громко, счастливо произнести: «Здравствуйте! Благодарим вас за выбор нашей компании! Номер колонки такой-то!» Когда он вернётся, его следует душевно напутствовать: «Счастливого пути! Приезжайте к нам ещё!» Если водила шустрый и отъехал, пока ты не успел рот открыть, эти слова полагается озвучить ему вслед для контрольной записи, потом поступающей на прослушку в соответствующую службу центрального офиса.

В эту долгую ночь, после которой моя кровь приобрела все полезные свойства талой воды, Андрюша научил меня многому. Как-никак у него был солидный академический опыт преподавания в высшей школе. Копилку моих знаний, во-первых, пополнили сведения о расположении видеокамер, чтобы я, к примеру, имел возможность безнаказанно покурить или пронести ведро с левым бензином для полуночных «нариков» (уже полтешок к зарплате). Во-вторых, так как спать ночью нам возбранялось, а чаёвничать – нет, я получил практический совет, как дремать за столом, обманно поставив перед собой бокал с чаем.

В третьем часу ночи из метели возникла Луиза. В первое мгновение мне показалось, что она не одна. Такой эффект создал взвихрённый снег, который словно сделал с неё слепок и озорно заставил его танцевать по насту в зыбком человеческом облике. В её явлении было нечто магическое и очаровательное: Луиза вдохновенно улыбалась, как человек, которому открылся наконец смысл жизни.

– Ребята, я принесла вам горячие пирожки и свой фирменный кофе!

Мой наставник лениво вздохнул:

– До сих пор такое адресное милосердие за тобой не водилось.

Прокряхтев ещё что-то невнятное, он ушёл спать, даже не заглянув в сумку Луизы. Ушёл вразвалочку, неторопливо, с головы до ног исполненный особого академического достоинства.

Даже на морозе пирожки Луизы трогательно пахли рукотворной домашней снедью, словно олицетворяя утраченный мною семейный уют. Я внимательно всмотрелся в её лицо. И сейчас оно вдруг показалось мне достаточно нежным.

– С чем пирожки, Красная Шапочка?

– С ливером.

– Честное слово, это самые мои любимые!

– А я могу тебе понравиться? – тихо, точно от самой себя таясь, проговорила Луиза.

– Жизнь сложнее всяких схем... – улыбнулся я достаточно невесело и даже несколько туповато...

– Пирожки наворачивай, остынут! – прощаясь, грустно наказала Луиза.

И вдруг резко остановилась на грани исчезновения в искривлённом пространстве метели. Точно какая-то боль внезапно тормознула её.

– А вообще, я во всём за справедливость! Чтобы никто никого не унижал. Но нас сделали бессловесными рабами. Ладно, про Монтеня не забудь!

Вместо полагающихся двух часов сна мой строгий наставник мстительно проспал до утра. Мне это не понравилось, но вида я не подал.

4

Моя следующая ночная смена началась романтично: с поцелуя Луизы – я не забыл «Опыты» Монтеня. И хотя меня поцеловали в щёку, но достаточно плотно и... почти возле губ. Не знаю, что мне помешало, но был миг, когда я вдруг почувствовал лукавое желание чуть-чуть повернуть лицо и вдохновенно перевести благодарственный поцелуй Луизы в более серьёзную плоскость. Хотя его даже в этом виде нельзя было однозначно рассматривать лишь как выражение признательности с её стороны. Скорее всего, Луиза как бы попыталась через свой поцелуй типа «чмоки-чмоки» понять в себе что-то новое, серьёзное и, возможно, уже смутно тревожащее её. Не знаю зачем, только потом она ещё приложила к губам гляцевую обложку «Опытов», насыщенную бытовыми премудростями Мишеля Эйкема де Монтеня пятисотлетней давности. О нём принято писать как о человеке, книги которого «ярко отразили гуманистические идеалы и вольнолюбивые идеи передовой культуры французского Возрождения». Только что мог он сказать живущей в доме под снос возле морга и туберкулёзного диспансера уборщице окраинной бензоколонки эпохи чёрт знает как далёкого от него XXI века?! И всё же, всё же... Быть сему. Их долгожданная встреча наконец состоялась.

«Всякий, кто долго мучается, виноват в этом сам» – возможно, именно с этой фразы Луизе стоило начать знакомство с господином Монтенем.

В полутьме заледеневшей бытовки на домашнем коврике, некогда меховом, а нынче откровенно лысом, не спеша переодевался наш бригадир Володька. При деловом контакте – Бугор, за глаза – Клоун. Он ещё когда-то давно выступал в местном цирке, только был акробатом. Пока его не заворожил богемный алкоголизм. Из «культуры» он был вычеркнут после того, как побил директора цирка, отказавшегося оплатить Володьке выступление в пьяном виде. Очевидцы утверждали, что оно было лучшим, самым радостно-рисковым в репертуаре Клоуна. Он в том номере ярко превзошёл себя. Такого динамичного владения телом и таких изысканных, смелых сальто, перекатов и пируэтов под куполом этого цирка не видели отродясь. Говорят, директор, сам бывший акробат, второразрядный эквилибрист с першами (попросту – жердями), несносно позавидовал сумасшедшим аплодисментам в адрес своего хмельного коллеги.

Ныне Бугор-Клоун – здешняя легенда. Все его любят. Работа в руках у Володьки горит. Устроившись на АЗС, он первым делом выбросил из вагончика гнилую мебель, принёс коврики, плакаты повесил с певцами Михайловым и Аллегровой, чашки сервизные позолоченные выставил, пусть и со сколами, постелил красивую клеёнку с древнеегипетским орнаментом. Ещё до цирка работал он на Байконуре электриком, потом на вышке в Тюмени. Оттуда большие бабки пересылал сестре в Воронеж... У Володи золотые зубы, печатка золотая. Одет по моде городского фраера шестидесятых прошлого века. Озорной, самолюбивый человек, но, как все мы тут, – приби-

тый жизнью. Все его «нефтяные» деньги сестрица профуговала на мужиков из породы «погань захребетная». Теперь уже лет 15 брат и сестра не общаются. Вот такой он – Клоун.

Никому не ведома истинная природа русского прозвища. Порой оно блистает, порой настораживает, а то и некий высший приговор своему носителю выносит. В любом случае всякое прозвание поучительней, по сути, реальной, нежели имя, которое навскидку сочиняют родители младенцу. Бывает, что иной человек за всю свою богатую, многоступенчатую жизнь, в зависимости от направления её извилистого русла да силы течения, этих прозвищ несколько поменяет.

С первых дней на АЗС мой нынешний наставник как проговорился про селекцию и генетику белого саксаула, так и стал Ботаником. Как ни отбрыкивался, как физиономию ни кривил. А несколько позже его ещё и в Садовники возвели – так аукнулись Андрюше розы областного морга. В нищие 90-е ему было присвоено звание Самогонщика: загибаясь от бедности после бегства из Казахстана, он худо-бедно выжил на сбыте славной самогонки собственного рецепта. Потом он же ещё Кролик, ибо одно время разводил это зверьё усердно, но безуспешно. Передохли как один. Так что его жена осталась без обещанной кроличьей шубы, и после этого они начали спать в разных комнатах. Ко всему водилось за ним ещё одно не совсем забытое погоняло – Окорочок. Было, да, коптил, сбывал по магазинам, соседям, пока напарник его не надул и не оставил без гроша.

Переодевшись, Бугор разрешил себе вдохновенно выпить на дорожку. Откашлялся, нежно взял «гранчак». Увидев меня, дерзко улыбнулся: его редкие зубы породисто, самостийно замерцали золотым напылением.

– Ты мешаешь мне переодеваться... – изысканно-нагло проговорил Клоун. – Выйдешь сам или мне тебя выставить голяком на мороз?

Ещё в годы оные, в эпоху развитого социализма, я впервые ощутил на себе такое истинно пролетарское чувство, как «классовая ненависть». Меня тогда из здешней многотиражной газеты привела в сборочный цех необходимость зарабатывать на хлеб с маслом для беременной Марины. А добиться этого, не выезжая из Воронежа на лесоповал в Сибирь или дальневосточную путину, можно было лишь здесь. Большие деньги, офигенные рублей 500–800 в те брежневские годы получали у нас только исчерневшие от сажи сборщики шинного завода. Мне едва удалось через партком протиснуться в плотно сплочённые ряды пролетариата – тогда человеку, получившему высшее образование, обратного пути к станку или сохе не было.

Однако я скоро заметил, что в бригаде меня, мягко говоря, обходят стороной. Я везде напряжённо чувствовал себя чужаком. Хотя в первый же день, как полагалось, накрыл народу «полянну». В тёмных от сажи кустах на пустыре неподалёку от завода моей бригаде были щедро выставлены с последних денег коньяк «Плиска» болгарский, тонкогорлая водка «Столичная», колбаса «Краковская», душистая с отменным жирком, сочный окорок «Воронежский» и салат «оливье» от Марины с секретным добавлением в общий рецепт жареных грибов и популярной в те годы сельди иваси. Может быть, я с коньяком перегнул? Его тогда в магазинах отродясь не было. Да и пили коньяк ребята неохотно, усмехаясь. Когда их повело, первым (правда, и последним) обозначил своё настоящее отношение ко мне сборщик по прозвищу Волчара – невысокий, скуластый крепыш, с волосами агрессивно-рыжего цвета.

Я попросил у него прикурить.

– Жалко мне тебя, фраерок! – туго улыбнулся Волчара на блатарский манер. – Учился-учился – да к нам и скатился... Мамка таланта не дала?

Сборщики активно безмолвствовали.

Я рос не в инкубаторе. О какой-то там аффилиации ведать не ведал. Самодостаточности во мне было с избытком. В общем, я уложил Волчару подсечкой на пол и безжалостно выполнил удушающий захват. Правда, вполсилы. Тем не менее он серьёзно испугался, увидев на мгновение над собой вместо закопчённого сажей неба ярко-серебристую бесконечность, огненный блеск которой обычно предшествует обмороку.

– Самбо?.. – с уважением прохрипел Волчара, как бы спасая своё реноме.

– Боевое, – уточнил я.

– Я заценил... – усмехнулся он.

Мы как ни в чём не бывало продолжили обмывать моё вступление в ряды передового рабочего класса. Кстати, оно произошло на фоне вчерашнего ввода в Афганистан ограниченного контингента наших войск. Тогда это ещё не было событием. По крайней мере, ни патриотических, ни диссидентских тостов по этому поводу не прозвучало. Не вызрели они ещё в народе.

Теперь передо мной через долгие десятилетия вновь стоял некий вариант Волчары, только теперь постперестроечной эпохи. И звали его соответственно новому времени – Клоун.

Я дерзко взял у него из рук стакан, полный по славный «марусин пояс»: выпил на раз. Объяснился, зычно выдохнув:

– Чтобы не замёрзнуть на морозе голышом.

Клоун засмеялся и подал мне руку. Больше проблем у нас с ним не было.

Лишь специалист по генетике и селекции саксаула как загвоздило в отношении меня. Он подвижнически открыл в себе талант назойливого наставника. В армии Андрюша не служил по причине плоскостопия и чудовищной близорукости, но это не помешало вдохновенной мутации его гено-типа, в результате которой он мужественно почувствовал себя старослужащим на фоне моего первичного положения новобранца.

Вот лучшие образцы его общения со мной, которые вполне могут претендовать на достойное включение в катехизис российского автозаправщика:

– Крышку бензобака не клади на автомобиль. Поцарапаешь – водилы морду набьют. Слушай бензин в баке! Как заклокочет – отсекай. Обольёшь машину – голову оторвут. Будешь часто делать возврат – девки-операторы тебя возненавидят. На смене сидеть нельзя – из-за тебя всех оштрафуют!

– А на коленях стоять можно? – поморщился я, но ответа не получил.

Зато сменщикам он в первый же день дал на меня такую производственную характеристику: «Этот у нас не задержится. Нет в нём рабочей косточки. И чем он только Луизе глянулся?» Само собой, я передал его слова в старательной цензурной обработке, согласно запрету Госдумы на использование мата в искусстве. Только где оно, искусство? Ныне фиговым листком прикрыты его далеко не выдающиеся причиндалы...

5

Действительно, непростых тонкостей в моей новой работе оказалось предостаточно. Это лишь со стороны всё просто. Самые неподходящие для заправки те машины, у которых так хитро изогнута горловина, чтобы воспрепятствовать несанкционированному отсосу бензина, что пистолет захлёбывается и прекращает работу – это «бехи», «мерины», «некси», «фиаты», «волги» и «нивы», особенно «нивы-шевроле». Тут надо изловчиться...

Пистолет вставлять чуть-чуть, фиксатор из трёх положений аккуратно переводить на первое – то есть на самую медленную подачу топлива. Но самое досадное – не услышать отстрел захлебнувшегося бензином пистолета. Если его тотчас не перезапустить, через 15 секунд колонка перестанет подавать топливо, а недолитое пойдёт в «возврат», за который малограмотные «егэшные» девушки-операторы потом вынужденно пишут подробные объяснительные, мысленно и даже вслух поминая нас такими матерными словами, какие не всякий мужик осилит. Или вот: пристроился к нам ездить заправляться пацан на крутой американской тачке Mercedes-Benz SLS AMG, которая классно отличалась от других авто тем, что её двери откидывались вверх, – тогда она при своём чёрно-белом окрасе напоминала королевского пингвина, который отчаянно пытается взлететь. Так вот, у этой крылатой машины горловина бака была такая узкая, что наш отечественный пистолет в неё никоим образом не входил. Честное слово, один я научился так прижимать ствол, что заправлял этот Mercedes-Benz SLS AMG без веера брызг и лужи бензина под колёсами. Поэтому её водитель всегда вставал в очередь ко мне.

При всём при том дня через три я вроде как освоился. И даже начал, несмотря на наличие записывающих устройств, щеголять подобием остроумия. Скажем, одну гламурную даму на внедорожнике я встретил такими далеко не фирменными словами: «Вам какой бензин? С ароматом французских духов или с феромонами?» В итоге почти все женщины стали заправляться только у меня. Одна из них так даже показалась мне «вполне ничего». Гибкие руки а'ля Плисецкая, трепетный шаг и элегантно-любопытный, мерцающий бледно-синий взгляд.

Однажды Луиза перехватила его на мне:

– Не пьялся, вдовец-молодец... Это – Шалавдия. Суперная девушка с выездом. У нас здесь целый квартал армянских миллионеров. Их она и обслуживает.

В качестве сатисфакции за испорченное мне настроение Луиза щедро приготовила кофе. Обычная арабика, да ещё немного корицы, гвоздики и ванильки. Да пить с горьким шоколадом... Атас называется.

Так как мне следовало ежеминутно отслеживать ситуацию на бензоколонке, мы пили замечательный кофе неподалёку от заправочных колонок, на свежем воздухе, у обледеневшего мусорного бака, напоминавшего огарок огромной свечи с потёками желтоватого парафина. Тем не менее его крышка отлично служила нам устойчивым просторным столиком, а щель в ней – бездонной пепельницей.

Мы пили эспрессо аккуратными глотками, собственно говоря, посасывали, чтобы дольше сохранялись послевкусие и всякие прочие приятные ощущения.

Именно здесь Луиза и сделала мне взволнованно-неожиданное предложение:

– Давай про Монтеня что-нибудь поговорим? Я его книгу уже дочитываю.

– Что ему Гекуба, что он Гекубе?... – скучно сказал я.

– Не принимай меня за дуру... – без всякого намёка на обиду наставительно проговорила Луиза. – Между прочим, по трудовой книжке я никакая не уборщица, а старший менеджер АЗС по клинингу и эстетике. И хочу тебе сказать, что Монтенем я зачитываюсь. Как будто про мою жизнь он пишет, а жил чёрт знает когда.

– Он самый обыкновенный брюзжащий моралист.

Я попытался отмахнуться от неуместно умного разговора на фоне Андрея Арнольдовича, вальяжно, на слегка заплетающихся ногах собирав-

шего по территории разнокалиберные окурки. При этом он себе под нос, но достаточно слышно крыл на чём свет стоит нашего Клоуна: оказывается, тот, вынося вчерашней ночью мусор в трупном мешке, в темноте налетел на выставленную возле баков кем-то из армянских миллионеров новую стиральную машину. Как видно, та была куплена без должного совета с бабушкой. Но не только в этом обретении нашему бригадиру свезло. Три дня назад Клоун там же счастливо разжился японской сборки микроволновкой в упаковке. Сегодня, сдавая нам смену, он продемонстрировал всем новую молодёжную норковую кепку с кожаным козырьком того же самого «мусорного» происхождения. Так что наш Ботаник в связи с этим сейчас с досады сердито прикладывался к улучшающей качество жизни чекушке. Само собой, в «мёртвых» для видеокамер зонах. А чтобы отбить запах, закусывал растворимым кофе из пакетика. Мне уже шепнули, что кандидата биологических наук трижды выгоняли за пьянство, но каждый раз через два-три дня звали обратно: работать он умел один за всех.

Луиза вдруг взяла меня под руку и samozабвенно процитировала Монтеня:

– «Мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. Опасения, желания, надежды влекут к будущему; они лишают нас способности воспринимать и понимать то, что есть, поглощая нас тем, что будет хотя бы даже тогда, когда нас самих больше не будет».

– Откуда у тебя такой интерес к заоблачным материям? Может быть, ты инопланетянка?

– Скорее сумасшедшая. Но точно знаю лишь одно: я была здешней шлюхой... – Луиза зверски напрягла скулы. – Конечно, рангом пониже твоей прекрасной Шалавдии. Мною занимались шофёры и повара её клиентов. Пила по-чёрному. Но однажды попалась любопытная книжка – «Афоризмы жителей Древнего Двуречья». И знаешь где? На мусорке! Кто-то, как специально для меня, её подбросил. Клоуну стиральная машина досталась, а мне тогда изречения мудрецов Месопотамии. Уже двадцать тысяч лет назад они рассуждали вполне современно: только боги живут вечно под солнцем, но дни человека сочтены, все дела его лишь ветер; поднимись на руины и пройдишь по ним, посмотри на черепа простых и великих; какие из них принадлежали святым, а какие грешникам? Или вот ещё откровение, хорошо нам всем известное: кто роет другому яму, сам в неё попадёт; будь справедлив к своему врагу, делай добро, будь добр во все твои дни... А вот что говорили месопотамские мудрецы о нас с тобой: «Лучше с мудрым человеком носить камни, чем с глупым вино пить». Вот так, хороший мой...

– Ты сплошная загадка, Луиза.

– А ты не бойся. И вообще я давно живу чище девственницы. О ребёнке подумываю. Но от кого? Измельчали мужики. Меня сейчас даже слово «водка» нервирует. Только от сигарет никак не отстану. В меня кофе без никотина не лезет. Кстати, беда: последнюю докуриваю! А наш магазин закрыли на ревизию.

– Вовремя я тебе твой любимый «Винстон» принёс... – вздохнул мужчина лет пятидесяти.

Он только что усиленно ковылял с тросточкой в нашу сторону.

– Спасибочки, Петя! – отрешённо вздохнула Луиза. – Соскучился по мне? Поговорить пришёл?

– Вроде того...

– Но о чём, мой ангел-хранитель? Монтеня, которого я тебе дала, читал?

– Уже немного осилил... – застенчиво поморщился Петя. – Только всё у него как из пальца высосано. Не знал твой Монтень реальной жизни.

Я этого Петю на АЗС уже не раз видел. Идёт всегда медленно, подволакивая ногу. И каждый раз у него для Луизы какой-нибудь особый презент.

– Благодарствуй, Петя, за правду-матку. А только теперь ступай... – напряглась Луиза. – Не до тебя мне сейчас.

– Понял, извини... – душевно отозвался он и захромал к нашему магазину.

– На учёте! – строго остановила его Луиза.

Петя обречённо замер.

– Не горюй... Чекушку я тебе взяла. Успела... – сострадательно объявила Луиза.

Прежде чем я ушёл поправлять очередной самодвижущийся сугроб, она уважительно объяснила мне, что Петя – бывший военный лётчик, контужен в Афгане; недавно его едва успели достать из петли – после того как он к ней снова в мужья просился, а она и на этот раз отказала. Да ещё завелась, всю дурь свою ему с бешенством показала. Хотя, если рассудить, у Пети хороший характер, свой дом, чёрная «Волжанка», правда, ржавая и не на ходу, большая пенсия. Вовсе не глуп. Внешне нормальный, только одна нога после катастрофы над Кандагаром неправильно срослась.

– Так чего тормозишь? Сук под собой рубишь... – сдержанно сказал я.

– Тебя ждала! – дерзко объявила Луиза. – Предчувствовала, что с таким, как ты, встречусь... Шучу-шучу! Так что насчёт Монтеня? Пообщаемся? Стоп! Беги! Наш олигарх едет!

На заправку грузно вкатилась стальная туша Hummega с гирляндой воинственно пылавших прожекторных фар на крыше.

6

– Эй, дед, полный бак!.. – хрипло распорядился щупленький остроносый хозяин машины, вывалившись в метель в просторных шортах и белой майке с надписью «Клинт Иствуд». Он чем-то действительно напоминал осетрового малька: эдакий ершистый силпый ребёнок. Это был тот самый Рыбкин.

Вот когда назойливое наставничество Андрея Арнольдовича пошло мне впрок. В сложных погодных условиях я блестяще выполнил полученное распоряжение: не только не дал захлебнуться пистолету, убойной струёй вогнавшему 100 литров в бензобак Hummega, но при этом ещё не уронил ни капли на лакированную «броню» джипа.

– А где Клоун? – Рыбкин юношески прищурился от снежных оплеух, приоткрыв искристые бриллиантовые стразы на зубах. – Хочу выпить конкретно с ним.

– Бугор будет завтра, – сказал я без всякого пиетета, почти нагло.

Кажется, я начинал здесь осваиваться. Не слишком ли быстро?

Моему клиенту потребовалась минута, чтобы усвоить информацию.

– Тогда ты скажи: нравится тебе моя новая тачка?

Я честно выдал:

– Легендарная машина.

Он взволнованно обнял меня, едва достав головой до груди. Хорошо, что до слёз не дошло.

– Молодец... В жилу сказал! Растрогал меня. Вот, возьми. Устрой себе праздник.

Он подал мне зажатую в кулак пятитысячную.

Я хладнокровно убрал руки за спину.

– Пролетарская гордость заговорила?! – по-детски радостно хохотнул тот и в полном смысле этого слова бросил деньги на ветер.

Нарочно не придумаешь: бесшабашная метель, как банный лист к голой заднице, прилепила вспорхнувшую пятитысячную к левой щеке многострадального Андрея Арнольдовича. Я поздравил его дружеским поклоном. На эти деньги он и девочки-операторы всю ночь пили достойный напиток – «Хеннесси ВС»: наша вселенская метель отменила проверяющих всех уровней и мастей.

К ночи джип вернулся. Так происходило каждый раз, когда его хозяин надевал с вечера в пятницу свою майку «Клинт Иствуд». Кстати, как всегда, поверх вэдэвэшного тельника.

Метель услужливо иссякла. Старательно зализанные ей снега лежали торжественно-успокоенно, стомлѣнно. На юге, со стороны морга, великолепно сиял в обрамлении звѣзд царственный Сатурн, словно монарх в окружении своей свиты.

Хозяин «хаммера» почти трезво пожал мне руку и вручил переливающуюся алмазными искрами визитку: «Генеральный директор строительного холдинга «Пирамида Хеопса», академик Петровской академии наук и искусств, чемпион Воронежа по кикбоксингу в наилегчайшем весе Илья Рыбкин». С ним прибили ещё два человека, всем своим видом назойливо показывающие, что они с шефом одной крови – как говорится, «птенцы гнезда Петрова». Только вот глазки их сияли лакейски-восторженно, а пили и ели они так хватко, ёмко, точно про запас, ибо привыкли, что даже в самый разворот праздника, на пике радостного внеклассового братания их могут запросто турнуть от барского стола. Его роль, кстати, взяла на себя крышка того же бака, на которой мы с Луизой пили её замечательный кофе, а над нами витала унылая тень Мишеля Монтеня, нашѣптывая свою известную мысль, что высшее благо состоит в спокойствии души и тела.

Наконец наступил пик праздника. Кавалькада гостей по-пластунски вскарабкалась на блескучий ледяной холм на задворках АЗС. Дерзко зазвенели бокалы. Опустевшие бутылки французского шампанского «Мадам Клико», тяжело прочертив кривую падения, глухо воткнулись в снег. Предчувствуя, что будет дальше, ночная, по-зимнему смѣрзшаяся тишина как сморщилась. И тут ударила орудиная канонада. Это Рыбкин «для расслабления души» выстрелил по черепу с молнией на пьяных дверях «Города Солнца» из своего длинноствольного Smith & Wesson калибра 44 Magnum. Не стану объяснять, почему снаряды не поразили цели – ни первый, ни все последующие.

– Пальнёшь?

Олигарх Илюша приятельски протянул мне внушительный культовый револьвер. Король в своём жанре. Мы, наверное, были ровесники с этим монстром. Оба с 1955-го? Мой былой вьетнамский опыт свидетельствовал, что трудно найти ещё другое оружие с такой точностью для пистолетных дистанций. Даже «Парабеллум» отдыхает. Куда направил «Магнум» – туда и попал.

Необходимости целиться не было – мишень, считай, под носом. Через несколько секунд череп перестанет существовать. Как и дверь, на которой он до сих пор висел.

Я опустил легендарное оружие. Что-что, но уже только держать его в руках – настоящий праздник для души. В общем, счастливая минута. Я тоже чувствовал себя почти Клинтом Иствудом. Ни больше ни меньше.

– Мы ждём твоего выстрела... – поморщился Илюша.

– Там же люди...

– Ох, уж эта российская провинциальная интеллигенция! – опечалился мальчик-олигарх. – Без вас наша страна давно бы процветала! А ведь я уже

хотел предложить тебе должность тайного ревизора на моих стройках... Чем-то ты меня пронял. Ладно, проехали.

Кажется, я испортил праздник.

Рыбкин сочувственно обнял меня и по-борцовски вразвалочку отправился спать до утра в китовом чреве своего «хаммера». Так у него было заведено.

Машинам, которые не заправляются, находиться на территории АЗС категорически запрещено. Однако это авто управляющий, придя утром на службу, словно не заметил.

Лакейскую свиту уже развезли по домам таксисты, которые следовали за «хаммером», как рыбы-прилипалы за акулой, – возле него всегда можно было поживиться щедрым заказом.

7

Оптимистично-светлым, озарённо-сияющим и нежно-морозным утром Илюша тяжело выбрался из «хаммера», как космонавт из спускаемого аппарата после двух лет на околоземной орбите. При этом выражение его лица было таким, словно он сейчас испытывал на себе давление центрифуги, разогнавшейся до десятикратного увеличения силы земного притяжения.

Заговорил он путано и с обидой в голосе. Со слов Илюши я не сразу, но понял, что этой ночью какой-то самоубийца слямзил его смартфон. При этом лопатник, нафаршированный двухсотенными евробумажками, почему-то не тронул, хотя тот лежал на торпеде «хаммера», на самом видном месте.

Даже фужер шампанского со ста граммами водки, по субботней утренней традиции ласково, благоговейно поднесённый ему нашими девочками, не улучшил настроения Илюши.

– Ты ничего не заметил? Ты же всю ночь не спал, – глухо, мутно сказал он мне.

– Я всё время стоял с другой стороны. Там слабее дует. – Таким был мой бесхитростный ответ.

– Никаких чужих следов возле твоей машины вроде не видно! – строго резюмировал мой наставник Андрей Арнольдович.

В этот момент в его ещё не совсем проснувшемся голосе вдруг ощутимо прорезались веские интонации преподавателя с учёной степенью и профессорской перспективой, пусть даже теперь практически утраченной.

– В кабине поищи ещё раз, – тревожно сказал наш Анатолий Николаевич Коржаков, словно ему в случае неудачи поисков грозило ни много ни мало разжалование из управляющих в старшие менеджеры по клинингу и эстетике.

– Скорее всего, бомжи ваши сработали... – похмельно поморщился Илюша.

Только враг рода человеческого мог не посочувствовать страдальцу в эту минуту.

– Передайте им: если сегодня не вернут – всем кранты, ночью дотла спалю их «Город Солнца». Пора калёным железом очищать от этой мрази нашу любимую Родину!

Он строго обернулся ко мне:

– Приготовь к полночи два ведра бензина! Чтобы мои пацаны не суетились. Пожалуйста.

Я вздохнул, достал визитку Рыбкина и набрал на своём мобильнике эпохи динозавров номер его великолепного LG G3 смартфона. Наизусть эти магические цифры я не помнил. Да и незачем было...

Со стороны мальчика-олигарха в благодатном утреннем пространстве, молочно пахнущем свежим снегом, раздался роскошный баритон покойного Михаила Круга: «В Лазурном шум и песни, и там братва гуляет, и не мешают мусора...»

Илья усмехнулся, достал из кармана так банально обнаруженный заветный смартфон и мальчишески зашвырнул его в бесконечность молодых крылатых сугробов.

– К ночи два ведра бензина всё равно за тобой... – бдительно сощурился он в мою сторону. – Эти твари у меня кровью умоются! Правильные пацаны в Украине, в той же Сирии гибнут, а они здесь санаторий себе устроили! Ничего, будет им эта... как её... ночь...

– Варфоломеевская, – подсказал я.

– Хуже... – добродушно вздохнул он.

Означенное время на АЗС ждали как официально объявленную дату всемирного Апокалипсиса. Управляющий лично проверил состояние огнетушителей и провёл дополнительный инструктаж по пользованию ими. Всем раздали дистанционные тревожные кнопки для вызова группы быстрого реагирования. Ни один проверяющий, ни один тайный покупатель, бдительно предупредённые Коржаковым об огненных планах Рыбкина, ни разу не посетили нашу АЗС. Даже здешние «нарики» ходили за бензином на другую, дальнюю автозаправку. Лишь клиенты соседнего морга продолжали непоколебимо вживаться в вечность на своих лежаках.

В полночь люди Рыбкина, суетясь как мальки, сняли с петель продырявленную пулями дверь бывшей подстанции. Получив приказ выходить, бомжи, однако, не спешили.

– Бензин давай! – крикнул мне Рыбкин, впечатляюще подняв над головой легендарный «Магnum».

– Все колонки опечатаны, – сказал я. – Кто-то стукнул в прокуратуру, что мы торгуем буторенным бензином.

Мне поверили. Мы им действительно торговали.

И тогда в густую многослойную вонь «дома отдыха имени Томмазо Кампанеллы» полетели дымовые шашки. Само собой, не в роли освежителя воздуха. Хлопок за хлопком. Штопором закрученные белёсые струи изо всех щелей потянулись, как щупальца. Наконец бомжи зашевелились в своей конуре. Вроде, кто-то даже заплакал. Кажется, ребёнок. Как бы там ни было, вылезали они из своего Монрепо не спеша, если не вовсе медленно, враскачку, словно бы с каким-то особым классовым достоинством. Как оказалось, просто не все были ходоки. Так что сильные тащили на себе слабых, кое-кого вовсе несли на одеялах. Кто-то полз на коленях, видно, не нашёл в темноте свои костыли, а света от дымовых шашек немного: пых – и всё.

Выходя, все они по очереди насторожённо косились на заледеневшие, блескучие звёзды, словно именно туда предстояла им сейчас нелёгкая дорога. Так что словно бы прикидывали свои силы и возможности. Казалось, ещё минута – и они прощально затянут вразнобой ту самую «Варшавянку»: «Вихри враждебные веют над нами...»

Последней, спотыкаясь, вышла молодая женщина с ещё не проснувшимся ребёнком на руках, наспех замотанным в тряпье.

– Сука... – тихо сказала она нашему славному мальчику-олигарху. – Своё дитя губишь...

– Как это, Ленок?... – выпятил губы Илья. – Так ты про выкидыш соврала тогда?

– Под твоим дурацким пистолетом и не то скажешь...

Илья судорожно, с глухим клёкотом рванул напололам майку с Иствудом, рванул свой вэдэвэшный тельник и рухнул на колени в льдистый хрусткий снег. Вовсе не по-мальчишески завыл, задрав к небу свой осетровый носик.

– Назад! Всех назад!

Его люди немедленно остановили процессию. Бомжей стали загонять в подстанцию. Они, как могли, сопротивлялись: вдруг запрут и подожгут?

Рыбкин, с лицом напроказившего мальчугана, подошёл к сгрудившимся бомжам и у каждого со слезами в голосе попросил прощения, некоторых пытался даже целовать и совал, совал всем деньги, отдал кому-то смартфон, стянул золотые печатки..

– Берите, всё берите, братцы..

В стороне сентиментально плакали наши девчонки-операторы. Даже Коржаков уронил скупую офицерскую слезу. Лишь Андрей Арнольдович усмыял. Но всё равно как-то, знаете, трагикомически..

8

К маю рядом с почти вросшей в землю подстанцией на деньги Рыбкина поднялся двухэтажный коттедж с белоснежной мраморной вывеской, дерзновенно блиставшей позолотой букв: «Город Солнца имени Томмазо Кампанеллы». Люди мальчика-олигарха вежливо переселили в него наших бомжей, предварительно отмыв и переодев их в туберкулёзном диспансере.

Однако не в коня корм оказался. В уютных комнатах с чистым бельём, кабельным телевидением, зоной бесплатного «вай-фай» и дармовым сбалансированным питанием его постояльцы впали в ступор. А когда им ещё и паспорта выдали, так они их немедленно побросали в урну у парадного крыльца и словно растворились в российской безбрежности. Вместе с некоронрованным наследником.

Словно идя им навстречу, весна в этом году взяла тайм-аут. С теплом начались традиционные ходки моих коллег на раздольные просторы дачного огорода мамы Хозяина нашей бензозаправочной сети – аккуратнo-худенькой восьмидесятилетней Элеоноры Павловны. Всю свою посудомоечную жизнь она безрадостно громыхала столовыми тарелками и гранёными стаканами. Эта безнадёга длилась до тех пор, пока её сын, бывший вор в законе, не поднялся до высот провинциального депутатства.

Какие только названия поначалу не давали бензозаправщики регулярному саду-огороду Элеоноры Павловны, разбитому на породистых воронежских чернозёмах: участок, латифундия, ранчо, фазенда, в конце концов – дача. Но прижилось неведомо с чьей подачи определение, исторически застолблённое ещё известным римским литератором и цензором Катон Старшим в его новаторском произведении «De agri cultura», – вилла! Пусть и без воспетых им роскошных оливковых рощ и живописных виноградников. Главное, что у Элеоноры Павловны присутствовал основной Катоновский принцип виллы: в таком типе хозяйства должен применяться труд рабов. При этом Старший продвинуто советовал занимать рабов делом выше крыши в любой час и в любую погоду. Когда же кто из них протянет ноги или состарится, то от него желательно избавиться наряду с другими ненужными в хозяйстве вещами.

Так что Элеонора Павловна поколачивала нерадивых в сельскохозяйственном труде бензозаправщиков вполне рабовладельчески: то своей клюкой азартно достанет чью-то спину, то пеньдель с разбегу отвесит. Ещё был у нас заправщик с одним-единственным зубом, да и то кривым. При обычном разговоре все от его рта со смущением отводили глаза, а как разразит этого

мужика хохот, так народ тотчас врассыпную разбегается от него под разными предложениями. Как-то увидела такое патологическое ржание во всей его убогой раззявленности сама Элеонора Павловна, так тотчас своим острым кулачком с подскока этот последний зуб и вышибла. Чтобы тот не смел таким безобразием портить имидж их энергетически-топливной компании «Октановый рай».

Меня управляющий ни разу не послал на «барщину». В чём была причина такой избирательности Коржакова? Он рассказал мне правду через пару месяцев, когда нас всех уволили. Она не имела никакого отношения к моей бывшей мистической профессии литератора-писателя. Просто хозяин «Октанового рая», насмотревшись плохих телесериалов, вдруг решил, что я, возможно, внедрённый к ним сотрудник Следственного комитета. В то время махинации с бензином достигли у нас в Воронеже такого предела, что даже прокуратуре пришлось наконец реально озаботиться ими.

Прислонившись плечом к бензоколонке (это не возбранялось), я благостно всматривался в бодрую весну-лето.

– Что-то в театр ужас как хочется... – сдержанно засмеялась Луиза.

– В какой?

– В любой.

– А ты давно не была?

– Никогда.

– Ничего себе! Почему?

– Надеть нечего было. Всегда ходила как шлюха с окраины.

– Не смей так при мне говорить!

– А вчера плюнула на всё и купила себе классное платье. Их ещё называют «коктейльными». Черно-белый шёлк, плечи и шея открытые. Нитка жемчуга. Я хочу, чтобы ты заценил его.

– Показывай.

– Дома оно.

– Принеси как-нибудь.

– У меня нетерпёж. Пойдём прямо сейчас ко мне. Я живу через дорогу. Белого подиума у меня нет, но показ мод организую.

– И большая будет у тебя тусовка?

– Ты и я. А насчёт работы не беспокойся. Я договорилась обо всём с Ботаником. Прикроет. Если насочит проверяющий: ты понёс выбрасывать просроченные продукты из магазина.

Луиза романтически взяла меня под руку. Учтывая, что мы оба были в фирменной ярко-красной робе с серебристыми светоотражающими полосами, мы смотрелись как ещё та парочка. Инопланетяне, да и только. Мне казалось, что все ошалело пялятся на нас. Возможно, даже покойники в морге зомбированно поднялись со своих алюминиевых лежаков и прильнули к окнам, безмолвно наблюдая нашу процессию с точки зрения Вечности. Не исключено, что среди них затесалась и грустная душа господина де Монтеня. Далее эстафету любопытства перехватили жильцы Луизиного дома. Хорошо хоть, что с балкона никто из них не упал или в окно с удивлённым шоковым вскриком не вывалился.

Луиза жила на четвёртом этаже в трёхкомнатной «сталинке» с претенциозными эркерными выступами, построенной семьдесят лет назад пленными гитлеровцами. В просторной квартире старшего менеджера по клинингу и эстетике я не мог не заметить грязную посуду в ржавой раковине, лохматые пряди густой паутины у потолка и странных ярко-белых тараканов.

– Линяют, сволочи. Весна! – усмехнулась Луиза.

И с чувством, толком, расстановкой приступила к демонстрации мод. Первым делом – долой комбинезон, следом – всё остальное. Через мгновение, прочертив нежный пируэт, её лифчик оказался у меня на плече. Луизины курносые грудки-сестрички с любопытством нацелили в мою сторону свои карие соски.

Я почувствовал себя в люльке центрифуги, которая резво начала неумолимое движение: быстрее, всё быстрее... И вот представьте только, что вы уже весите тонну с гаком.

– Потрогай меня за груди... – тихо, но твёрдо произнесла Луиза.

Я понял, что отказать невозможно. Да и с какой стати?..

Её груди оказались замечательные. Я не профессиональный дегустатор дамских прелестей, но в этом случае даже слепой мог заценить их высокое качество. Мне показалось, что это самое радостное тактильное ощущение в моей жизни за последние годы.

– Нравятся?

– Классика.

– Так продолжай. Или ты ждёшь какого-то особого распоряжения?

– Вроде того.

– Свыше? От Бога?

– Может быть.

– Ты никак не можешь забыть свою покойную жену?..

– А как иначе?

– Тогда вали.

Ботаник встретил меня снисходительной улыбкой сквозь чащобу ежистых усов. Кажется, он ждал с моей стороны ошеломляющих сексуальных откровений.

Когда его терпение лопнуло, он достаточно сильно толкнул меня плечом в плечо.

– Чувствую, ты, того, не позарился. Оно и правильно. Дармовая шлюха...

Я никогда не бил первым. Не потому, что по классификации Карла Густава Юнга принадлежал к этическим интровертам. Просто я убеждён, что наказание зла равносильно его прощению. Надо дать ему возможность остаться с самим собой наедине, вкусить собственного яда.

Зато какие-то дерзкие сверхспособности вскоре объявились во мне, словно разбуженные силою лучившегося от Луизы либидо, которое до Фрейда числилось, по разряду Блаженного Августина, как «срамная похоть плоти».

Скажем, когда я в полном соответствии с фирменной формулой вежливости пожелал очередному клиенту «Приезжайте к нам ещё!», у его новой и вполне исправной супермашины тотчас заглох мотор. Потом у другого, третьего... Расплачиваться за такие невесты откуда взявшиеся магические таланты мне пришлось самому: раз за разом пыхта выкатывать обездвиженные авто за пределы бензоколонки.

– Шаман! – при виде всего этого озарённо воссиял Андрей Арнольдович, наконец найдя мне долгожданное прозвище.

«Шаман» – отныне негласно витало надо мной, как мистически шуршащие многоцветные полотнища-сполохи северного сияния.

9

Где-то через неделю к нам на заправку неожиданно приехала на белом перламутровом Bentley Continental GT сама Элеонора Павловна. Прибывшие с ней местные телевизионщики, точно спецназ во время контртерро-

ристической операции, стремительно захватили все важные высоты нашей АЗС. Коржаков сгоряча бросился сам собирать по территории окурки и прочий мусор, лихорадочно рассовывая его по карманам.

Бдительно проведя ревизию соответствия автозаправки фирменным нормам и в рекламных целях заправив полный бак перед камерами телевизионщиков, Элеонора Павловна было собралась ехать дальше. И тут я по командирской отмашке Коржакова сделал шаг вперёд к её машине и вдохновенно пожелал: «Приезжайте к нам ещё!»

Пафосный слоган, сконцентрированно выражающий клиентолюбующий дух нашей бензиновой империи, у меня всегда звучал выразительней, чем у других автозаправщиков. Но на этот раз фраза на удивление получилась особенно звучной, ёмкой и даже артистичной.

Коржаков торжествовал, мелко посмеиваясь.

Однако ещё не успел погаснуть в воздухе мой слоган, как двигатель Bentley Continental GT мощностью как у легендарного танка «Т-34» спёрто чихнул, нудно заскрежетал и напрочь отказался работать.

– Выходит, правду довели до меня насчёт твоего литератора... – властно проговорила Элеонора Павловна и строго потянулась за пачкой «Беломора».

Она впялилась в меня чуть ли не тяжёлым, всевидящим взглядом первого Великого Инквизитора Томаса де Торквемада.

– Как твоя фамилия? Монтень, кажется?

Я не стал поправлять её: на меня упёртый молчун напал.

– Так ты со своими колдовскими хохмами по миру наспустишь... Сын говорит, народ уже побаивается к вам ездить.

– Бензин ваш буторенный во всём виноват... – побледнел я.

Луиза на цыпочках огненно смотрела на меня через витрину магазина, судорожно прижав к груди суперсалфетку для мытья окон. Казалось, ещё минута – и её взгляд прожжёт все восемь миллиметров закалённого многослойного стекла.

– Уволь его, майор! Прямо сейчас... – проговорила Элеонора Павловна голосом человека, которому наши бессмысленные микроскопические судьбы отравляют радость бытия.

– Никак не могу... – судорожно вздохнул Коржаков. – Клиенты к нему со всем уважением. А насчёт шаманских способностей Сергея Владимировича – так это как есть в чистом виде средневековое натуральное. Невыносимое своей плебейской глупостью на фоне успешной работы большого адронного коллайдера.

– Тогда и сам пошёл вон! Ты тоже здесь больше не работаешь, солдафон! – зажглась, заматерела в своём гневе матушка Хозяина.

В глазах Анатолия Николаевича как отблеск разорвавшегося снаряда вспыхнул. Он вдруг вновь ощутил себя гвардейским офицером и молодецки передёрнул плечами, увенчанными свежими майорскими погонами. Или даже полковничьими. Почему бы и нет?

– Прав Монтень! Тьфу, Шаман... – как с разбегу запнулся управляющий в истинном моём поименовании. – И я держусь того же мнения. Клиенты стали нос воротить, потому что бензин к нам везут разбавленный водой, а дизтопливо даже для печного отопления не годится! Вот и клинит моторы от вашего хамского бодяжничества! Всё никак не нахапаетесь!

– Андрюху убило! – вдруг перекричала его Луиза.

Само собой, первыми к моему наставнику сбежались телевизионщики. Он лежал навзничь, широко раскинув руки, словно собирался объять ими весь

мир. Лежал там, где нам запрещалось даже на корточках сидеть: на своём рабочем месте возле бензоколонки.

Около Андрея Арнольдовича стояла на коленях та самая знаменитая Шалавдия. Она так туго затянула обеими руками на своей изысканной шее французский узел шёлкового шарфика, словно норовила удушить себя. Эта женщина действительно была очень красивая. Просто мне не приходилось видеть её так близко, чтобы по достоинству оценить. Прожив немало, я впервые столкнулся с таким филигранным совершенством. У армянских миллионеров губа не дура.

При виде поверженного наставника я сгоряча решил, что его прикончил какой-нибудь там летальный гипертонический криз, вызванный горячечными мыслями о моём походе домой к Луизе.

– Это я убила его... – сипло прошептала Шалавдия.

Она не была блондинкой, но тем не менее начала отъезжать, когда заправочный пистолет Андрея Арнольдовича ещё находился в горловине бензобака её мощного, дерзкого Jeep Wrangler и вовсю натужно работал. Само собой, поначалу шланг стал осторожно растягиваться вслед за её джипом – ничего другого ему не оставалось. Но это не могло продолжаться до бесконечности. Панические крики Ботаника Шалавдия не слышала, как оглушённая внезапно грянувшей весной-летом. И тогда в радужном рое бензиновых брызг пистолет взбешённо вылетел из топливного раструба, роняя мокрые клочья густой пены, и, словно метательный снаряд, выпущенный из пращи в момент наиболее сильного маха, с дребезжащим высвистом прицельно ударил в первое попавшееся ему на пути препятствие. Им оказался судорожно наморщившийся лоб Андрея Арнольдовича. Что-то помешало ему уклониться. То ли мальчишески заострённые голые плечи Шалавдии, то ли запозднившееся, глухое похмелье.

Луиза ударила кулаком по зеркалу капота Bentley, словно хотела его разбить вдребезги.

– Ты, Павловна, – хозяйка. Я – раба. Так что я ясней тебя понимаю: наш Ботаник – счастливец. Он больше не увидит ни тебя, ни твоего сыночка, ни эту гнидскую заправку. Читай – Монтеня. Какая бессмыслица – огорчаться из-за перехода туда, где мы избавимся от каких бы то ни было огорчений?

10

Луиза принесла из бытовки траурно-чёрный трупный мешок. Я не узнал её. Глаза как щёлки, рот судорожно приоткрыт, а грузинские брови сошлись к переносице. Скорбь изрезала лицо множеством старушечьих морщин. Я увидел Луизу такой, какой она будет накануне своего столетнего юбилея. Хотя было в ней что-то и от горько плачущего новорождённого ребёнка, который пришёл в отчаяние от безжалостной ссылки на планету Земля.

Когда Андрея Арнольдовича неуклюже, но бережно упаковали в глянцевою морговскую трупную тару и бегунок с шепелявым верещанием закрыл змейкой молнии, у меня безбашенно мелькнуло в голове, что мой наставник просто-напросто примеряет спальный мешок перед бесконечно долгим походом. Только нет, не туристическим, а, скажем, на какую-нибудь экзопланету в поисках феноменальной разновидности пустынного белого саксаула.

В его родной морг солидно тяжёлое тело Андрея Арнольдовича мы несли на руках. Само собой, враскоряку. Но вся дорога – рукой подать. Вон уже сотрудники мертвецкой юдоли трепетно выбежали за ворота встретить своего садовника. В руках у них дымчато атели его розы. На сочных барха-

тистых лепестках слёзно поблёскивали капли недавнего дождя. Здешние работники служебно привычны ко всему, что касается смерти после жизни, но Андрей Арнольдович нелепостью своей гибели растревожил остатки их общечеловеческих чувств и на время лишил защитной отрешённости.

– Бедный Андрюха... – сдавленно проговорил мне в спину Коржаков. – Сковырнул его исторический процесс с нажитого места, а найти другое подзабыл. Я тебе рассказывал, как мы с ним на пару трудились в морге?

Коржаков тогда шоферил на труповозке, мой наставник был на ней типа медбратом. День и ночь шмыгали они по Воронежу и области. Всякого нагляделись. Но особенно запомнился ему случай, когда они с Ботаником года три назад по невиданному гололёду поехали в Берёзовую рощу за трупом. Повсюду пробки: все улицы непроездно замурованы льдом. Тогда они свернули в парк «Динамо» и зашли к покойнику, как говорится, с тылу. К нужному дому взбирались по черно-зеркальной от наледи Пионерской горке. Отдышавшись, попив чайку с опечаленными родственниками, вынесли из подъезда на носилках пакет с трупом. Но как теперь втроем спуститься вниз к машине по такой скользкоте? Вот тогда после доброго глотка спирта и вызрел у них смелый план. Оседлав труп, они лихо понеслись на нём под гору. Ещё и песню вдохновенно заорали: «Из-за острова на стрежень...» Ветер хлётко рвал весело раззявленные рты. На ухабах, облитых льдом, они яростно подскакивали. Однако никакие удары по их задницам не достигали цели. Все сотрясения безболезненно принимал на себя окостеневший труп.

Гвардии майор азартно ткнул меня кулаком:

– А вот ещё... Приехали мы как-то с Ботаником очередного жмурика забирать. Только он по бумагам проходил как мужик, а перед нами лежала самая настоящая баба, со всеми её высококачественными женскими признаками! В общем, за «красенькую» мы проявили современность мышления и махнули рукой на то, что незадолго до внезапной смерти в расцвете сил наш клиент осуществил свою долгожданную мечту: поменял мужской пол на женский. Правда, отдаться так никому и не успел. Ушёл в мир иной – чистой девицей. Зато теперь, наверное, в раю отдыхает без всяких яхих.

– Знаешь, क्या кликуха у директора морга? – притомлённо вздохнул Коржаков, когда «гроб» был доставлен по назначению.

Оказалось, что начальника этого земного филиала небес обетованных сотрудники добродушно кличут Главным Упырём.

Вечером у Луизы мы всей бензоколонкой поминали Андрея Арнольдовича. Мне она эксклюзивно поставила коньяк, а прочий народ принимал из разномастных чайных чашек самопальную водку от какой-то бабы Дуси.

Весь вечер Луиза вдохновенно сидела у меня на коленях и после каждого тоста целовала с таким упорством, что у меня опухли губы. Её «приходящий» Петя смиренно сутулится напротив нас, вяло и безучастно улыбаясь.

– Я так хочу тебя любить... – раз за разом шептала впервые за всё время «дата» Луиза. – Хотя сама же первая буду в душе осуждать тебя, что поспешил отказаться от траура по жене. Держись, мужик! Эх, никто меня не тискает, кто по душе. А я дико старею. Сорок шестой год пошёл... Страшно...

Я тупо молчал.

– Мужики, у меня особый гост! – вдруг проникновенно улыбнулся наш гвардии майор. – Давайте, того, без дураков, выпьем за нашего Ботаника!.. Чтоб он в раю стал садовником вместо выбывшего на Землю Адама!

Мы усердно поминали далеко за полночь – с завтрашнего дня никого из нас работа не ждала: Элеонора Павловна распорядилась закрыть нашу АЗС как неперспективную.

– У меня такое чувство, что мы с тобой больше не увидимся... – вдруг напряглась Луиза. – И что нас вообще связывает? Только чёртов Монтень! Зачем я тогда заговорила с тобой о нём?

Я спохватился:

– Слушай, у меня действительно нет номера твоего телефона.

– Ну и что? Зачем он тебе? Захочешь увидеться – дорогу знаешь.

11

Оставшись без работы и без Луизы, я первую неделю запойно провалялся на диване. Это было как возвращение в самого себя. Примерно такое состояние переживают люди, которые во время клинической смерти достигают через тоннель ворот некоего Града Солнца и вдруг слышат чей-то сочувственный вздох: «Этому ещё рано. Верните его назад»...

Меня вернул банальный звонок в дверь.

На незваном визитёре был отменный костюм, каких я не видывал вблизи ни на ком. От всемирно известной бельгийской фирмы Scabal.

Я понял, кто передо мной. Костюмчик выдал.

Мы машинально пожали друг другу руки.

– Андрей, – строго назвался гость.

Так я впервые узнал земное имя Великого Учредителя нашей топливно-энергетической системы «Октановый рай».

– Я приехал принести извинения за горячность Элеоноры Павловны. В круг обязанностей моей мамы кадровые вопросы не входят. Кстати, я распорядился установить на могиле Андрея Арнольдовича бронзовый бюст.

– Вон как... – вздохнул я и чуть было не ляпнул нечто по поводу белого саксаула в качестве альтернативного материала.

– Так что прошу вас завтра выйти в ночную смену. Ваш вынужденный прогул я покрою из своего личного премиального фонда.

– А как остальные мужики?

– Статус-кво полностью восстановлен.

– Ну да, ну да... Только вот всё равно не могу, – сказал я с таким болезненным напряжением, точно нечаянно порезался. – Какая досада! Извините, что подведу вас всех. Вы, кстати, сегодня в Интернет заходили?

– Само собой.

– Значит, не там... – вдохновенно понесло меня. – На ленте новостей опубликован указ, чтобы отныне вновь считать литераторов государевыми людьми за особую важность их труда для нынешних и будущих поколений. Там, наверху, наконец поняли, что мы – товар штучный и к нам следует относиться как к национальному достоянию. Так что сейчас мне срочно переоформляют пенсию. Сами понимаете, каких отныне она будет масштабов. Не меньше депутатской.

– Поздравляю! Кстати, я как бы несколько ваш коллега. Историк. И знаю, что 3 марта – профессиональный праздник писателей. Так сказать, всемирного масштаба. Нобелевского!

– Спасибо, спасибо... – уныло вздохнул я.

– Я обязательно поделюсь вашей заслуженной радостью со всем трудовым коллективом АЗС. Хорошего вам дня и новых творческих успехов в деле литературизации нашей непростой эпохи. Может быть, и историю моей топливной корпорации отразите на своих страницах?

– Всенепременнейше.

– Ловлю на слове.

Всё вдруг разом обрыднело мне в жизни второго варианта человечества, послепопотопного. Как есть заныла во мне реальная депрессуха.

С этим настроением я и поднялся к Луизиной квартире. Поначалу мне показалось, что я ошибся дверью. По крайней мере, такой я её не помнил. Сейчас она была старательно украшена магнитиками со свадебными картинками и фотографиями, как в некоторых семьях дверца холодильника. На одних – восторженные пухлые ангелочки, на других – невеста и жених сидят на облаке, под которым даже стихи есть: «Вдвоём решили мы навечно свою судьбу соединить и приглашаем вас сердечно, чтоб нашу радость разделить. Спасибо, что были на нашей свадьбе! Луиза и Пётр».

Я человек в некоторой степени понятливый. Так что молча зашагал вниз, мимоходом отметив, что суставы почему-то не очень слушаются меня. И мой возраст явно был тому не самой основной причиной.

Луиза окликнула меня с балкона. Я так и не понял: она вышла на него случайно или экстрасенсорно почувствовала моё появление? Скорее всего, ни то и ни другое.

– Приветик, милый!..

Я смутился так, словно она стояла на балконе голой.

– Ты пришёл по мою падшую душу?

– Скорее всего, спасти свою.

– До тебя уже дошли высоконравственные разговоры про мою развратную охоту на мужиков?

– Что-то вроде этого.

– Только не переживай за меня. Мы заделаем с Петей семью круче, чем пушкинская Ларина со своим знатным генералом. Из проституток получают самые верные жёны! Как писал Монтень, «нередко сам порок толкает нас на добрые дела». Ты-то куда теперь? Только не в запой. Хорошо?..

– Обещаю. Будь счастлива.

– Чёрта с два. Да это и не главное...

12

В мой двор надо входить через длинную узкую арку. В её сумеречной глубине стоял большой пёс. Я этих животных никогда не боялся. И они это знали. Возможно, в прошлой жизни я сам был ещё тем кобелём. Или всё-таки сукой?.. Без разницы.

Пёс повернул ко мне большую матёрую голову. Движение, исполненное королевского достоинства, но оно тем не менее выдало его старость. По крайней мере, если судить по собачьим слезящимся, угрюмым глазам. Таких больших псов в Воронеже я ещё не видел. Это был классический английский мастиф.

– Ты что приуныл, зверюга? Где твой хозяин? – вырвалось у меня. И ещё я ляпнул: – Жрать хочешь?

Само собой, псина смолчала.

Я зашёл в магазин и купил десять килограммов замороженных куриных желудков, похожих на груду смёрзшихся маленьких морских ракушек. Самое то для кормления более чем немолодой собаки. Я кое-что знал по этой части. В моей жизни уже были легавый пёс Джек, немецкая овчарка Альма, пудель Фэри и сенбернар Аманда.

Старина мастиф с благородной аккуратностью лизнул моё приобретение и вздохнул: мол, сойдёт, чего уж там...

«Англичанин» трудно, оскальзываясь, пошёл за мной. Ещё бы. Кажется, он понял, что это конец его блудных странствий и вынужденного голодания. Ещё и протяжно вздохнул. Совсем по-человечески.

И мне полегчало. Возможно, моему одиночеству тоже пришел конец. Пусть и не такой, как мне хотелось.

Я невольно подумал, что мы, вполне возможно, не случайно встретились. Эта псина могла сделать свой выбор относительно меня даже раньше, чем мы вживую увидели друг друга. Он набрёл на мой запах и по нему получил от Разума Вселенной все необходимые сведения относительно моего характера, привычек, а также про мою странную философскую дружбу с Луизой и заочно – Монтенем. Возможно, он даже на каком-то особом энергетическом уровне обсудил мою кандидатуру на должность его Хозяина с душами Джека, Альмы, Фэри и Аманды.

Оставалось дать собаке имя. Долго искать его мне не пришлось. Я с ходу решил, что назову псину Монтенем. И вовсе не назло французскому мыслителю.

Пока мы шли к моему подъезду, я меланхолически размышлял: а не могла ли душа реального господина Монтеня в её вселенских блужданиях в конце концов действительно переселиться в эту собаку?.. Нет ли в его глубинных «Опытах» каких-то явных или неявных намёков на возможность подобной метаморфозы?

Мне невольно захотелось поделиться с Луизой таким моим любопытным предположением. Но как отреагируют на это свадебные ангелочки, что сладострастно облепили её дверь, точно мухи рыбью голову не первой свежести?

– Лорд! Лорд! – вдруг услышал я за спиной заполошное женское взывание. – Мужик! Отпусти мою собаку! Держите вора!

Я всем опытом своей нескладной жизни понял, что эта кутерьма имеет ко мне прямое отношение.

И остановился. Никто меня пока не держал, как требовала того невысокая, но очень даже широкая во всех своих пропорциях женщина, стремительно надвигавшаяся на меня. Вообще, мы были с ней во дворе одни. При одном взгляде на Монтеня люди избирали для своей дальнейшей дороги обходные пути.

Обессилев, задохнувшаяся женщина как упала мне на руки. Английский мастиф, словно дворняжка, завертел хвостом. Мне даже показалось, что этот Lord сейчас плебейски завизжит-заскулит и начнёт восторженно барабанить лапами по асфальту.

– Простите... Наш Лорд уже неделю как потерялся. Бросился за сучкой – и с концами! Мы с мужем сходим с ума...

Я отпустил ошейник. При этом мне явно хотелось дать псине пинка на прощание. Гуляка хренов, в которого на старости, как видно, переселилась поныне мятущаяся душа сэра Роберта Ловеласа. И что мне теперь прикажете делать с собачьей едой? Конечно, с помощью перца и лаврушечки её вполне можно превратить в самую что ни на есть человеческую, но их вкус уже на языке у господина Лорда-Монтеня. Пришлось сунуть «мяско» вместе с сумкой его хозяйке. Типа гуманитарной помощи. Это, кажется, подействовало на неё успокаивающе. По крайней мере, она улыбнулась.

Все мои гештальты остались при мне. В целостности и сохранности. При таком жизненном раскладе русскому человеку самое то спиться, застрелиться или уйти в монастырь. Первое и второе почему-то не вдохновляли моё неиссякаемое любопытство к жизни: начиная от бодрого высвиста малиновки

на мокрой от крупной росы яблоневого ветке и до глубокого космоса, увенчанного словно бы ржущей туманностью Конская Голова.

Оставалось примерить рясу.

Дома я внимательно посмотрел на себя в зеркало и не увидел в нём ничего, хотя бы отдалённо напоминающего батюшку или монаха.

Зато вспомнилось, как ездил я с год назад в Задонск писать статью по истории Рождество-Богородицкого монастыря, как решил заодно заказать Сорокоуст по моей покойной Марине... Записывая в тетрадь её имя, молодая монастырская служка, безрезультатно прятавшая красоту своего лица за надвинутым чёрным платком, за смиренным выражением и постолоубивой бледностью, искоса взглянула на меня.

– Господи, разве можно с такой мукой наедине быть! – скорбно вскрикнула она: блескучие брови судорожно сошлись на переносице, враз распылавшиеся щёчки тревожно приподнялись.

Она взволнованно, будто врач, заметивший опасный симптом, принялась убеждать меня пожить при монастыре, дать молитвенный роздых душе. А коли та возжелает, так и посильное послушание принять: убираться в храм, сподручно помогать в трапезной, в саду или на пчельне к общему делу приладиться. Мол, есть трудники, что годами радуются послушанию и даже обретают монашеский постриг.

...Я человек не воцерковлённый, но слышал: существует такой жребий, чтобы в крайних безвыходных случаях раскрыть наугад Евангелие или Псалтирь, и что в них глаза твои без выбора прочтут – вот тебе и Воля Божия сокровенно объявлена.

Усмехнувшись, я взял с полки «Новый Завет» и мне выпала глава 7 от Матфея со словами: «Входите тесными вратами...»

За парком, в квартале от моего дома, на колокольне бревчатого Христовознесенского храма вдруг мерно ударил колокол: звон отошёл бережный, вдумчивый... Вечерняя служба окончилась смиренно, кротко.

13

Утром я первым автобусом выехал в Задонск. Только в качестве кого – трудника, паломника?.. Не знаю. Ну, не знаю, ей-богу!..

Моя недавняя жизнь, где были, пусть и недолго, мудрый знаток саксаула Андрей Арнольдович, героический гвардии майор Коржаков, некогда державший в руках ядерный щит Родины, и замечательно раскованная Луиза вкупе со славным Монтенем, для меня перестала существовать в одночасье. Какую по счёту я начну с этого дня? В чью дверь постучусь?..

«Здравствуй, новая жизнь!..»

Эту фразу я украл у Чехова или Данте с его «Vita nova»? Пусть простят. Тем более что для меня в ней нет и следа от их вдохновенного оптимизма. Давным-давно не то время на дворе.

Ольга
ОЛГЕРТ

В ПЛЕНУ МЕРЦАЮЩИХ МИНУТ...

***

Видишь, ночь собирает рассветный мёд,
На руках у черёмух притихли звёзды,
И в листве завирушка для нас поёт –
Не о том ли, что жить никогда не поздно,
Не о том ли...
Смотри, как идут с небес
По-шекспировски мудрые слово-тучи,
Где за Гамлетом ходит по кругу лес,
Словно мантру берёз на английском учит.
Вот и ты повторяй вслед за ним,
А сам
Не впадай до утра в ледяную дрему.
И открой свои окна в полночный сад,
Чтоб губами ловить голоса черёмух.

***

Когда-нибудь всё будет веселей:
Листва с берёз научится не падать,
И мысли расцветающего сада
Прочтёт с листа платана соловей.
И ты меня прочтёшь в который раз –
Листая предсказания увлечённо,
И будет день, и будет кот учёный
Исследовать усами снежный наст.
И мы исчезнем в небе налегке,
Пройдут столетья, станут звонче птицы,
И я сумею заново родиться,
Чтоб жизнь прожить на русском языке.

-
- Ольга Владимировна Олгерт родилась в г. Целиноград (г. Астана). С 1998-го живёт в Кёльне. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Сибирские огни», «Литературная Вена» (Австрия), «Нива» (Казахстан), «Под небом единым» и «Иные берега», (Финляндия), «Семь искусств» и других; в альманахе «Светочъ», антологиях «Земляки», «Четвёртое измерение», «Форма огня». Автор книг «Игры на облаках», «На южном побережье января», «От третьего лица», «За створками рябиновых кулис».

***

У апрельского неба – пчелиный нрав,
Где несут почтальоны небес конверты.
Этот воздух, наполненный пеньем трав,
Отделяет сегодня тебя от смерти.
И роняют мелодии тополя,
Словно клейкие стразы – на плечи леса.
И на миг забывается сном Земля
В разноцветном, весеннем, тюльпанном кресле,
Чтобы утром, умывшись речной водой,
Родниковой, хранящей росу ночлега,
Поделиться с летящей во тьму звездой
Хлебным облаком, мёдом и талым небом...

***

Я думала:
Так не бывает,
Что осень ночует в раю,
Где крылья летящих трамваев
Вращают планету мою.
Под пенье воркующих молний,
Что в небе пускали ростки,
Я думала:
Вот они, волны! –
А это летели стихи
Из окон твоих –
                                  нараспашку,
К моей заграничной тоске,
Чей голос в сомненье окрашен.
Я думала:
Лёд на реке
И листья над миром –
Случайны,
И сны не вернутся назад...
Я думала:
Вот она, тайна –
И вышла за облаком в сад,
Где юность на листьях – живая,
И мысли дождей –
О любви.
Я думала:
Так не бывает,
Что в письмах живут соловьи
И полночь – рождение и мука
Строки у бессмертья в плену...
Я думала:
Осень – к разлуке,
И ты
Подарил мне весну.

***

Раскроет полночь карту,
А на ней –
Все тропы звёзд,
Забытые когда-то,
И вспомнится: он тоже был крылатым,
Твой певчий дом, где стаи журавлей
Гнездились летом.
Эхо птичьих стай
В окне твоём – как летнее стаккато,
Где ноты алых роз и спелых маков,
И сны твои,
Плывущие за край
Вселенной говорящих тополей,
Что верят в свет июльского ночлега,
Где русский лес раскачивает небо
Души моей...

***

И наши сны, которым год,
Как облака вдали растаяли.
Мы переходим небо вброд
От Пастернака до Цветаевой.
Где каждый не забыть бы рад
О встрече с Родиной условиться,
И каждый в чём-то виноват
Перед эпохой и любовницей.
И так живёт, играя, жизнь,
На сцене сердца строки выстроив,
Из строф выдавливая жир,
Уходит в ночь шагами быстрыми.
Не предан и ещё не гад,
Встречает друг, в крови и копоти.
И крик не спрячешь в водопад,
Пока не будет правды в шёпоте.
А если будет – то не зря
Старался быть врагом услышанным.
Мой вещий голос станет зряч,
Как глаз Юпитера над крышами.

***

Пока земля в руках моих нежна
И плеск её дыханья безоружен,
Налей в бокалы вечности вина
Клубничного,
Зови весну на ужин.
Пока открыты окна – для ветров,
Несущих письма прошлого, –
Подробуй
Забыть тоски привычные трущобы,

Где в новых фильмах старится любовь.
Пока в камине памяти листва
Горит светло,
Вдохни беснежный воздух –
Им дышит ночь,
И звёзды в тёплых гнёздах
Роняют в мир бессмертные слова...
И ты ещё – бесменный пассажир
В метро метельной жизни, веришь Слову,
И Слово защитит тебя готово,
Пока ты завоёвываешь мир.

***

И ты таким же был вчера –
Мальчишкой, прыгающим с вышки.
Гоняли бабочек ветра,
И радость – яркой фотовспышкой
Нас ослепляла в октябре,
Чей взгляд на жизнь казался мудрым,
И вздохи сонных фонарей
Нам не давали спать под утро.
Там юность строила мосты,
И каждый день казался новым.
Мы вырастали из мечты
В дыму студенческой столовой.
Там и сегодня мы с тобой
Кружим кленовыми листьями,
И ветер шепчется с листвой
На языке моих скитаний.
И ты, целующий меня
Сквозь дождь из прошлого, послушай:
Как души бабочек звенят,
Как отвечают наши души...

***

Опять идут по Волге корабли,
И волны оперение меняют,
А мы с тобой, мгновенья обгоняя,
Сливаемся с вращением земли,
Чтоб вновь увидеть: утро настаёт
И день идёт за призрачным по следу,
Где Волга по ночам впадает в небо
И сердце васильковое твоё.
Там пишет письма в будущее тайком
Мечта на дне сердечного футляра,
И шепчется струна твоей гитары
С поющим в полнолуние сверчком,
Предчувствуя: взлетят зарницы слов,
Сольются берега в единый берег,
И волны вновь отчаянно поверят

Признаньям очарованных ветров.
Созвездья бросят в небо якоря,
Земля ночную мантию наденет,
И мы с тобой на лодке сновидений
По Волге уплывём от января.

***

Дарить – это просто:
Приходишь и отдаёшь
Прохожему в небе улыбки свои и мысли
О нежном и вечном,
И сон твой на быль похож,
Где радости учат аккорды весенних листьев,
Чьи ноты взлетают,
И травы звучат в ответ,
И падают звёзды в ладони твоей квартиры.
Дарить – это просто...
Так небо включает свет
Над гаснущим миром...

***

У снов – ни имени, ни отчества,
Лишь ночь, чей образ невесом,
В чей город, спутник одиночества,
Приходит ливень,
А потом
Ты жизнь вдыхаешь сквозь распутицу
Дождливых, вересковых дней,
Где осень – вечная попутчица
Смешливой юности твоей,
Где будни – травами пуховыми
Укроют твой бумажный трон,
И ночь – сонатой мотыльковой
Прольётся в тёплую ладонь
Души, уставшей от скитания
В плену мерцающих минут,
Где сны несказанное, тайное
Тебе нечаянно вернут.

***

Давай дружить рассветами с утра,
Дождями, параллельными друг другу,
Снегами, что безудержно, по кругу
Целуют души наших нежных стран.
Где я в метелях мыслей утону,
И голос мой от сумерек оттаёт,
И мы с тобой подружимся цветами,
Что ждут на подоконниках весну.
И в небе – наш забытый Шапито
То вспыхнет на закате, то потухнет,

Где мы дружны кастрюлями на кухнях
И правыми карманами пальто.
В потоке дней и солнечных лавин
Мы чувства вышьем строками льняными,
Где дружба – продолжение любви,
А может быть, её второе имя?

***

Там, где жизнь по утрам обгоняет смерть
И предсказана музыка февраля,
Научи мои струны весной звенеть,
Забывая, как падает в ночь земля.
Я – барочная лютня в твоих руках,
Музыкант мой любимый,
Не дай истлеть
Нашим лучшим мелодиям в облаках,
Где сгорают кометы летящих лет
И звучит Фрескобальди токкатой дня...
Ты прислушайся: в небе метельных нот –
Разгорается музыка – для меня,
Постигающей тайны Твоих высот...

***

Вернуться бы в дом,
Где малина и мята
В заварочном чайнике дышат под крышкой,
Где в окнах – под грома шальные раскаты
Дожди земляничные повести пишут,
Где слышится юной малиновки пенье,
Снуют воробьи по окученным грядкам,
Где бабушка варит на кухне варенье
И солнце играет с настурцией в прятки.
Где светятся овощи – как на открытке!
Где смехом и радостью день обозначен,
Там дед провожает меня до калитки
И тонет в сирени уснувшая дача.

***

Ты в море впадаешь, как я, – на рассвете,
И робкому сердцу от волн горячо,
Где страсть обещает проснувшийся ветер
И губы находят родное плечо...
Играет Вивальди – и мир обездвижен,
И море навстречу открытьям спешит.
И вот уже шторм – подойти бы поближе
К обрыву твоей удивлённой души!..

***

Взяв имя исчезающей реки,
Не слушая пустые пересуды,
Я буду вдохновенно мыть посуду,
Следя, как закипают пузырьки
В руках моих,
Как мысли говорят
Под крышкой разрисованной кастрюли,
Читать Плутарха,
Ждать конца июля
В грядущей половине января.
Повыше поднимая рукава,
Я стану жрицей кухонных владений,
Чтоб колдовать
С начинкой для пельменей,
Как будто это тайные слова.
Поставив самодельный самовар,
Я буду повторять земную мантру,
Смотря, как дышат будущностью манты,
Вдыхая облаков поющий пар.
Узнав, как пахнет солнечный бекон,
Попробовав на вкус
Зимы ненастье,
Теперь я знаю, что такое счастье:
Идти по небосводу босиком,
Вплетать шалфей в бегущую строку,
Идти на свет, не веря, что потухнет
Лицо мечты,
И чуда ждать на кухне,
И сеять в ночь словесную муку.

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

ОТ ВОЛГИ ДО ЛАДОГИ

СТАРОЕ СЕЛО

На лугах некошенных
Утро рассвело,
Школьный сад заброшенный,
Старое село.
Ивы величавые
Стройны, высоки.
Церковь обветшала
Дремлет у реки.
Пыльная околица,
Изб короткий ряд.
Бродит там, где взволится,
Выводок гусят.
Здесь коров мычание,
Ржание коней,
Птичье пенье раннее,
Запахи полей.
Эх, село забытое,
Счастье и покой!
Ты дождём умытое,
Талою водой.
Мчат меня скитания,
Но с теченьем дней
Ты в моих мечтаниях
Сделалось родней.
Многого не ведаю
В действиях своих,
Но сбежал к тебе бы я
С улиц городских.
Пусть маршрут составился,
Изменить – не труд,

-
- Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 году. Окончил биологический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Работает в Саратовском областном музее краеведения и СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Лауреат литературного конкурса «Волжская волна». Публиковался в журнале «Волга–XXI век», других периодических изданиях.

Гостем бы отправился
В мудрость и уют.
Званным иль непрошеным,
Только бы свезло:
В школьный сад заброшенный,
В старое село.

РОДНОЙ КРАЙ

О, край родной! Ты радость для души!
Тебя любить вовек не перестану.
Пуускай здесь нет заснеженных вершин
И шума мирового океана.
И пусть кораллы не хранит вода,
Другие вещи помнятся навеки:
Тот миг, когда, открывшись ото льда,
Поют весной разлившиеся реки.
Когда им вторят ниточки ручьёв,
Цветут тюльпаны яркими огнями;
Ночные песни майских соловьёв,
Немолкнущие жаворонки днями.
Как ты проста, любимая земля!
Всплывает это часто в разговорах:
Мол, как скучны и степи, и поля,
И волжские привычные просторы.
Я не спешу вливаться в этот спор –
В нём доводы окажутся забыты.
Отвечу просто: я люблю простор,
Ведь в нём живёшь свободным и открытым.
С ветрами шумными и криком птичьих стай
Мне дороги таинственные дали.
И если я покину этот край,
То полюбить другой смогу едва ли.

В ЗВЕНИГОРОДЕ

*Посвящается
Звенигородской биостанции (ЗБС)
и всем её сотрудникам*

«Здравствуй, весна! С возвращением!» –
Фразы срываются с губ.
Речка с игривым течением,
Старый раскидистый дуб.
Город, а может быть, пригород –
Каждый решает шутя.
Я возвращаюсь в Звенигород
Долгих два года спустя.
Не потому, что наскучили
Хлопоты будничных дней.
Местные ели могучие

Стали в разлуке родней.
Лес подмосковный с полянками
В тайнах не знает границ;
Здесь все деревья с дуплянками,
Чтобы подманывать птиц,
Я возвращался неделями.
Что здесь сегодня? – Услышь!
Оттепель плачет капелями
С мокрых оттаявших крыш.
Капли тихонечко звякают,
Спать не дают по ночам.
Снег заменяется слякотью,
Птицы поют и кричат.
И, как обычно случается,
В этот весенний бедлам
Каждый из нас возвращается
К прежним научным делам.
В тундру, поля или пригород,
В хвойный и лиственный лес,
А для начала – в Звенигород,
В мартовский мир ЗБС.

РЕПИНО

Зимы возле Балтики жестоки,
Нерушим заснеженный покой.
Рисовал художник одинокий
Посреди холодной мастерской.
Падал снег, пушистый и красивый,
Но по сердцу резало ножом:
Ведь вчера он жил ещё в России,
А теперь – уже за рубежом.
Рядом Петербург, родные дали,
Реки и поля, вершины скал.
Там награды, почести, медали,
Почему же он не уезжал?
Где Отечество, а где здесь заграница?
Может быть, ответ лежит у ног?
Ведь кому-то Родина – столица,
А кому – у моря уголок.
Где душа с природою едины,
Льётся вдохновение рекой,
Где писались дивные картины
Гениальной творческой рукой.
Там лесов задумчивые крепки,
Плеск балтийской яростной волны...
Это был Илья, художник Репин,
В чьи картины люди влюблены.
Только после смерти он вернётся,
Но уже вернётся навсегда.
Снова из глубокого колодца

Заструится чистая вода.
На эскизах в стенах этой дачи
Сохранятся вольность и ярмо,
Снова засмеётся круг казачий,
Сочиня в Турцию письмо.

ЖУРАВЛИ

Улетают на юг журавли,
Видя осени грустные лики,
И плывут по туманной дали
Их печальные, звучные крики.
Как трубят на просторах небес
Эти птицы в порыве едином!
И любят поле и лес
Журавлиным растянутым клином.
Как нужны они там, в облаках,
Украшенье картины осенней.
Не случайно воспели в стихах
Их поэты – Рубцов и Есенин.
Не с того ли так хочется мне
Воедино с природою слиться:
Путешествовать там, в вышине,
Доверяя прославленным птицам?
Посмотреть на красоты земли...
Ну а я, зачарованный глушью,
Лишь смотрю, как летят журавли,
Будоража бродячую душу.

НА ВОЛГЕ

На Волге штиль. Недвижимая гладь
Как зеркало, не тронута волною.
О, как словами чувства передать,
В таких краях владеющие мною?
Не влезешь по обрывистой стене –
Здесь берега круты и очень милы.
Но в каждом камне и в любой волне
Таится сокрушительная сила.
Когда ревет надвинувшийся шторм,
О скалы разбивается тревожно,
То поневоле думаешь о том,
Что здесь прожить легко. И очень сложно.
Любить всем сердцем Волгу – только так!
Обычай этот – в каждой деревеньке.
Любил её, хоть с Дона был казак,
Сметливый, хитроумный Разин Стенька.
И повелось с тех давешних времён:
Живёт на Волге кто натурой страстен,
Кто смел душою, кто не покорён,
Кто над собой чужой не терпит власти.

У волжских скал сегодня я стою,
Вдыхаю воздух, расправляю плечи
И счастлив, что живу в таком краю,
Где чувствуется связь тысячелетий.

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

Странный сегодня день:
Тихий, погожий, ясный;
С деревьев длиннее тень,
Сверкает снежок атласный.
Безмолвно синеет даль.
Как много от солнца света!
Подходит к концу февраль –
Не сразу, но видишь это.
Дрожанием хвойных веток
Свой сон прерывают ветки,
И падает с веток снег,
Сбегая из тесной клетки.
То шорох вокруг, то стон...
И снятся природе вёсны.
Но крепок пока что сон,
И вновь засыпают сосны.
Безмолвно синеет даль...
Как тихо сейчас на свете.
Давай помолчим, февраль,
Пока не проснулся ветер.

КИВАЧ

О чём поёт карельский бор?
Кто скажет мне ответ?
Быть может, он рождает спор
Иль хочет дать совет?
В погожий день прекрасен лик
Просторов голубых.
Резвится ветер-озорник
Меж сосен вековых.
Качает шапки пышных крон
И шепчется со мной...
То впереди промчится он,
То где-то за спиной.
Нога в зелёный мох уйдёт,
И мой задумчив взгляд.
Быть может, бор о том поёт,
Как много лет назад
Он рос на месте ледника,
Среди болот и скал;
Как набирала мощь река,
Как свой катила вал.
И, может, времени парад

Назад вернётся вскачь,
И бор услышит водопад
По имени Кивач.
И я услышу, как вдали
Бурлит его струя...
Любовью в сердце мне вошли
Карельские края.
Места, где можно помечтать,
Где сладок каждый вздох...
Тут, право, стоит побывать,
Ногой ступивши в мох,
Послушать этот дивный хор,
Где время скачет вспять,
Хотя, скажу: карельский бор
Вовек нам не понять.

КИЖИ

Он с давних пор стоит недвижим
Под силой солнца и ветров.
Есть на Онеге остров Киж
Среди каскада островов.
Он невелик, и в нём обеты
Всё чаще задаёт зима.
Здесь редок штиль и мало лета,
А в осень – частые шторма.
Впитал он всю суровость края,
Но с этим сделался родней:
Природе севера внимая,
Умели люди ладить с ней.
Пусть жизнь была не очень сытной –
То не мешало мастерам.
Ведь как скромны, как самобытны
Дома, часовни, местный храм!
Как звук прекрасен колокольный!
Кричащих чаек вьётся рать,
А мне уютно и привольно...
Земную слыша благодать,
Пленённый нежной красотой,
Мечтою задаюсь такой:
Среди онежского покоя
Душевный обрести покой.

В НЕНАСТЬЕ

Тихо дождь по листьям барабанит,
Осторожно, будто бы украдкой.
После сна по-прежнему не тянет
Выходить наружу из палатки.
Эти тучи кстати и некстати
Пеленою небо заслонили.

Видимо, недаром на закате
На деревьях зяблики рюмили.
Можно спать, забыв свои невзгоды...
Но надолго ль хватит сновидений?
У природы нет плохой погоды,
Но не вся пойдёт для наблюдений.
И лежат бинокли одиноко –
Ты дождю ни слова не прикажешь.
Что поделаться? На любые сроки
Жизнь с погодой в небе не закажешь.

МАЯЧИНО

Посвящается орнитологам Карелии

Пройдёт гроза, утихнет шквал,
На небе вспыхнет радуга.
Звенит карельский карнавал,
Шумят ветра над Ладогой.
Когда придёт для странствий срок
И будет счёт оплаченный,
Вернусь я в этот уголок
С названием Маячино.
Мечта любого рыбака,
Вода сверкает бликами.
В ночи – сиянье маяка,
Сосновый бор с черникою.
Всё мило сердцу моему,
И в жизни что назначено,
В местечке снова я пойму
По имени Маячино.
Пусть света нет и нет дорог,
Но будут дни нескучными:
Обдумать снова я бы смог
Дела свои научные.
Как много средь природы тем,
Наукой не охваченных, –
Их нужно вспомнить... И затем
Я вновь вернусь в Маячино.
Сейчас науки грустен ход,
Но нужно править лыжами:
Ведь тот, кто мыслит, – тот живёт,
А это значит – выживет.
И пусть порой нахлынет мрак,
Не все пути утрачены...
Пока в ночи горит маяк –
Ещё живёт Маячино.

Ольга
ЖОГЛО

ВСЬ ЭТОТ МИР – ЭТО ТОЛЬКО ПОДАРОК...

ГРИБОЕДОВ

Персидские ковры, мудрёные узоры,
Гоненье и триумф – Москва и Туркманчай,
Тифлиссские дворы, сиреневые горы..
Прирученный – слегка, женатый – невзначай.

Строптивая судьба сама распишет роли,
Сама наложит грим и выберет костюм,
В её спектакле ты – насмешник поневоле,
Но смех большее слёз, а с горем свыкся ум.

Как медленная смерть – растроченная вечность,
Рассыпанных листков невыплеснутый яд..
Что это – вызов? Спесь? Сомнение? Беспечность?
Начать–оставить–сжечь... Но рифмы не горят!

Не вспыхнуть, но сгореть. И в сердце опалённом
Сквозь вьюгу пронести огонь мечты как дар.
Уйти, не отступив. Войти непобеждённым –
И шёпотом в молву и пунктом в циркуляр.

***

Сегодня холодно. И снег
На крыши почт, пивных, аптек
Колючей сыплется крупой
Рукой незримой, некупой.
И этот белый-белый мир
От этих белых-белых стен –
Как звук почудившихся лир,

-
- Ольга Васильевна Жогло родилась в 1975 году в городе Энгельсе Саратовской области. Окончила филологический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Пишет стихи, сказки, сценарии, очерки. Автор сборника «Сказки о храбрых витязях, славных богатырях Эдгаре и Аскольде» (2008). Лауреат 1-го Всероссийского конкурса инновационных идей в сфере циркового искусства (Москва, 2010). Победитель городского литературного конкурса «Поэзии все возрасты покорны» (Энгельс, 2013), XI молодёжного литературного конкурса памяти братьев Шнитке (2-е место в номинации «Поэзия»). С 2012 года – ведущая литературно-музыкальной гостиной «Кумиры прошлых лет» в Саратовской областной библиотеке для детей и юношества имени А.С. Пушкина. С 2014 года – сотрудница музея Саратовского цирка. Живёт в г. Энгельс.

Как плач приснившихся сирен –
Мне дорог весь, дотла, до дна,
До опьянения ума
От белых искр, как от вина...
Спасибо, Русская Зима,
За то, что ты мне вновь дана!

РАФАЭЛЬ

Вечный юноша, худенький отрок,
Юный паж тридцати семи лет...
В ослепительно-римское утро
Перешёл флорентийский рассвет.

Вдохновенью и правде причастный,
Для трудов и восторгов рождён,
Нежный звук, непонятно-прекрасный,
В череде ренессансных имён.

Сын гармонии животворящей,
Палладин босоногих мадонн,
Осязаемо-близкий, дразнящий,
Недоступный, несбыточный сон.

«НЕИЗВЕСТНОЙ» И. Н. КРАМСКОГО

Всю ночь с небес крошило пухлым снегом...
А в час, когда заря уже видна,
Черты домов плывут, сливаясь с небом,
Явилась как знамение Она.

Укутан в бархат чуть колючий локоть,
И город, преклонив свои мосты,
Припудрив снегом прежний смог и копоть,
Её не оскорбляет красоты.

Как будто сутью тайны обладает,
Она царит, несуетно-свежа.
О будущем надменно не гадает,
Моменту одному принадлежа.

ТАТЬЯНЕ

Татьяне Васильевне Запашной

В летней истоме, в вуали тумана,
В строгом январском молчании звёзд –
Всюду беззвучное слышно: «Татьяна» –
Имя несбывшихся пушкинских грёз.

Без сургуча, почтальонов и марок
Нас настигают подарки судьбы.
Весь этот мир – это только подарок.
Если б навек.

Если б впрок.

Если бы...

КИПРЕНСКИЙ

Поёт вода, гудят фонтаны Рима.
Хватая ртом холодную струю,
Ты понимаешь: жизнь промчалась мимо,
А ты не приручил судьбу свою.

Нет лакомее сахарной приманки –
Так вот откуда веет маньеризм!
Пророчицы, оракулы, цыганки
Напрасно вопрошают век и жизнь.

О, откровенность русского портрета,
Когда лицо и дух обнажены!
Зачем платить приходится за это
Опасным натяжением струны?

Глаза поднимешь: над тобою – тучи!
Один – на перекрёстке всех дорог!..
Но в локонах румяной Мариуччи¹,
Как прежде, яркое маковое веночко.

ПЕСНЯМ ВИНОГРАДОВА

...Допоздна не уснёт патефон,
Незатейливо льётся мотив,
Как вечерний, малиновый звон,
Как шептание шишкинских нив,

Как томительность пушкинских фраз,
Как весной плеск весла на реке...
Вот растаяли складки у глаз,
Вот слеза поползла по щеке...

Мельтешение будничных дел
Затихает, наткнувшись на звук...
– Кто поёт это? – Кто бы ни пел!..
Этот голос – от встреч и разлук,

¹ «Мариучча – уменьшительное имя Анны-Марии Фалькуччи, модели и возлюбленной (впоследствии – жены) художника, изображённой им на известной картине «Девочка прекрасного лица в венке маковом с цветочком в руке»».

Этот голос – от неба и трав,
От колосьев и ягод рябин,
От тревоги далёких застав,
От родного покоя равнин...

От душисто-осенних стогов,
От ивана-купальских костров,
От слепяще-январских снегов,
От бесчисленно-звёздных миров...

Там, где светел и чист горизонт,
Есть забытая нами страна,
Где в минуту затишья на фронт
С соловьями приходит весна.

Допоздна с городского катка
Молодые летят голоса:
«Догони!» – и в головке цветка
Летним утром сверкает роса...

И берёзку заметивший клён,
Неподвижный, тоскует один,
И гитары чарующий звон
Раздаётся средь ровных долин.

И цветочки в саду хороши,
И серебряна каждая ночь...
И Джульетта в альковной тиши
Гонит нежного юношу прочь.

И с небес Золотая Звезда
Опустилась на девичью грудь.
И на мельнице с песней вода
Приглашает за Шубертом в путь.

И в колхозных угодьях встаёт
Золотая пшеница стеной.
И уралочка весточку ждёт
От танкиста с полянки лесной...

Голос ясен и ангельски строг,
Все послы и смыслы – в одном:
К этим песням из дальних дорог
Мы придём как в родительский дом...

БЕЗНАЗВАНИЕ

Безназвание, безначалие...
Перепутаны в датах дни.
Щёлкни «мышкой» по ссылке «далее»
И страницу переверни.

Устарели страницы прежние,
Со щелчка их не обновить,
Безназвание – что безбрежие:
Ни проклясть, ни благословить.

Скрылись-спрятались щели-линии
На асфальтовых спинах плит,
Дремлет ива в январском инее,
Воздух как молоком облит.

Почву-кожу с рубцами, с язвами
Скрыл от глаз белоснежный мир.
Мы на этом листе не названы,
Мы не званы на этот пир.

Где-то знойно «в садах Авзонии»,
Здесь же царствует деспот снег...
Безназвание – беззаконие,
В недосказанное побег.

Снег – таинственная материя,
Ни разрезать её, ни сшить.
В звук названий теперь не верю я,
Но – не названы – будем жить!..

***

*Памяти
Александра Михайловича
Медникова,
выдающегося русского канатоходца*

Я закрою глаза. Мне однажды приснится
Зыбкой тенью забытого детского сна
Человек на канате – слеза на реснице
Над распахнутой пропастью круглого дна.

Под ногами упрянца – оскаленность бритвы,
В золотых волосах – нимб софитов и ламп,
Дробь – в оркестре, в судьбе – неминуемость битвы.
(Разве дробь и судьба – постановочный штамп?)

Здесь как близкая пуля – любая минута,
Здесь испуг – не союзник, и опыт – не враг,
Здесь, однажды шагнув, не меняют маршрута,
А маршрут – только нитка, прошившая мрак.

Здесь не верят ни снам, ни волхвам, ни шаманам,
Здесь в груди и в оркестре – дробящийся стук...
Эта пропасть – не дань авантурным романам,
Это истина – самый рискованный трюк.

Этот путь – место встречи расчёта и риска.
Но натянут канат – ассистенты не спят! –
Для чертей – высоко, для апостолов – низко,
Между светом и дном на растяжках распят.

Под атаками сентиментальности женщин,
Под цветочным дождём не склоняя голов,
Этот путь от отцов и от дедов завещан
Тем, кто к лаврам и шрамам без торга готов.

Лишь бы знали весы равновесие в чашах,
Жизнь и смерть – между ними опасный баланс.
На небесной струне нет «без вести пропавших».
Так дойди! Или – падай! Твой выбор – твой шанс.

Но ещё не до края наполнена чаша,
Не разорван судьбой предначертанный круг.
Может, слышится ей в звуке имени «Саша»
Эхо встреч с неизбежным, с любимым – разлук?

Прочь – сомнение! Смерть и страдание – мимо!
Сердце мячиком вниз по канату – лови!
Там, на мостике, смуглое Солнце-Фатима,
Берегиня-Любовь – только шаг до любви.

За спиной и навстречу – колючие ветры,
В волосах – мишуры золотые дожди...
Что до цели? Какие-то там сантиметры.
Полтора женских вздоха...

Полжизни...

Дойди!

РИСК

*Памяти
Вальтера Михайловича
Запашного,
выдающегося русского дрессировщика*

Он знал с пелёнок, что такое риск:
Порой успех, к лихачеству ревнивый,
Порой погост и скромный обелиск
Над чьей-нибудь безвременной могилой.

Моментами – щекочущий азарт,
Всегда – насквозь солёная рубаха.
Расчёта больше. В меньшей мере – фарт.
Борьба. Любовь. И... слишком мало страха!

Хоть смелым сердцем не был он черствею
Других, его брезгливо не мутило
От вида крови чьей-то и своей –
Удостоверь, врачебное светило!

Длину когтей и сабельность клыков
Он знал не из статей энциклопедий,
С младенчества усвоивший, каков
Налог на приближение к победе.

Когда притворно лев его душил
И полный зал доверчиво пугался,
Смеялся он, как будто от души,
И только нерв привычно напрягался.

В ушах звучало залповое: «Ап!»
Грешили марши бодростью, и только
Летели искры из-под тяжких лап
И змеями вились тела брандспойтов.

...Не стоит блюдо места на столе
Без острой искусительности специй.
Застыли звери, взмыли и – allez! –
Летят навстречу с брошенных трапедий.

Не стоит пир волнения гостей
Без веселящей вкус и сердце влаги.
Лев в сбруе – укрощаемость страстей,
Прыжок на льве – летящий зов отваги.

Не стоит лютни песня о любви
Без неземной, зовущей к звёздам ноты.
Струна свободна, но – не оборви! –
Под нею тигры – рыцари охоты.

Не стоит безрассудства женский взор,
Чьи глубже стрел не трогают ресницы,
И скачки на излёт, во весь опор
Той запряжённой львами колесницы.

Не стоят слова люди без лица,
Трусливые и мелочные души.
Исток начал – в возможности конца,
Когда в глазах – влажнее, в горле – суше,

И вечный круг пылает заревó,
В отваге упражняя душу снова...
Судьба однажды выбрала его
И позвала к триумфу. Как ручного.

Диана
КАН

«...КАК ПЕСНИ ДОЛГИЕ – ВЕКА...»

В городе Электросталь прошли Первые Всероссийские чтения, посвященные поэту Анатолию Передреву.

Сколь много легенд и мифов имеют хождение в литературных кругах об Анатолии Передреве, столь же редко писали о нём. Правда, писали именитые, как на подбор, литературные критики – Вадим Кожин, Владимир Бондаренко, Сергей Куняев... Хотя и был приписан Анатолий Передрев к блистательной поэтической плеяде Вадима Кожина, всё равно жил, да и умер как-то наособицу...

Впрочем, такие понятия, как рождение и смерть, в применении к поэтам, условны. Поэт рождается отнюдь не одновременно с тем, как его принимает акушерка в роддоме. Поэт может родиться в любом возрасте. И момент этот мистический. Рождению поэта в обычном человеке могут способствовать как трагические обстоятельства, вызывающие точку лирического отсчёта, так и обыденные вроде бы события, после которых вдруг обычный человек начинает писать стихи. Смерть поэта – тоже условна. Умирая физически, поэты продолжают жить в своих стихах...

ПЕРЕДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПОЭТА АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕВА)

ПОЭТЫ РОДИНЫ МОЕЙ
Высоко небо надо мной - бездонно синий цвет.
Скажите мне, о небеса, кто истинный поэт?
Смеется ветер-весельчак, веселый без вина:
«В их душах ветренность моя, и неба - глубина!»

Растут ромашки на ветру. Скажите мне ответ,
Скажите мне, цветы полей, кто истинный поэт?
Лепечут мило лепестки в объятьях сорной тьмы:
«Поэт - загадочный цветок, поэт - он прост, как м...

Среди раскидистых ветвей струится божий свет
Скажите мне, о дерева, кто истинный поэт?
Мне шепчет юная ольха, бормочет старый клен:
«Поэтом может быть лишь тот, кто в родину в...

Я плачу, думая о вас, в тяжелых снах,
Поэты Родины моей! Обрел покой ваш прах.
Вы уходили в мир иной всегда во цвете лет.
Жесток и горек русский спор, кто истинный поэт!

ИЛЬЯ РАГУЛИ

Владимир Лесовой

Итак, начнём с того, что лично с Анатолием Передреевым я не была знакома. Поэтому приглашение на Первые Передреевские чтения, которое я получила от московского поэта, лауреата литературной премии им. Чехова, обладателя Гран-при Московского фестиваля искусств «Вдохновение» и Золотой Есенинской медали, и проч... в общем приглашение от Владимира Лесового, издателя посмертной книги избранных стихов Передреева «Родина внутри нас», стало для меня неожиданностью и поводом перечитать передреевские стихи. А уж легенд и мифов о Передрееве я слышала столько, сколько не слышала, наверное, ни про одного поэта его поколения.

Да он и сам был – человек из мифа. Красивый, статный, чубатый Стенька Разин. И «персидская княжна» и «шемаханская царица» тоже была у него – жена-чеченка Шема. Мало кто знает, что этот семейный союз дал жизнь одной из красивейших женщин России: дочь Передреева и Шемы была вице-мисс одного из первых Всероссийских конкурсов красоты.

Передреев в моём восприятии – поэт, напрочь разрушающий рамки и стереотипы, в которые обычно окружающие стараются вогнать любого человека. С Передреевым это, как говорится, не прокатит, несмотря на всю проникновенно традиционную укоренённость его стихов в русской почве.

Знавшая Передреева лично и дружившая с его женой поэтесса из Электростали Нина Красовская, руководитель литературной гостиной имени Анатолия Передреева, приятно удивляется тому, что Первые Передреевские чтения не только состоялись, но и более-менее уложились в сценарий устроитель (администрация города Электросталь).

По воспоминаниям Нины Красовской, в 1987 году после гибели Передреева в Электростали, где поэт прожил пять лет до своего отъезда в Москву, решили провести вечер его памяти. Красовская была в числе организаторов вечера. И вдруг ей накануне мероприятия звонят московские коллеги и сообщают «приятную новость»: в Электросталь едут представители общества «Память» чуть ли не в полном составе. Было в те перестроечные годы такое общество с весьма неоднозначной репутацией. Вроде за русское радели, но как-то это радение против русских же и оборачивалось, придавая движению характер некой маргинально истерической одиозности. В глазах власти общество «Память» имело негативный оттенок, и его появление грозило вылиться в скандал. И вечер памяти (каким его и пожелало сделать общество «Память», переформатировав из вечера поэзии) был в срочном порядке отменён.

Анатолий Передреев и при жизни рушил стереотипы, и после смерти предпочитал свой собственный сценарий. Кстати, я такому качеству Передреева ничуть не удивляюсь, памятуя, что он уроженец земли саратовской, волжанин.

*И вот плыву её раздольем,
Усталый взрослый человек,
Земных дорог хлебнувший вдоволь,
Узнавший нрав морей и рек.
И парход, выдавший виды,
Взрывая хриплые гудки,
Везёт меня туда, где слить
И синь небес, и синь реки...
А на корме, где песен праздник,
Волнуют душу мне до слёз
Объятый думой Стенька Разин*

*И в диком мху седой утёс...
Плывёт раздолье песен долгих,
Где Волга-матушка-река,
И слышу я: шумят над Волгой,
Как песни долгие, века...*

Давно замечено, что поэты, так или иначе биографически или географически «повязанные» с Волгой, в душе – Стеньки Разины, удалые. Знаю это точно, потому что сама такая, несмотря на то, что женщина. А уж Анатолий Константинович, десятилетиями живший к тому же на Кавказе и поневоле проникшийся горделивым горским менталитетом, и подавно был такой. Удивительно другое: сочетание этой непредсказуемости в жизни и трогательной проникновенности в творчестве:

*В этом доме думают, гадают
Обо мне мои отец и мать...
В этом доме ждёт меня годами
Прибранная, чистая кровать.
В чёрных рамках –
Братьев старших лица –
На белёных глиняных стенах...
Не скрипят, не гнутся половицы,
Навсегда забыв об их шагах...
Стар отец, и мать совсем седая...
Глохнут дни под низким потолком...
Год за годом тихо оседает
Под дождями мой саманный дом.
Под весенним – проливным и частым,
Под осенним медленным дождём...
Почему же всё-таки я счастлив
Всякий раз, как думаю о нём?!
Что ещё не все иссякли силы,
Не погасли два его окна,
И встает дымок над крышей синий,
И живёт над крышею луна!*

Сергей Куняев

Анатолий Константинович и при жизни был центром притяжения людей, и спустя 30 лет после своей смерти собрал писателей России в уютном зале центральной библиотеки им. К. Паустовского в городе Электросталь. Большая делегация писателей и культработников из Саратова, с малой родины Передреева, приехала с подарками. А ещё так славно было встретиться с выдающимся критиком Сергеем Куняевым, московскими поэтами Григорием Калужным, Владимиром Лесовым, Мариной Сейдаметовой и многими другими, кто приехал сказать своё слово о Передрееве.

Вот этим словом поэта о поэте, написавшимся внезапно для меня самой в вагоне поезда на обратной дороге, я и хочу закончить.

ПОЭТУ АНАТОЛИЮ ПЕРЕДРЕЕВУ

Переезды. Перегоны.
 Пересуды. Передреев...
 Кто такой? Поэт в законе,
 Чьи стихи в морозы греют.
 Только ты предпочитаешь,
 Мой попутчик, греться водкой.
 Только вряд ли ты читаешь.
 Только был поэт не кроткий.
 Впрочем, он тебя бы вряд ли
 Осудил – был сам не промах
 Горечь намахнуть до капли
 Средь знакомцев незнакомых.
 Дух околиц и окраин
 Овевает наши лица...
 Не тоскою странствий ранен,
 Едет мой сосед в столицы.
 Не считая километры,
 В Уренгой из Оренбурга
 Едет он по белу свету...
 Говорит, с деньгами туго.
 Выживаем, выживаем,
 Но не из ума, надеюсь,
 Хоть стихи воспринимаем
 Как неслышанную ересь.
 Пахарь и поэт-изгнанник...
 Перед небом все едины.
 Что ж ты наши души ранишь,
 Анатолий Константиныч?
 Душ людских путеводитель,
 Как положено поэту,
 Носит в сердце (не хотите ль?)
 Еретическую мету.
 Перемены. Передряги...
 Но сердца стихами греет
 Вдохновенный работага
 Анатолий Передреев.

Как бы хотелось, чтобы в городе Электросталь появилась не просто памятная доска, но – памятник поэту Анатолию Передреву.

Оренбург–Электросталь–Оренбург

Фото автора

Диана Кан

**Валерий
Смирнов-Шумилов**

«ЗДЕСЬ МУЗЫ СОБРАЛИСЬ НА БЕРЕГУ...»

28–29 октября 2017 года в Ялте состоялся первый после присоединения Крыма к России VIII Международный литературный фестиваль «Чеховская осень-2017»

Инициатором фестиваля традиционно выступила старейшая в Крыму РОО «Союз писателей Республики Крым» («Союз русских, украинских и белорусских писателей», существующий с 1991 года, фактический правопреемник Крымского отделения Союза писателей СССР), при поддержке Ялтинского литературного общества им. А. П. Чехова. (Создано в 1918 году, занималось благотворительной деятельностью, его членами были Мария и Иван Чеховы, Александр Куприн, Сергей Елпатьевский и другие.) Партнёрами фестиваля стали организации: министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым, министерство труда и социальной защиты Республики Крым, фонд «Русский мир», газета «Крымские известия» (г. Симферополь), «Литературная газета» (г. Москва), администрация г. Ялта и др.

...В этот день тучи в небе разошлись, дождь кончился и солнечные лучи позолотили набережную культурной столицы Южного берега Крыма. Погода, которая до этого не радовала ялтинцев, на этот раз словно специально наладилась, и ялтинское солнце приветствовало гостей и участников VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень-2017».

Давно уже городской Центр культуры, расположенный на берегу Чёрного моря, не видел такого множества гостей из разных российских регионов и стольких стран. Гости из Афганистана и Белоруссии, Казахстана, Палестины, Франции, Украины, делегации двух непризнанных, но братских России Донецкой и Луганской Народных Республик, а также гости из многих регионов Российской Федерации (городов Санкт-Петербург, Москва, Севастополь; Ивановской, Московской, Самарской, Саратовской областей, Ставропольского и Краснодарского краёв, Республики Татарстан др.) – «служители литературных муз» – встретились

в эти дни в чеховской Ялте, чтобы принять участие в первом после возвращения Крыма в Россию Международном литературном фестивале «Чеховская осень-2017».

Надо сказать, что сами фестивальные мероприятия проходили в памятных литературных местах – Ялтинском центре культуры, Доме-музее А. П. Чехова, Доме творчества писателей им. А. П. Чехова, а в программу фестиваля были включены не только конкурсы, но и выставка книжных изданий участников «Осени...» и, конечно же, возложение цветов к памятнику Антону Павловичу в Приморском парке Ялты.

Само торжественное открытие фестиваля проходило в санатории им. Кирова – бывшем особняке князей Барятинских. Президент фестиваля «Чеховская осень-2017» Андрей Чернов, приветствуя на открытии участников Международного фестиваля, сказал, что целью проводимого «поэтического праздника» является укрепление творческих и дружеских связей русскоязычных поэтов и писателей России, Украины, Белоруссии, Казахстана, других стран ближнего зарубежья и всех зарубежных стран, где проживают русскоязычные поэты, пропаганда творчества А. П. Чехова, повышение имиджа Ялты как культурной столицы Южного берега Крыма, открытие и поддержка новых талантливых авторов, содействие общению начинающих авторов с признанными мастерами слова, установление контактов между творческими организациями и отдельными авторами.

Удивительной и радостной была встреча представителей разных регионов и стран: всякая литература в своём вечном поиске добра интернациональна, а русскоязычная литература – в особенности. Это отметил человек, привлёкший особое внимание собравшихся в Ялте литераторов, потому что этот почётный гость и член Международного жюри фестиваля – первый секретарь Посольства Государства Палестины, известный арабский поэт и победитель международных конкурсов Абдулла Исса.

– Я рад от всего свободного арабского мира приветствовать наших друзей и братьев в Крыму, – сказал он на открытии фестиваля. – И Чехова, и других русских классиков хорошо знают в наших странах. Но Чехов – он особенный. За необыкновенный стиль его короткой прозы и удивительную драматургию его называют «шейхом поэтов». И для меня большая честь оказаться здесь, в Ялте, в местах, где жил и творил великий писатель. Надеюсь, что мой визит в российский Крым – это только первая ласточка в налаживании культурных, дружеских и экономических связей между нашими странами и народами, – подчеркнул Абдулла Исса.

– Крым всегда являлся некоей своеобразной «литературной Меккой» для России и во времена Российской империи, и позже, при советской власти, – отметил председатель Международного жюри фестиваля «Чеховская осень-2017» Владимир Бояринов. – Потом наступила эпоха безвременья. И вот наконец земля Древней Тавриды, с которой и началось крещение Руси (в Херсонесе-Севастополе крестился киевский князь Владимир), вернулась на свою историческую Родину. И я очень рад, что нынешний Международный фестиваль организует региональный Союз писателей Республики Крым, символом которого является трёхмачтовый бриг с алыми парусами, олицетворяющий три братских народа – русский, украинский и белорусский, плывущих в одном направлении (как задумывал в своё время основатель «Союза русских, украинских и белорусских писателей», известный советский писатель Анатолий Иванович Домбровский). Наконец-то этот крымский бриг с алыми «гриновскими» парусами причалил к родному берегу, и, волею судьбы, началось новое возрождение России...

– Действительно, Крым является сейчас символом возрождения России, – заметил председатель РОО «Союз писателей Республики Крым» Валерий Шумилов, – а имя жившего в Крыму Антона Павловича Чехова всегда объединяло и будет объединять вокруг себя всё культурное сообщество России и Русского мира. А без подъёма культуры, как вы понимаете, не может быть и никакого возрождения...

По словам Валерия Шумилова, Чехов давно стал литературным символом города, в котором он жил. Всё в Ялте напоминает о великом русском писателе – пожалуй, самом популярном русском писателе за рубежом России.

Президент Лиги писателей Евразии и руководитель Московской городской организации Союза писателей России Владимир Бояринов провёл церемонию награждения особо отличившихся участников фестиваля, отметив их заслуги в организации литературной деятельности на постсоветском пространстве.

Так, диплома международной премии «Литературный Олимп» с вручением одноимённой медали удостоился председатель Союза писателей Республики Татарстан Данил Салихов. Медаль «За высокие профессиональные достижения» им. А. П. Чехова получил член жюри и почётный гость фестиваля Абдулла Исса. Медали «За верность слову и делу» им. А. С. Пушкина были вручены двум главным организаторам мероприятия – президенту фестиваля «Чеховская осень-2017» Андрею Чернову и председателю регионального Союза писателей Республики Крым Валерию Смирнову-Шумилову. Наконец, руководитель Чеховского общества г. Ялта и третий член Международного жюри фестиваля (после Владимира Бояринова и Абдуллы Иссы) – Тамара Егорова была награждена за высокие профессиональные достижения медалью им. А. П. Чехова.

Представитель Международного сообщества писательских союзов писатель Игорь Конопляников поздравил собратов по перу от имени писателей 17 стран (Абхазии, Армении, Азербайджана, Грузии, Латвии, Молдовы, Таджикистана, Эстонии, Болгарии, Германии, Турции и других), входящих в МСПС.

Были зачитаны приветственные адреса от комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Государственного Совета Республики Крым, Русской общины Крыма, администрации г. Ялта, а также особый адрес от имени главы Российского императорского дома Романовых из Мадрида – Великой княгини Марии Владимировны и её сына и наследника Великого князя Георгия Михайловича, пожелавших успехов в укреплении культурных связей между братскими народами, и другие. (Всего в адрес регионального Союза писателей поступило более 60 писем из разных регионов России и стран ближнего зарубежья в поддержку Международного фестиваля.)

От имени воюющих за своё будущее к собравшимся обратился председатель Союза писателей Донецкой Народной Республики Фёдор Березин и члены делегации Луганской Народной Республики, а от имени Исламской Республики Афганистан – председатель Союза писателей Исламской Республики Афганистан Саид Азам Ахгар.

Ялтинскую набережную украшает здание гостиницы «Мариино» в стиле модерн, где останавливался Чехов. Неподалёку возвышается гостиница «Россия», в которой он написал свой любимый рассказ «Студент». В городском саду – украшенный колоннами театр, в котором Антон Павлович смотрел спектакли в исполнении артистов прославленного Московского Художественного театра. Повыше, на холме, расположилась гимназия, в кото-

рой писатель был попечителем. Как и театр, она носит теперь имя Чехова. На набережной и в Приморском парке гости города любят фотографироваться у памятника писателю и скульптуры «Дама с собачкой». Есть здесь и улица Чехова, и известный на весь мир Дом творчества писателей СССР – писательский санаторий им. Чехова. Помнят писателя и стены старинной дачи «Омюр», где Антон Павлович жил в 1898 году. Здесь написана знаменитая «Душечка», а теперь находится экспозиция литературно-мемориального музея «Чехов и Крым». Здесь Чехов жил, подготовил Полное собрание сочинений. Здесь задумал построить в Ялте собственный дом и навсегда связать судьбу с прекрасным городом на Южном берегу Чёрного моря. И, наконец, главное украшение Ялты – Белая дача Чехова в Аутке... Осенью 1898 года Чехов приехал в Ялту отдохнуть и поправить здоровье. Солнечная сентябрьская погода так восхитила писателя, что он решил построить здесь дом – Белую дачу. Уникальное сочетание красоты моря, гор, лесов и парков вызвало творческий подъём – здесь родились бессмертные образы «Дамы с собачкой», «Трёх сестёр», «Вишнёвого сада», «Невесты»... На Белой даче Чехов принимал актёров МХТ во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко. К Чехову приезжали И. Бунин, Ф. Шаляпин, К. Бальмонт, М. Горький, А. Куприн, С. Рахманинов – десятки самых прославленных мастеров России. В саду возле Белой дачи писатель насадил деревья и кустарники со всего света – они цветут зимой и летом, создавая образ «вечной весны». С тех времён ялтинская пора чеховской жизни стала символом творческого полёта, прекрасных открытий в искусстве слова.

И в память об этой светлой поре в Ялте вот уже много лет проводится литературно-музыкальный фестиваль «Чеховская осень». В чеховскую Ялту собираются поэты и барды из разных регионов России и стран ближнего зарубежья – Крым превращается в центр притяжения литературных талантов всероссийского масштаба.

Автобусы доставили гостей фестиваля на Белую дачу – знаменитый на весь мир Дом-музей А. П. Чехова, где на территории живописного парка, разбитого когда-то руками самого писателя, находится небольшой двухэтажный домик с белыми оштукатуренными стенами, где последние годы своей жизни работал Антон Павлович. Здесь, в «чеховском уголке», прошёл Час интересных встреч. (Заметим, что среди именитых гостей «Чеховской осени-2017» была и старейший музейный работник Крыма Ангелина Ханило, 70 лет проработавшая в чеховском Доме-музее и лично знакомая с сестрой и женой писателя – Марией Чеховой и Ольгой Книппер-Чеховой.)

Как никогда насыщенной оказалась программа самого фестиваля – участники выступили в 11 номинациях. По результатам конкурсов победителем в номинации «Пейзажная лирика «Крымские мотивы» стал Анатолий Чайка (Россия), «Любовная лирика» – Марина Матвеева (Россия), «Стихи для детей» – Александр Прудский (Россия), «Военная авторская песня» – Сергей Усатенко (Россия). Первое место в номинации «Гражданская и духовно-философская лирика» разделили между собой Саид Азам Ахгар (Афганистан) и Николай Ананченко (Россия). В конкурсе одного стихотворения (поэтический ринг «Крымская муза») первое место поделили Анна Ревякина (Украина, ДНР) и Маргарита Бобкова (Россия). В конкурсе «Поэзия молодых» в старшей группе первое место заняла Елена Грузжук (Россия), в младшей – Маргарита Бобкова (Россия). В особом «читательском конкурсе» «Лучший знаток стихов Владимира Луговского» также победили два номинанта – Валентина Стрельникова (Россия) и Аделина Григорьян (Россия). В заочном литературном конкурсе «Чеховские мотивы» (малая проза)

в старшей группе первое место занял Илья Криштул (Россия), в младшей – Дарья Свитаило (Россия). В конкурсе поэтов-маринистов «Я люблю тебя, море!» победили Анастасия Грязон (Россия) и Михаил Агарков (Россия). Были также вручены особые призы: «За лучшие стихи» – Маргарите Бобковой (Россия), «За лучшую песню» – Эдуарду Бондарю (Украина, ДНР), он также занял первое место в номинации «Свободная авторская песня»; приз «Гостю за любовь к литературе» получил Саид Азам Ахгар (Афганистан).

Все участники фестиваля получили благодарности, а победители – книги и памятные дипломы. В дальнейшем произведения победителей и лучшие стихи участников «Осени» будут опубликованы в сборнике «Чеховская осень-2017». Кроме издания сборника о фестивале телеканалом «Первый Крымский» (программа «Лик») был создан документальный фильм.

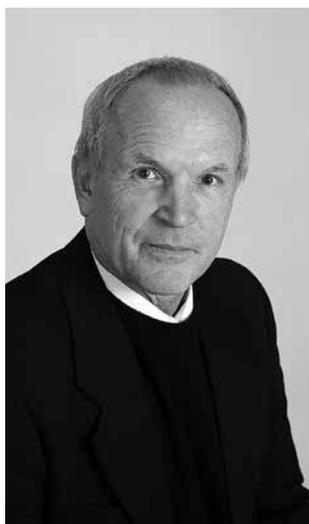
Гран-при фестиваля было вручено члену делегации Донецкой Народной Республики журналистке и поэтессе Анне Ревякиной.

– До сих пор не могу поверить в то, что это случилось со мной в Крыму – на полуострове, избежавшем войны и имеющем теперь мирное небо над головой, – сказала Анна. – Удивительно, но самый-самый главный приз Международного фестиваля отправляется в город-герой Донецк. Это прорыв для донецкой литературы, прецедент, огромная честь для меня, для всех нас. Наши связи, связи писателей Донецкой Народной Республики с литературным сообществом Тавриды – это и есть тот самый настоящий «крымский мост», который незримо переброшен между нами, но который по-настоящему соединяет и объединяет всех нас – людей Русского мира, людей одной истории, одной судьбы и одной культуры..

Первый в российском Крыму фестиваль «Чеховская осень-2017» в Ялте завершился. Но, как мы теперь уверены, не последний..

ДВА ИНТЕРВЬЮ К 75-ЛЕТИЮ А. И. ДЕМЧЕНКО

Александр Иванович Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, ведущий научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований, председатель Фонда Елены Гохман, действительный член (академик) Российской и Европейской академий естествознания, заслуженный деятель искусств России, заслуженный деятель науки и образования, лауреат Международной премии имени Николая Рериха, лауреат премии имени Дмитрия Шостаковича, Почётный гражданин города Саратова.

Первое из предлагаемых интервью обращено к недавно происшедшему важному событию в жизни юбиляра: он был удостоен высокого звания лауреата Международной премии имени Николая Рериха.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

«НАШИХ ПЛАНОВ ГРОМАДЬЁ...»

С Александром Ивановичем Демченко беседует репортёр ГТРК «Саратов» Инна Сальникова.

И. С. Наш выдающийся земляк Александр Иванович Демченко стал лауреатом Международной премии имени Николая Рериха. Сразу скажу: премия эта престижная. Если говорить о представителях музыкального искусства, то её в предыдущие годы удостоились только Мстислав Ростропович и Валерий Гергиев. Она была учреждена в год 300-летия Санкт-Петербурга. Основная цель премии – выявление высоких образцов служения целовека культуре и обществу, общественное признание бескорыстного труда тех истинных подвижников, для которых высокое творчество и стремление к общему благу стали конкретным и повседневным делом. В числе учредителей Международной пре-

мии имени Николая Рериха – Санкт-Петербургский государственный университет, Всемирный клуб петербуржцев и Государственный Эрмитаж. В состав оргкомитета премии входят представители разных стран, а председателем является генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский. В 2017 году среди награждённых были заслуженный художник России Иван Уралов, актёр с мировым именем, корифей в жанре моноспектаклей, художественный руководитель театра «Реплика» Леонид Мозговой, индийская художница Суржит Акре.

Александр Иванович Демченко имеет целый ряд престижных наград, является автором многочисленных книг и научных публикаций. Помимо обширного круга работ по музыкальному искусству различных эпох и народов его исследовательские усилия направлены на освоение мировой художественной культуры во всех её срезах – от древности до наших дней, от явлений локального уровня до процессов глобального характера. Александр Иванович опубликовал ряд книг, посвящённых отдельным эпохам, стилям и направлениям в искусстве. Важное место занимает изучение региональных культур и, прежде всего, художественной культуры Поволжья. Александра Ивановича отличают высокая активность и разносторонность просветительской деятельности. В качестве лектора Александр Иванович Демченко провёл множество встреч с самой различной аудиторией по всей России. Премию Рериха он получил за сохранение культурных ценностей и миротворчество. Лично меня Александр Иванович просто поразил своей молодостью. По факту он является юбиляром весьма преклонных лет, но по сути в нём столько энергии, оптимизма и лёгкости, которым мог бы позавидовать и юноша. И вот что он сам о себе сказал в ходе нашей беседы.

А. Д. Прежде всего, испытываю большое удовлетворение ввиду того, что премия, о которой идёт речь и которой в своё время были удостоены деятели культуры ряда городов страны и мира, теперь представлена и в нашем городе. Нам есть чем гордиться и что ценить по части того вклада в искусство, который сделан и делается людьми саратовской земли.

Присоединю к этому очень субъективный штрих. Не являюсь исконным уроженцем Саратова. Я родился в Москве, мои детство и юность прошли в Пскове, затем многое было связано с Ленинградом. В Саратов судьба привела меня только в 1970 году, и он давно уже стал для меня родным городом. Я отнюдь не склонен идеализировать его, он предстаёт в весьма разных ипостасях, но главное – давным-давно ощущаю его именно родным и единственным для меня. В своё время были лестные предложения переселиться в наши две столицы и даже, например, в Словакию и Португалию. Без малейших сомнений отказался, поскольку во всех отношениях нахожу здесь всё необходимое для своей жизни и плодотворной работы.

Поделюсь и подробностью, которая отложилась в памяти как раз во время поездки по случаю вручения премии. Приехав в Петербург и получив её, на следующий день оказался в Москве. И, представляя себе, перемещаясь из Северной Пальмиры в «первопрестольную белокаменную», как-то особенно ощутил некомфортность существования в них. Разумеется, некомфортность для меня лично. Мы знаем, что масса людей рвётся в столицу, но для меня вот уже почти четыре десятилетия подлинно родной дом – Саратов.

Относительно того, что я делаю, позволю себе такую самооценку. С точки зрения количественной, на нынешний день не только в музыковедении, но и вообще в искусствознании являюсь лидером по части науч-

ных публикаций – их около тысячи плюс свыше двухсот книжных изданий. Только специалисты могут понять, насколько это огромное число.

Иногда вспоминаю Циолковского в Калуге, который на заре XX века в маленьком провинциальном городе открывал космическую эру. Памятуя об этом первопроходце, стремлюсь доказать, что не только Москва и Петербург, но и наши другие центры культуры могут внести в её кладовую что-то очень и очень достойное. Если мне удастся осуществить то, над чем работаю, это могло бы стать существенным и просто уникальным вкладом в науку. Имею в виду то, что называю следующим образом: «Вселенная слова, цвета, звука» – большая серия в двенадцати томах, где первый том – «Древний мир», второй – «Античность», третий – «Средневековье», четвёртый – «Возрождение», и так далее, вплоть до наших дней.

Смысл состоит в том, чтобы «под крышу» каждого тома поместить все виды искусства и рассмотреть их не так, как рассматривают обычно, то есть каждый из исследователей в своей епархии: одни изучают литературу, другие – изобразительное искусство, третьи – архитектуру, и тому подобное, причём ещё с разделением по национальным школам и со специализацией по эпохам. А вот увидеть мировой художественный процесс как целостность и выявить генеральные смысловые идеи, которые определяли облик человечества как в целом, так и в региональных особенностях, – такого до сих пор не предпринимал никто.

И когда мне вручали премию, председатель комитета по культуре Петербурга говорит: «Александр Иванович, это что-то умопомрачительное. Когда я читал то, что вы пишете, у меня было ощущение, что это – деятельность огромного коллектива, исследовательского института...» Если бы вы заглянули в мою квартиру, то увидели бы огромные залежи того, что готовится, потому что всё это уже десятки тысяч досье на каждый существенный в мировой истории артефакт, и всё это от истоков художественного творчества до начала нашего тысячелетия.

К этим двенадцати томам должны прибавиться ещё три тома «Художественной энциклопедии», где опять-таки будут объединены статьи по всем видам искусства: литература, изобразительное искусство, архитектура, музыка, театр и кино. Таких энциклопедических изданий у нас пока что нет, и это тоже претендует на уровень ноу-хау.

И. С. Александр Иванович, всем нам, саратовцам, остаётся только пожелать вам доброго здоровья, бесконечной энергии и долгих лет жизни, чтобы удалось именно в нашем городе осуществить столь грандиозные проекты. Это побуждает вспомнить знаменитую строку из Владимира Маяковского «Наших планов громадьё...»

РЫЦАРЬ «ОРДЕНА» ЕЛЕНЫ ПРЕКРАСНОЙ

Александр Иванович Демченко занимается активной популяризацией художественного наследия нашего региона. Одна из недавних его инициатив состояла в создании Фонда Елены Гохман. Этому событию посвящено второе из публикуемых интервью.

С Александром Ивановичем Демченко беседует кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Саратовской консерватории Наталья Королевская.

Н. К. Мы знаем Александра Ивановича Демченко как главного знатока и пропагандиста искусства Е. В. Гохман, автора многочисленных статей и монографий, посвящённых её творчеству (последняя – «Аве, Елена» – не так давно вышла в Германии), создателя либретто двух опер композитора, организатора юбилейных научных чтений, посвящённых 80-летию со дня рождения Е. В. Гохман в 2015 году, неутомимого организатора и ведущего её авторских концертов. Подвижническая деятельность А. И. Демченко давно воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не выделяется в контексте его многообразной и чрезвычайно продуктивной научной деятельности как нечто особенное или выдающееся. Но если задуматься, то в наше время приоритетов личной успешности и утилитарных отношений подобное подвижничество, сопоставимое разве что с рыцарским служением Прекрасной Даме, заслуживает самого пристального внимания. Заслуживает хотя бы в назидательных целях, но в большей степени, конечно же, как выражение искреннего восхищения и признательности.

Благодаря усилиям А. И. Демченко, заботящегося и о сохранении в памяти саратовцев имени композитора, прославившего эту землю созданными на ней шедеврами, и о расширении круга почитателей её творчества за пределами нашего города, мы имеем возможность соприкоснуться с этими шедеврами снова и снова. Прошедший в октябре 2017 года концерт подарил радость новой встречи с музыкой Елены Владимировны и стал новой точкой отсчёта в судьбе её творческого наследия. Во время этого концерта состоялась презентация созданного А. И. Демченко Фонда Е. В. Гохман, скорее напоминающего Орден сподвижников, вдохновляемых благородной целью сохранения памяти о композиторе в живом звучании его музыки. По следам этого исторического концерта и в преддверии юбилея А. И. Демченко мы встретились с ним как с главным героем этого предприятия. В центре нашей беседы – сам Рыцарь, его Прекрасная Дамы и Фонд её имени.

– Александр Иванович! Перед началом концерта, пока зал наполнялся слушателями, а исполнители готовились к выступлению, в зале звучала музыка Елены Владимировны в записи, создавая атмосферу уже начавшегося концерта. Как вы объясните это удивительное свойство её музыки притягивать слушательское внимание, моментально настраивая на свою волну?

А. Д. Действительно, перед началом концерта звучала музыка, записанная на диск под общим названием «Траурная музыка», которая осенью 2010 года в течение почти полутора часов звучала во время церемонии прощания с Еленой Владимировной, в том числе фрагменты из оратории «Аве, Мария», балета «Гойя» и один из её самых знаменитых опусов – Элегия (средняя часть концерта для оркестра «Импровизации», давно существующая как отдельное произведение в переложениях для самых разных инструментов). Эта элегическая настроенность, идущая непосредственно от сердца к сердцу, образует то основное начало в её музыке, которое очень близко русскому духу, и проявляется в таком хорошо известном, знаковом для нас произведении, как «Вокализ» Рахманинова. Элегическая проникновенность очень важна для русского человека, и Елена Владимировна унаследовала эту ноту, которая и делает её музыку такой притягательной для слушателя.

Она была категорически против всякого рода «кабинетной» музыки, как она её называла – музыки сконструированной, засушенной, идущей от головы... Razio, интеллект в её музыке, конечно же, тоже присутствуют, и я не перестаю удивляться разумности того, как это сделано, как попадает в самую точку созданный ею музыкальный образ, поражаюсь её мужской хватке – например, владению оркестровыми массами, порождающими

звуковые глыбы или передающими агрессивный тон, когда она воплощала личину насилия и враждебных человеческой сущности явлений, которыми был переполнен прошлый век. Но самое главное состоит в том, что Елена Владимировна пестовала в своём творчестве глубоко человеческую ноту. Её музыка – о человеке и для человека, она общительна и коммуникабельна, и потому сразу же завоевывает слушателя.

Н.К. Концерты из музыки Елены Владимировны всегда были и продолжают оставаться неотъемлемой частью музыкальной жизни нашего города. Появляются новые заинтересованные исполнители, а сама музыка становится репертуарной. Три наиболее часто исполняемых её произведения – Соната для альты и фортепиано, Семь эскизов для фортепиано и вокальный цикл «Бессонница» на стихи Марины Цветаевой. Не так давно они прозвучали в исполнении Анастасии Шевцовой (альт), Татьяны Нечаевой (фортепиано) и Натальи Коваленко (меццо-сопрано). Что бы вы могли сказать о новых интерпретациях этих уже «классических» сочинений, образцовые трактовки которых в своё время были созданы Анатолием Григорьевым (альт), Анатолием Скрипаем (фортепиано) и Натальей Тарасовой (сопрано)?

А.Д. Этот концерт лично для меня был очень отрадным, потому что это были новые имена, имена молодых исполнителей, которые не только прониклись этим материалом, но и сумели дать новые грани истолкования этой хорошо знакомой нам музыки. В первую очередь, хотелось бы отметить Татьяну Нечаеву, которая инициировала уже подряд второй концерт из произведений Елены Владимировны; первая авторская программа была ею представлена прошлой весной на сцене Большого зала, и уже дважды в её исполнении прозвучал цикл «Семь эскизов» для фортепиано. После концерта ко мне подходили слушатели поделиться своими впечатлениями и, сравнивая с памятной интерпретацией этого сочинения Анатолием Скрипаяем, сделавшим его фондовую запись, говорили, что то, что они услышали сейчас, в чём-то было даже интереснее, чем у гения саратовского пианизма. Татьяна Нечаева сумела почувствовать и передать выраженную в этой музыке ноту исключительно обаятельной женственности, а в силу своей молодости, может быть, более живо преподнести элементы джаз-рока, которые присутствуют в «Эпистоле», рассыпанные по канве цитируемой там Прелюдии Шопена ми минор, и в «Эпilogue». Или, к примеру, Скрипаяю в большей степени удавался пародийный образ «Эпиграммы», построенной на теме известной «Песенки трёх поросят». Он с присущей ему язвительностью, скепсисом к тому, что происходит в окружающем мире, делал это гротескнее и заострённее, в сугубо жёстко-ироническом ключе, тогда как у Нечаевой эта парафраза прозвучала в более смягчённом, юмористическом плане.

Не могу не отметить прочтение Альтовой сонаты Анастасией Шевцовой в ансамбле с Татьяной Нечаевой, оставившее след как после прослушивания столь же психологически насыщенных произведений Альфреда Шнитке. Многократно исполнявший эту сонату Анатолий Борисович Григорьев после концерта сделал признание, что Шевцова, будучи его ученицей, так глубоко постигла этот материал, что, по его выражению, превзошла своего учителя. И это тоже очень радостный момент, потому что исполнительская смена идёт в нашей консерватории великолепная.

И по поводу «Бессонницы»: её образцовая интерпретация, бесспорно, принадлежит певице Наталье Тарасовой. Государственная премия России, в своё время полученная Еленой Гохман за этот вокальный цикл, в немалой мере обязана тому блистательному исполнению. Оно было абсолютно адекватным авторскому замыслу, в нём Елена Владимировна услышала именно

то, что она вкладывала в свою музыку. Наталья Коваленко в своём выступлении усилила драматическую ноту, грозovou тональность этого произведения. А вот в исполнении Дианы Айсиной, солистки нашего оперного театра, которая тоже обращалась к этому циклу, преобладает лирическая грация. Все три версии имеют право на существование, каждая по-своему хороша. И это закономерно: чем талантливее музыка, тем больше возможностей она даёт для амплитуды интерпретационных решений.

Н. К. *Одна из ваших последних монографий объединяет два имени – Гохман и Шнитке, я имею в виду книгу «Два гения с берегов Волги». В своё время Анатолий Скрипай отмечал внешнее сходство между Еленой Владимировной и Альфредом Гарриевичем как некий мистический знак. А какие параллели находите вы, будучи исследователем жизни и творчества этих двух композиторов, наших земляков?*

А. Д. То общее, что их объединяет, состоит в их многонациональном субстрате. Альфред Гарриевич был наполовину евреем, наполовину немцем и фактически русским по происхождению (его бабушка и мама – жители заволжских немецких колоний, которые являются частью российского пространства). Несмотря на то, что раньше русского он узнал немецкий, а иногда даже думал по-немецки, *«всё было схвачено русским языком»*, как он выражался. У Елены Владимировны этот состав ещё шире, потому что там есть очень сильная русская кровь, идущая от матери, но ещё важнее то, что её мама, Нина Николаевна Быстрова, была представительницей известной волжской священнической династии, искоренённой в советские времена. Кстати, с годами в творчестве Елены Владимировны эта генетически присущая ей религиозная нота усиливалась и, в частности, привела к созданию трёх духовных ораторий, которые самым достойным образом увенчали её творческую эволюцию. Свою немецкую фамилию она унаследовала от деда, петербургского интеллигента. И, наконец, присутствовала даже итальянская кровь, потому что близкими родственниками были Скалигеры, выходцы из Италии, которые вели свою родословную ни много ни мало от фамилии Алигьери, к которой принадлежал великий Данте.

Этот симбиоз и у Елены Гохман, и у Альфреда Шнитке претворился в своеобразную художественную полиэтнику. У Шнитке подобная тенденция развивалась активнее. Скажем, в образной материи его Четвёртой симфонии представлены четыре конфессии: католицизм, протестантизм, православие и иудаизм. У Елены Владимировны полиэтнические корни раскрылись в её тяготении к неоклассицизму, уходящему корнями в глубь веков, вплоть до Средневековья. Но определяющей была русская национальная суть. Как человек и композитор, она целиком приросла к этой земле, искренне любила тот уголок земли, где жила всю жизнь. Когда мы с ней, прогуливаясь, выходили на набережную, у неё всегда широко раскрывались глаза: эту ширь, бесконечный водный простор, заволжские дали, которые открываются с нашего берега, всегда рождали у неё ощущение чего-то очень родного, могучего, богатырского, и она иногда говорила: «Будем считать, что это утёс Стеньки Разина». Для неё это было абсолютно родное. Но в своём творчестве она, ввиду своей неординарной одарённости, конечно же, поднималась на уровень видения и слышания мира в целом, как это произошло ещё в большей степени у такого «планетарного» композитора, как Шнитке, детство которого прошло в обыкновеннейшей энгельсской глубинке.

Н. К. *Александр Иванович, во время концерта вы объявили об учреждении специального Фонда Елены Гохман. Не могли бы вы более подробно рассказать о том, с какой целью он создаётся и какие задачи будет решать.*

А.Д. Жизнь наследия композитора главным образом связана с реальным звучанием его музыки. Если она перестаёт звучать, значит, её как бы и нет, и нет того, кто её создал. Поэтому задачей Фонда является планомерное исполнение музыки Елены Владимировны. Пусть не слишком часто, потому что это связано с большими затратными усилиями музыкантов-исполнителей, но эта музыка должна звучать. Уже в самое ближайшее время предполагается исполнение «Испанских мадригалов», следующей осенью мы обязательно проведём концерт камерной музыки и будем стремиться к тому, чтобы силами нашей оперной студии осуществить исполнение двух камерных опер Елены Гохман – «Цветы запоздалые» и «Мошенники поневоле», а на сцене Саратовского оперного театра возобновить великолепный балет «Гойя». Кроме того, надо, чтобы хотя бы раз в два года звучали её монументальные оратории – «Ave, Maria», «Сумерки», «...И дам ему звезду утреннюю». У нашего Фонда есть два иногородних представительства – в Астрахани, где его работу возглавляет Наталья Кимовна Тарасова, и в Тамбове, где в аналогичной роли выступает Ольга Вячеславовна Немкова. Имя народной артистки России Натальи Тарасовой мы уже называли – именно она в непосредственном контакте с композитором создала эталонные интерпретации её самых значительных вокальных циклов. Что касается хорового дирижёра Ольги Немковой, то год назад она организовала у себя потрясающее исполнение оратории «Испанских мадригалов» и, более того, своими силами издала партитуру этого произведения.

В Саратовском отделении Фонда действует группа музыкантов, каждый из которых возглавляет определённый участок творческой работы. Татьяна Нечаева организует камерные программы, Тимур Абсалудинов – наш молодой дирижёр, руководивший исполнением «Испанских мадригалов» в Тамбове, берёт на себя симфонические программы. Марина Цапкова, педагог Областного колледжа искусств, отвечает за исполнение хоровой музыки и музыки для детей. Заместителем председателя Фонда является доктор искусствоведения Лилия Алексеевна Вишневская, на долю которой выпала, наверное, самая трудная роль – находить спонсоров, чтобы хоть как-то поддерживать материально трудоёмкие исполнительские инициативы. Наш композитор и звукоинженер Иван Александрович Субботин, который и раньше делал всё, чтобы состоявшиеся концерты были сохранены в аудио- и видеозаписях, и в дальнейшем будет продолжать эту деятельность. Профессор консерватории, великолепный исполнитель на баяне Владимир Васильевич Грачёв ещё при жизни Елены Владимировны набирал ноты многих её сочинений и продолжает делать эту работу поныне. Её внучатый племянник Алексей Молоденков поддерживает созданный им сайт Елены Гохман, где размещены всевозможные материалы, связанные с её творчеством: фонограммы, ноты, сканированные книги и статьи и так далее. Между прочим, я хотел бы напомнить, что в состав нашей команды входите и вы, Наталья Владимировна, взяв на себя функции, связанные с прессой.

Н.К. *Присоединяя свой голос в поддержку Фонда, я хочу пожелать, чтобы это благое начинание продолжалось и укрепляло свои позиции!*

А.Д. А мне со своей стороны остаётся только высказать пожелание, чтобы этот Фонд стал началом работы по поддержке памяти других ушедших из жизни саратовских композиторов.

**Вячеслав
Дьяконов**

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ МАРИИ ФОМИЧЁВОЙ

Имя одарённого волжского живописца, заслуженного художника России Василия Осиповича Фомичёва хорошо известно в нашей стране и за рубежом. Его творческое наследие составили более 2000 этюдов и картин, большинство из которых посвящено родной Волге и волгарям. Работы Фомичёва экспонировались в художественных музеях и галереях России, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, Израиля, Германии, Италии, США, Канады, Чили и ряда других стран. Творчество В. Фомичёва признано ярким, оригинальным и самобытным. Оно востребовано, высоко ценится искусствоведами и коллекционерами.

После кончины своего мужа в 1992 году Мария Петровна Фомичёва, вдова художника, решила сделать его творчество доступным всем саратовцам. Повторив подвижничество А. П. Боголюбова по созданию Радищевского художественного музея, она передала в дар городу 200 произведений В. О. Фомичёва, считая, что они должны принадлежать его малой родине. На основе этих работ в 2003 году в Саратове была создана Художественная картинная галерея имени В. О. Фомичёва.

Создавалась она в эпоху перестройки, долго и трудно. В течение семи лет Мария Петровна обращалась в различные инстанции, писала, просила, разъясняла свои предложения и пожелания. Но наступили кризисные времена, менялись ценности и приоритеты, перепрофилировались и не выживали многие учреждения культуры. В то же время популярность творчества В. О. Фомичёва росла, работы его были широко востребованы.

Растущая слава художника возымела решающее воздействие, и администрация Саратова поручила городскому комитету по культуре определить держателя картинной галереи и подготовить предложения по её размещению, штату и смете. Содержать галерею поручили Столыпинскому культурному центру,

-
- Вячеслав Алексеевич Дьяконов – кандидат исторических наук, доцент Саратовского института социального образования (филиала) РГСУ. Родился в 1940 году в г. Саратове, окончил филологический факультет государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и аспирантуру. Более 30 лет работал в областных органах и учреждениях культуры и искусства. За свою творческую и педагогическую деятельность награждён знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу», знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», почётной грамотой губернатора Саратовской области и др.

а правление Саратовской организации Союза художников согласилось выделить под неё часть помещения художественного фонда на ул. Рахова, 134.

Наконец 8 октября 2003 года состоялось торжественное открытие галереи имени В. О. Фомичёва. Много добрых слов было сказано в этот день о заслуженном художнике России В. О. Фомичёве и его супруге. После открытия картинной галереи Мария Петровна признавалась: «Я выполнила долг перед Василием Осиповичем и перед его родным городом». Но она неустанно продолжала работать над сохранением его творческого наследия. Подготовила и издала на свои средства 18 буклетов, альбомов и книг о жизни и творчестве Василия Осиповича, спонсировала создание видеofilmа «Звезда Василия Фомичёва», передала галерее новую вывеску и необходимое оборудование.

К сожалению, как любит говорить Мария Петровна, «не всё так хорошо в наших Палестинах». Галерея всё чаще пустовала, предоставляя картины на различные временные и передвижные выставки, а 1 апреля 2008 года закрылась совсем. За экспонирование картин В. О. Фомичёва нужно было перечислять владельцу помещения арендную плату, которая ни в прежнем договоре, ни в смете не предусматривалась.

Вскоре городская мэрия и комитет по культуре нашли нового содержателя художественной галереи В. О. Фомичёва – музей Н. Г. Чернышевского. На его усадьбе незадолго до этого был восстановлен бревенчатый сруб, так называемый флигель Эдемовых, который и приспособили под выставочное помещение. Здесь 10 сентября 2008 года торжественно открытой выставкой «Волжские просторы в живописи Василия Фомичёва» продолжила свою деятельность прежняя Художественная галерея.

С первых дней существования галерея пользовалась завидной популярностью у горожан и гостей Саратова. Её посещали учащиеся школ, средних и высших учебных заведений, рабочие и служащие, интересующиеся искусством, научная и творческая интеллигенция и, конечно, художники. Свои восторженные благодарственные отклики в книге отзывов галереи оставили многие посетители, в том числе Народный артист России В. Краснов, президент антикризисного управления «Стабильность» В. Филиппенко, начальник отделения МВД РФ А. Маслов, председатель комитета по культуре г. Саратова В. Егоров, директор галереи «Эстетика» В. Ракчев, Народный артист СССР О. Табаков, а также почитатели таланта художника В. О. Фомичёва из разных городов России и других стран.

Сегодня Художественная галерея имени В. О. Фомичёва живёт полноценной и полезной жизнью. Здесь регулярно проводятся встречи художников и любителей искусств разных поколений, лекции, беседы, экскурсии, консультации, мастер-классы и открытые уроки. И всё это на фоне сменяющихся экспозиций картин и этюдов большого мастера. В годовщины рождения и памяти В. О. Фомичёва сюда приходят родные, близкие и почитатели его таланта. И это происходит потому, что память о большом художнике бережёт его преданная супруга М. П. Фомичёва.

Мария Петровна родилась 6 января 1923 года в селе Малиновка Татищевского района Саратовской области. Окончила в 1941 году общеобразовательную школу в Саратове, успешно сдала экзамены в юридический институт. Но началась Великая Отечественная война, и она вместо учёбы пошла работать на 614-й завод, который выпускал противотанковое оружие. Всю войну трудилась у станка на заводе, стойко перенося трудности и лишения военного лихолетья. Работать приходилось в две смены, по двенадцать часов, особенно тяжело давались ночные бдения.

На заводе и познакомилась она в 1944 году с наладчиком из 4-го цеха Василием Фомичёвым. В 1946 году они поженились. В этом же году Мария поступила на исторический факультет Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского, а Василий продолжил учёбу в художественном училище. После окончания университета Мария Петровна была принята учителем истории в мужскую среднюю школу № 20, где проработала 25 лет. А Василий, окончив живописное отделение Саратовского художественного училища, до конца дней своих живописал наши волжские просторы, достопримечательности и славных обитателей земли саратовской. Не обходился он в своих этюдах и портретах и без светлого образа жены, но подписывал их скромно, безвестно: «Женщина во ржи», «Читающая на солнце», «Портрет учительницы, ветерана труда»...

Прожив 46 лет с мужем, Мария Петровна всю жизнь была его первым советчиком, другом, первым зрителем. Трудно ли быть женой большого художника? Она считает, что нетрудно, скорее – интересно. Она всегда жила интересами мужа, его творчеством. И в поездках по стране была с ним, даже на мотоцикле «Урал» путешествовала, и на лодке-гулянке по Волге, и всегда бывала на выставках, где экспонировались его картины.

С 1992 года, после смерти мужа, Мария Петровна посвятила себя увековечиванию и пропаганде его богатейшего творчества. В книге «Наследие Фомичёва служит Отечеству», изданной в 2010 году, Мария Петровна признавалась: «Василий Осипович Фомичёв оставил богатейшее творческое наследие. Моё решение – передать картины в музеи. Что я и сделала: передала в краеведческий музей г. Вольска 72 работы, в музей краеведения г. Саратова – 12 работ, в музей краеведения г. Энгельса – 12 работ, в Татищевский музей – три работы, в Художественную галерею им. В. О. Фомичёва – 200 работ, в Радищевский музей – 14 работ, в Музей боевой славы – три работы, в Самойловский краеведческий музей и Дворец культуры – 7 работ, в Художественное училище им. А. П. Боголюбова – три работы, в Базарно-Карабулакский художественный музей – 16 работ».

Узнав, что в городе Сочи будут проводиться зимние Олимпийские игры, М. П. Фомичёва решила безвозмездно передать и туда несколько картин и этюдов, написанных её супругом в ноябре 1971 года. Встретив на своём пути трудности, Мария Петровна обратилась в администрацию Президента РФ и реализовала свой проект. Теперь 13 работ Василия Фомичёва украшают залы Сочинского краеведческого музея. «Я верю, Василий Осипович одобрил бы мой поступок. Это в его характере!» – говорит Мария Петровна.

В начале 2018 года Марии Петровне Фомичёвой исполнилось 95 лет. С этой значительной годовщиной её поздравили Президент РФ Владимир Путин, губернатор Саратовской области Валерий Радаев, глава муниципального образования «Город Саратов» Михаил Исаев. В созданной ею Художественной галерее, в которой открылась выставка женских портретов В. О. Фомичёва «Есть женщины в русских селеньях...», собрались родные, близкие и почитатели таланта художника, чтобы поздравить эту самоотверженную, славную женщину с днем её рождения, с Новым годом и искренне пожелать ей доброго здоровья, светлого настроения, душевного тепла и благоденствия.

Михаил
МУЛЛИН

О других шестидесятниках и... счастливом детстве

Владимир Вардугин. «Шестидесятые».
Саратов. «Новый Ветер». 2017.

Думаю, эта книга, вышедшая при финансовой помощи Запада, войдёт в Золотой фонд саратовского краеведения. В предисловии автор по скромности называет её документальной повестью. На мой же взгляд, книга представляет собой сборник блестящих очерков, читающихся не как повесть, а, определённо, как роман, главный герой которого – Время. То время – шестидесятых. А ещё – народ. И... детство автора. Причём «народ» – это не натяжка, потому что, во-первых, в каждой из шестидесяти восьми рассказанных историй сборника по несколько «действующих лиц» – так что всего их, может быть, не меньше, чем в эпопее Л.Н. Толстого. А во-вторых, люди-то эти **очень** разные как по социальному статусу, так и по характерам (ярко прописанным) и по виду деятельности.

Книгу Вардугина стоит прочесть, если вы:

- хотите окунуться в атмосферу шестидесятых;
- подвержены приятным приступам доброй ностальгии по **настоящему** прошлому;
- не знаете, но хотите узнать, «как это было»;
- и ещё потому, что в книге кто-то прочтёт (есть ещё такие!) про себя или про своего папу (маму, деда и т.д.).

В теперешних книгах, журналах и телевоспоминаниях утвердилось понятие «шестидесятники». Оценки их вклада в жизнь страны, правда, неоднозначны и порой расходятся диаметрально. Люди более «продвинутые» иногда ссылаются и на шестидесятников позапрошлого века – тоже, впрочем, расходясь во мнениях о них. Но Владимир Вардугин представил нам **других** шестидесятников: не разочарованных в «оттепели» (позволившей им, однако, «прогреть» на всю стра-

ну и далеко за её пределами), а тех, кто служил Отечеству, делу, людям не за страх, а за совесть, и ездил «за бугор» не за одобрением, премиями и грантами, а с риском для здоровья и жизни. Для бескорыстных героев повествований Владимира Вардугина слова песни «...жила бы страна родная...» не были «фигурой речи».

Скажем, герой уже первого повествования «Танго космонавтов» – капитан медицинской службы Борис Васильевич Федотов, с одной стороны, человек «неподдающийся» (тяжёлым обстоятельствам), а с другой – принимавший жизненные сюрпризы (с кавычками и без) с мудрой благодарностью. Он всегда умел скорректировать течение жизни и выбрать вариант поведения, позволяющий жить с наибольшей пользой... для других!

Между тем он спас много жизней не только врачеванием, а тем уже, что ещё **до** возможной авиакатастрофы (по причине так называемого человеческого фактора) успевал перепрофилировать пилотов на другие профессии. И спасал этим не только самих лётчиков, но и их экипажи, и пассажиров. А ещё... фантастически дорогую технику, то есть значительные государственные финансовые средства, как ныне сказали бы, «деньги налогоплательщиков».

А до этих славных дел учёный Федотов был рядовым во время Великой Отечественной войны. Тогда он встретил прекрасно вооружённых фашистов огнём... старых пушек 1905 года выпуска, с деревянными колёсами. И ведь весьма удачно «встретил»!

К тому ж Борис Васильевич не только «суровый солдат» и «сухарь-учёный», но и творчески вполне одарённый в гуманитарных сферах – писал замечательные

рассказы и музыку и издал сборник своих песен. Однако, чтобы жила страна родная, пренебрегая амбициями, «наступал на горло собственной песне»!

Можно утверждать, что книга «Шестидесятые» – «о людях хороших» – других для Владимира Ильича Вардугина, похоже, на свете и не существует. Ну, в том смысле, конечно, что он по-маяковски «таких не хочет даже вставить в книжку»!

«Встретив» в сборнике множество своих знакомых, я увидел их отчасти в другом свете, так сказать, с другой стороны. Мне яснее представились научной-гражданские заслуги профессора и прекрасного человека Владимира Даниловича Кузьмина, открылись гражданские поступки писателя Ивана Михайловича Корнилова при выполнении его «спецзадания» на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Хельсинки; приятно поразило и обрадовало, что замечательный поэт и человек Павел Булгин когда-то уступил выделенную ему по праву новую квартиру... многодетной семье! (Многие ли на это способны? И вообще... найдутся ли такие люди сейчас?!)

«Шестидесятые» – это и книга о счастлимом детстве автора и его сверстников. Оказывается, счастье детства вовсе не в крутых байках и возможности (для подавляющего меньшинства, правда) посетить «берег турецкий» (тогда он детям был не нужен), где «всё включено», и подхватить вредоносных бацилл в пляжном песочке Анталы, тем более не в электронных сигаретах, а в возможности гордиться **своей** страной, радоваться её (именно её!) прорывам в космос или в решении социальных проблем, в ощущении безопасности в школе, где и вообразить нельзя было учащегося-выродка, расстреливающего учителя и одноклассников, и дома, где и помыслить не могли об угрозах колллектора или ужасах применения ювенальной юстиции.

Однако вернёмся к главному герою романа в очерках, ко времени шестидесятых. Ныне, когда ёрническая ирония по отношению к истории нашей родины даже в либеральных СМИ не в чести, время это предстаёт героическим. Представлено оно временем грандиозных свершений и светлых надежд. А люди тогда были отнюдь не «совками» и обманутыми «винтиками режима», а творцами и, безусловно, личностями. Именно в те годы, скажем, в Саратове был построен мост через Волгу (между прочим, тогда самый длинный в Европе, что трудно соотносится с идеей-клеимом «застоя»). Прочитав Вардугина: «...годы детства. Годы, пришедшиеся на благословенные (здесь и далее выделено мною. – М.М.)

1960 годы. По-моему, самое счастливое время для нашей страны: боль от войны постепенно утихала, жизнь налаживалась, а главное – верилось, что впереди только хорошее... Смерти же для меня тогда не было – детство бессмертно!»

А ещё... было **то** время... с «человеческим лицом» – хотя бы по той причине, что ратные и даже трудовые подвиги (это без натяжки) люди совершали по патриотическим соображениям. И кроме материального было тогда (увы, неслыханное ныне!) **моральное** стимулирование. И оно было действенным!

Привлекает в книге множество редких фотографий, репродукций открыток, плакатов.

А теперь – об упомянутой в первом же предложении интригующей «помощи Запада»... Это один из немногих случаев, когда Запад помог в России не Остапу Бендеру, а изданию **полезной для России** патриотической книги. Запад, правда, представляет Валентина Михайловна Тархова, проживающая в Каракасе (Венесуэла), но имеющая, так сказать, саратовские корни. Её отец – Михаил Владимирович Тархов, родившийся в Саратове в 1913 году, – создатель венесуэльской энергетики. Сама же Валентина Михайловна известна многим саратовцам тем, что написала и издала (для саратовцев и за свой счёт) несколько книг: сказок и очерков о заграничной жизни вынужденных русских эмигрантов. Она-то и выделила значительную часть средств на издание «Шестидесятых». Остальные Вардугин добавил из своей пенсии. Есть ли среди обеспеченных русских патриоты? Есть, за границей! Есть ли богатые патриоты внутри России? Возможно. Но денег на издание хорошей русской книги пока, насколько мне известно, никто из них не «отспонсировал».

Как отмечает Владимир Ильич, все его документальные повести – о людях земли саратовской. Вот она – **настоящая** краеведческая и социально значимая литература!

А ведь «люди земли саратовской» бывали и на Кубе (во время Карибского кризиса, грозившего переходом в мировую войну), и воевали во Вьетнаме. Саратовцы спасали подводные лодки и... мир от войны, имели прямое отношение к открытию космической эры (не только в качестве космонавтов), принимали исторические решения (например, в качестве делегатов XXII съезда КПСС). Добровольцами уходили воевать за интересы Родины и являлись горячими бойцами – победителями холодной войны.

Читая роман в очерках, я вспомнил размышления и светлые мечты времён социализма о замечательных «людях будущего»

и понял, что эти люди в... прошлом! У них нужно учиться.

«И я начал поиск, — пишет автор книги, — отыскав многих и многих «шестидесятников», воспринимавших события, в центре (меня несказанно обрадовало, что не в «эпицентре», как пишут и говорят теперешние журналисты, поголовно не зна-

ющие, что такое «эпицентр»! — М.М.) которых они оказались, не отражёнными телеэкраном и не препарированными пропагандой, а так, как они происходили на самом деле... Их рассказы, свободные от идеологических шор... — бесценные свидетельства эпохи».

И с этим нельзя не согласиться.

Михаил
МУЛЛИН

Наш человек в Петербурге

Светлана Фёдорова. Взрослые сказки: Рассказы. — СПб: «Геликон Плюс», 2013. — 240 стр.

Читая эту книгу — сплошное удовольствие. Причём удовольствие многослойное: одновременно — эстетическое (тексты, «без дураков», приятно-художественны), моральное (вкус автору не изменяет, а позиция и оценки окружающего — культурны и отличаются добротой), интеллектуальное (книга, несмотря на молодость автора — или как раз благодаря ей? — на редкость умна, но от этого ничуть не занудна, не раздражающе назидательна), душевное, пожалуй, и духовное — Фёдорова, кажется, вполне тактично затрагивает «зареальные» сферы. А ещё этот сборник рассказов поучителен. Даже и для более чем взрослых. Для меня, во всяком случае, он стал именно таковым. И мне ничуть не стыдно в этом признаться! Скорее — отраднo.

Потому что об издании можно сказать: **молодо и зрело!**

Да и широта авторских интересов и жанрового диапазона впечатляет и заслуживает безусловного уважения.

В аннотации к книге сообщается, что «Взрослые сказки» — это исповеди реальных людей, переживших нестандартные жизненные ситуации... готовых поделиться сокровенным» и что цель издания — «помочь людям высказаться и посмотреть на свой опыт другими глазами». Автор называет сборник «чрезвычайно пёстрым» и справедливо надеется, что «возможно, кто-то (из читателей. — М.М.) узнает себя, кто-то не поверит в их (новелл. — М.М.) правдивость, а кто-то просто улыбнётся».

Для таких ожиданий есть все основания.

Однако... это вовсе не сборник интервью, не журналистика — конкретные истории художественно переработаны и обобщены так, что стали литературными произведениями. По сути, автором **созданы**, точнее, воспроизведены человеческие типы и нарисованы образы **своих** литературных героев.

Если «мысль изреченная есть ложь», то во «лжи» «взрослых сказок» — несомненно, как и в сказках вообще (по Пушкину) — **есть** намёк. А точнее, не намёк, а... всё здесь правда. Может быть, не буквальная, но художественная.

Светлана Фёдорова творит своих героев как художник — до их зримости, а можно сказать: как ваятель — так, что их можно рассмотреть со всех сторон. И при этом не перегружает текст ненужными второстепенными «детальями» внешности. Автор их именно **творит**, создавая, прежде всего, то, что у героев (чаще — героинь) внутри. Характеры населяющих книгу людей убедительны, люди — живы. По Станиславскому, можно бы о них (как и о нарисованных ситуациях) легко и искренне сказать: «верю!»

(Кстати, внезапно возникшая отсылка к великому режиссёру, наверно, не случайна: Светлана Фёдорова, как оказалось, и драматург. Спектакль по её пьесе шёл в Большом театре! И фильмы по её сценариям снимаются. Причём за пределами Саратова она давно уже признана настолько, что пишет драматические произведения вовсе не на авось, не «в стол», а по заказу

известнейших продюсеров. И это не удивительно, так как в созданном ею **есть что играть!** Удивительна как раз «выпуклая зримость» придуманных Фёдоровой персонажей. Даже многие рассказы – уже сценичны, кинематографичны.)

Ну разве можно не обратить внимания, не запомнить героиню, в начале рассказа «Бомба» представленную так: *«Расстёгнутое пальто, в котором девушка быстрым шагом шла навстречу, обжигало вечерний город малиновой подкладкой. Внутри всё горело... её не смогло остудить даже ноябрьский холодный воздух и ледяной дождь, переходящий в снежные царапины по открытому сердцу?»!*

В книге молодой писательницы (да простится мне это неправильное слово – по отношению к столь женственной и молодой особе использовать нормативное «писатель» в мужском роде рука не поднимается!) восхитает несколько неожиданные знание реальной жизни во всех её проявлениях. Тонкий психологизм вызывает не только уже обозначенное выше доверие, но и горячий интерес к повествованию. Этому, впрочем, способствует редкий дар строить сюжеты «из ничего». Чтение захватывает настолько, что трудно его прервать, даже если необходимо куда-то уйти или, скажем, пора спать.

Представляя читателю созданных её воображением людей, Светлана Фёдорова и даёт яркие картины, и, так сказать, ставит диагноз обществу, и (ничуть не назидательно) анализирует современные «достижения» в экономике, социальной сфере, культуре, образовании, нравственности. Не чурается «проклятых вопросов», что вообще-то говорит не только об авторской ответственности, но и о том, что Россия для неё не «эта страна», а «страна моя, или наша». Ни богемяность, ни снобизм не оторвали её от народа и его проблем. И это опять-таки позволяет надеяться на значительность творчества Фёдоровой и в будущем. Скажем, в рассказе «Цирк» легко и непринуждённо показывается, к какому вожделенному рынку, некогда обещавшему автоматически всех сделать счастливыми, мы пришли – и, выходит, «построили» мы не рынок, а «базар», точнее даже... не рынок, а «цирк – да и только!»

Или ещё открытие. Уж сколько лет, помнится, критика советского времени призывала прозаиков к созданию образа положительного героя! В наши дни к этому уже не призывают, да и призывать некому. Героями нашего времени надёжно стали бандюганы, рэкетеры, путаны да наркоманы. И вот, пожалуй, в книге «Взрослые сказки» – рассказ «Фотография», где показан нам не только положительный герой,

но даже и целая **нормальная** семья. Более того, несколько семей, ибо у детей образовались свои семьи. Так сказать, русская мини-сага!

И, кстати, если уж есть у Фёдоровой героини... с «нехорошими чертами» (иногда очень непривлекательными), то они, с одной стороны, не героизируются и в пример для подражания не ставятся, а с другой – они и не обличаются – автор не судья, а любящий художник. А вот поступки или эти самые «черты» разоблачаются. При сочувствии к их носителям. Таков, например, рассказ «В алгоритме алко-ритма», где жертвой алко-голя (не вполне невинной) стала представительница искусства и носительница высокого вкуса, интеллекта. И это – тоже, увы, современная жизнь.

Прежде Светлана Фёдорова писала и издавала стихи. И это замечательно, потому что и в прозе с поэзией она не распрощалась. Яркая образность, метафоричность, неожиданные и свежие сравнения и порой даже ритмизация под тот или иной стихотворный размер (не от желания блеснуть умением, а потому что это невольно просыпается в поэте, перешедшем на прозу) очень часто украшают текст, как бы «облагораживая презренную прозу».

Приведу для иллюстрации утверждения несколько наугад взятых «стихотворных» строчек из рассказов сборника: *«Три дня прошли на виногрете», «Растирая виски и оставшийся сон», «Метель вставала в рост, гуляя... (продолжение здесь, хоть и с отказом от ритмизации, но не менее поэтическое, развивающее образ) ночным стражником по городу и приставая с допросом к редким прохожим», «Уже не убивали пробки», «Запах свежескошенной травы», «В вечернем городском пространстве на ветках улиц, иногда прямых», «Щедрое тепло советской батареи», «Мне кажется, что я не выплыву никогда», «Пришла весна и день рождения», «Он хороший, только пьяный», «Дарить цветы, оплачивать коктейли», «Погрузила её в свой малиновый джип» (это же петь можно!). И всё это воспринимается отнюдь не как остаточные следы юношеского увлечения, но, напротив, как обещание нового взлёта в поэзии.*

Рассказы изобилуют афористической краткостью, точностью и ёмкостью «формулировок»: *«Любовь не выдержала испытания деньгами»; «Женщины не любят проигравших настолько, что даже добиывают их презрением дома. Невыносимая лёгкость XXI века»; «Только лошади всё понимают без слов. Они гораздо лучше и благороднее людей»* (что в рассказе

и оказалось правдой); «Шок тем и хорош, что не даёт волю эмоциям», «При жизни людям крест не ставят», «Время шло, не смотря на слёзы».

Язык у Светланы Фёдоровой вообще очень хорош и образен: «Весна наступала огромными каблуками по ещё ледяному городу», «Ободранный баннер беззвучно хлопал крыльями на ветру, как попугай одноглазого Флинта, который не мог взлететь вместе с птицей из-за железной ноги», «Перламутровая луна лезла круглой головой в ночную комнату», «Слишком много луны».

А речь героев книги вполне персонифицирована, что ныне даже и у раскрученных авторов встречается не часто.

Легко (лихо!) Фёдорова «расправляет» со штампами. Фортуна у неё может не просто улыбнуться, а «улыбнуться голливудской улыбкой», а герой – в иронической характеристике – «светился от счастья ярче солнца».

У неё, как правило, очень удачные названия новелл, зачастую как бы выстреливающие, вроде чеховского «ружья из первого акта»: «Девочка», «Ключи от Сбербанка», «Биотуалет», «Настройщики», «Икра», «Белый танец», «Детский мир», «Окно», «Приступ нежности». Они «интригуют», от них ждёшь сюжетного «подвоха». Они не скучны.

Включены в книгу и чудовищно страшные рассказы, например, «Няечка». Однако это не развлекательно весёлая страшилка, не игра в мистику на потребу желающих пощекотать нервы, а приглашение порассуждать (и умом, и душой) об ответственности перед людьми, совестью и Богом. О грехе. О дьявольском соблазне «помочь людям», не спрашивая их мнения на этот счёт, не дожидаясь просьбы. Действия героини – это попытка бросить вызов Творцу и в самоуверенной гордыне **по-своему решить**: «кто я – тварь дрожащая или право имею». Этакая «добрая» старушка, присвоившая себе право решать «быть или не быть»... за других! В том числе за тех, кто своего мнения и сказать не может, ибо ещё не только не знает языка, но иногда ещё и не родился или только что родился. «Няечка» – «милейшее» соединение Шатова, Ставрогина и Смердякова!

(Постановка вопроса далеко не праздная, если учесть, что в современной России не «няечкой» даже, а профессиональными «врачами» **законно** в год убивается абортами пять миллионов нерождённых, не совершивших никаких преступлений детей – больше, чем в любой год Великой Отечественной войны.)

И мы называем себя цивилизованным народом?! И, впадшие в прелесть, не превратились ли мы в «няечек»-убийц? Как тут не вспомнить стихотворение А. С. Пушкина в том смысле, в каком Ф. М. Достоевский применил его в качестве эпиграфа к роману: «В поле бес нас водит, видно...»?

Серьёзность разговора с читателем не исключает оригинального юмора Фёдоровой. Иногда герои (и автор) «юморят» и там, где вроде бы совершенно уж не до шуток. Вот, например, описание (к счастью, без натурализма) родов:

«— Поздравляю, у вас девочка...»

— Пупок красивее завяжите.

— Бантиком? — рядом дежурил острый анестезиолог. — Можем сразу и пирсинг сделать!»

Рисковая Фёдорова допускает иногда даже что-то вроде (неприемлемого, вроде бы, для меня) чёрного юмора. Но... чудо: если это и чёрный юмор, то он явно не **тёмный**! «Чёрный» юмор Светланы Фёдоровой – одновременно добрый юмор, светлый юмор, ибо не размазывает героя, как грязь по забору, но исправляет его «черноту», как хирург, отсекающий отмершую ткань от тела.

Однако строгий читатель моих рассуждений может усомниться в их абсолютной объективности – дескать, не может же в прозе молодой писательницы всё быть таким совершенным! Стало быть, чрезмерно восторженный рецензент намеренно скрывает её промахи. Ну что ж, раз, так сказать, «читатель ждёт уж рифмы «роза», то бишь хочет «крови» Светланы Фёдоровой, то... «ну что ж, возьми её скорей!»

Да, имеются во «Взрослых сказках» формулировки, которые, на мой взгляд крохобора, можно бы уточнить. Написано, скажем: «...не решаясь произнести ни звука». Думается, если уж «произнести», то «ни слова», а если «ни звука», то «издать». Ещё неудачное: «...засыпая в этой кровати, ей казалось, что...» Разве не напоминает это классическое чеховское «Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа»? Один из героев книги «**открывает бутылку**», хотя бутылку лучше бы **откупорить**! Однако на фоне многого хорошего не слишком хочется замечать подобные мелочи, как при свете солнца обычно не замечают грошовую свечку.

Талант и профессионализм автора несомненны. Все поступки героев психологически мотивированы. Реплики и реакция на происходящее правдивы, обоснованны, соответствуют ситуации и характерам конкретно этих героев. Вообще психологизм тончайший! И образы **рисуются** (вот она – художественность настоящей прозы!) как в голограмме. Лжи или натяжки, как

и облегченности решения творческой задачи, в сборнике нет. Создаваемые образы «препарируются» до клеточек, до атомов. Так, например, труднейшее решение принимает Роман в рассказе «Выбор»: кому остаться в живых – ему самому или **любимой** жене. И он решает дилемму в «свою пользу»! То есть, увы, как раз не в свою – так как на глазах разочарованного читателя мелькает и самоуничтожается как личность, отказывается от благородства, проявляет жалкий эгоизм, продемонстрировав нравственную слабость. Или низость. Ну что ж, жизнь как жизнь, люди как люди...

Кстати, в этом относительно крупном, по сравнению с другими, произведении также присутствует мистика, **но** с точки зрения правдивости характеров и поступков реализма здесь больше, чем во многих нынешних произведениях **так называемого** реализма! И в этом, по сути, трагическом рассказе вполне к месту оказался фёдоровский юмор. Не стану цитировать текст, скажу лишь, что ситуация напоминает «чукотский» анекдот с концовкой: «А потом снял лыжи». И это так мило! Потому что не скабрёзность, а описание несомненной любви. Позднее, правда, преданной...

Роскошен философски-притчевый рассказ «Зеркало». Чудо. И по идее – «морали», и по прорисовке (песа и героя). Изумителен рассказ «Возвращение», где мужчина и женщина (почти до ощущения живые) как бы поменялись «гендерными» ролями. И это, увы, теперешняя жизнь! Как сказано у Светланы Фёдоровой: «*Вот и весь мужчина...*» А с другой стороны, задумываешься: не Вика ли сама «слепила из того, что было» **такого** Гришу? Или всё-таки она, женщина, и есть «лучший мужчина»? Не о ней ли сказано: «Я и лошадь, я и бык / Я и баба, и мужик»? Или о ней другое – восхищённое: «Есть женщины в русских селеньях...»? Есть о чём поразмыслить. **Но**, в любом случае, характер потрясающий! Хотя для нас важнее не сам характер, а то, как убедительно он написан...

Очень хорош рассказ «Сон»: прочтёшь – и узнаешь себя, и разведёшь руками: и «се ля ви», и... «суета сует»! Прекрасно эссе (так хочется обозначить жанр этого произведения) «Призраки» с его философскими обобщениями и красотой языка. Да вот процитирую «кусочек» из него:

«Имея непобедимую привычку раскрашивать людей, подбирать им пейзажи и музыку, я посвятила ему закат. А именно, он был для меня прекрасным сухим деревом с корявыми ветками, которые фантастически смотрятся на фоне красного неба и вишнёвых лучей. В этом аскетичном пейзаже не выживет простая берёза и потеряются цветы». Здесь автор одновременно и философ, и поэт.

Книга «Взрослые сказки» мудра. Она даже, наверное, полезна в утилитарном, прикладном смысле – как психотерапия и эстетически художественно развивающая. Чего стоит совет из неё: «*Если смотреть на этот мир не глазами, а сердцем, то возникает желание всех обнять, погладить по голове и сказать, что скоро всё пройдёт*». Ну, не кажется ли вам, что и вас добрая Светлана Фёдорова погладила по голове? Не успокоила ли? Не сняла ли «внутреннее напряжение»?

А вот ещё позитивное сообщение, способное кому-то улучшить восприятие жизненных неурядиц: «*...каждой потерей и мучительным чувством скорби очищается разум, и душа становится более совершенной*».

С особым удовольствием отмечу, что Фёдоровой прекрасно удаются образы детей – показатель душевной чуткости, тонкости, любви и понимания! Ребёнок у неё – всегда личность. И всегда (что справедливо) прекрасен.

Хорошо, что замечательная книга нашенькой писательницы издана в Санкт-Петербурге. Но... обидно и досадно, что не вышла она в Саратове. Не нашлось у местных богатых людей денег на замечательную книгу. Хотя... давайте радоваться и гордиться: как-никак признан **наш человек в Санкт-Петербурге** – в культурной столице!

**Наталья
ПАНТЕЕВА**

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВАВИЛОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Н.И. Вавилов за подготовкой к лекции. Саратов. 1917 г.

1

Имя Н. И. Вавилова (1887–1943) – крупнейшего учёного-биолога, ботаника, агронома, растениевода, генетика – широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. В насто-

-
- Наталья Михайловна Пантеева родилась 1949 году в Саратове. Окончила биологический факультет СГУ. С 1975 года работает в Саратовском областном музее краеведения: сначала была научным сотрудником отдела природы, затем стала заведующей отделом. В сферу интересов входит изучение и распространение знаний об особенностях природы Саратовской области, истории Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания, формирование экологической культуры населения, создание коллекций. С 1977 года занимается сохранением памяти и увековечиванием имени Н.И. Вавилова.

ящее время о его жизни, деятельности и научных достижениях написано множество книг, воспоминаний, созданы документальные и художественные фильмы. Его имя носят дикие и культурные растения, ледник на Памире, небесные тела, пароходы, научные учреждения, улицы в ряде городов России. Год 100-летнего юбилея Н. И. Вавилова, 1987-й, был назван ЮНЕСКО Годом Вавилова.

В январе 2018 года исполнилось 75 лет со дня его трагической гибели. Сто лет назад, весной 1917 года, Н. И. Вавилов приехал в Саратов.

В каталог «Николай Иванович Вавилов. Коллекция материалов из собрания Саратовского областного музея краеведения», изданный накануне 130-летнего юбилея учёного, вошли подлинные свидетельства о жизни и деятельности Вавилова, музейные материалы его учеников и коллег, хранящиеся в музее. Коллекция немногочисленна, но любой подлинник, связанный с жизнью учёного, бесценен. Часть материалов впервые вводится в научный оборот. Фотографии, документы, научные труды переданы в музей его учениками, коллегами или их родственниками и рассказывают о научной, педагогической, общественной деятельности Вавилова и его окружения в Москве, Саратове и Ленинграде.

Родился Николай Иванович в Москве 13 (25) ноября 1887 года. Здесь он прожил тридцать лет, получил образование, начал заниматься научной работой. В полной мере его талант исследователя и организатора научной деятельности раскрылся в ленинградский период жизни (с 1921 по 1940 год).

Так было определено судьбой, что Саратов занял особое место в биографии выдающегося учёного. С нашим городом Вавилова связывают менее пяти лет, две полярно противоположные страницы его жизни.

Первая страница – с 1917 по 1921 год – три с половиной года плодотворной работы. Исследователям известны слова академика П. М. Жуковского: «Именно в саратовский период, хотя он был и коротким, взошла звезда Н. И. Вавилова-учёного». Именно здесь он состоялся как исследователь мирового уровня. В саратовский период им был написан ряд крупных научных трудов: «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости», «Линнеевский вид как система», «Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства», «Закономерности в развитии живого мира», «О происхождении гладкоостных ячменей», «К познанию мягких пшениц», «О генетической природе озимых и яровых растений» (в соавторстве с Е. С. Кузнецовой), завершена монография «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям».

Н. И. Вавилов принял участие в создании саратовской сельскохозяйственной школы. Сначала он работал преподавателем кафедры частного земледелия Высших сельскохозяйственных курсов, основанных в 1913 году Саратовским обществом сельского хозяйства, в 1918–1921 гг. был профессором Саратовского университета; в эти годы курсы были реорганизованы в Саратовский сельскохозяйственный институт, который входил в состав университета как агрономический факультет.

Избранный в 1917 году помощником заведующего отделом прикладной ботаники и селекции Сельскохозяйственного учёного комитета Наркомзема, Н. И. Вавилов создал в Саратове филиал этого отдела. В трудные годы становления советской власти, в сложный политический и экономический период Н. И. Вавилов вместе с учениками и помощниками развернул под Саратовом широкую экспериментальную работу в области генетики, селекции и по изучению иммунитета сельскохозяйственных растений.

Именно в Саратове учёный открыл знаменитый Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который имеет общебиологическое значение.

С докладом о Законе Н. И. Вавилов выступил на организованном им в июне 1920 года III Всероссийском съезде по селекции и семеноводству. На съезде он был назван «Менделеевым в биологии». В 1917 году во вступительной лекции «Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства» в курсе частного земледелия Н. И. Вавилов сформулировал, по его выражению, «Credo» агронома-ботаника – программу по наиболее продуктивному использованию растительного мира планеты, заключающуюся в решении триединой задачи: изучение всей дикой и культурной флоры мира и создание (благодаря селекции) «рукотворных растительных форм».

В саратовские же годы Н. И. Вавилов приступил к исполнению этой программы. В 1920 году им была организована экспедиция по изучению культурной флоры Юго-Восточного региона России (Самарская, Саратовская, Царицынская, Астраханская губернии). В 1922 году, уже в ленинградский период, в качестве регионального отчёта о проделанной работе им был опубликован очерк «Полевые культуры Юго-Востока» с эпиграфом-посвящением Саратовскому краю: «Солнечному, знойному, суровому краю настоящей и будущей агрономии Юго-Востока как дань за несколько лет приюта и гостеприимства посвящает этот очерк Автор».

Однако не только научные, но и общественные, и личные стороны жизни Н. И. Вавилова тесно связаны с Саратовом. Он состоял членом Саратовского общества естествоиспытателей и любителей естествознания, входил в состав его совета, участвовал в заседаниях, выступал с научными докладами. Был одним из организаторов Саратовского отделения Русского Географического общества, Ботанического общества Юго-Восточного края и Областного музея.

В саратовские и в последующие годы он находился в постоянном контакте со многими саратовскими естествоиспытателями, учёными и селекционерами: П. П. Подъяпольским, В. С. Елпатьевским, Д. Э. Янишевским, В. С. Богданом, Г. К. Мейстером, Б. Х. Медведевым, В. П. Бушинским, Н. М. Тулайковым, В. Р. Заленским, В. Н. Мамонтовой, А. П. Шехурдиным, Н. А. Тюмяковым, Н. Г. Мейстер, Н. А. Сахаровым, Р. Э. Давидом, другими сотрудниками Саратовского университета, Саратовского СХИ и Саратовской сельскохозяйственной опытной станции.

В 1918 году родился его старший сын от первого брака, Олег, который в 1920-е годы жил вместе с родителями в Саратове. В Саратове Н. И. Вавилов встретил свою любовь. Е. И. Барулина, дипломница и аспирантка Н. И. Вавилова, ученица созданной им саратовской сельскохозяйственной школы, впоследствии коллега, доктор сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник лаборатории генетики ВИР, в 1926 году стала его женой.

С Саратовом связана и последняя, трагическая страница жизни учёного. В годы сталинских репрессий по ложному обвинению Н. И. Вавилов, действительный член АН СССР, почётный академик 14 иностранных академий и научных обществ, был объявлен врагом народа, 6 августа 1940 года арестован, 9 июля 1941 года приговорён к высшей мере наказания. В связи с началом Великой Отечественной войны для исполнения приговора вместе с другими заключёнными Бутырской тюрьмы 29 октября 1941 года был доставлен в Саратов. Более года он содержался в тюрьме № 1 УНКВД (в 1942 году приговор был заменён двадцатью годами тюрьмы), где умер от истощения 26 января 1943 года. На Воскресенском кладбище города он нашёл последнее пристанище. Точное место захоронения неизвестно.

В 1955 году Н. И. Вавилов был посмертно реабилитирован. После принятия в 1965 году Президиумом Академии Наук СССР постановления о сохранении научного наследия, увековечивании имени и праздновании юбилейных дат Н. И. Вавилова, в преддверии 80-летия со дня его рождения, в Саратовском областном музее краеведения началось формирование коллекции, посвящённой жизни и деятельности учёного и его окружения.

Открытие мемориальной доски на здании техникума электронных приборов в связи с переименованием улицы Михайловской и присвоением ей имени Н. И. Вавилова. 1969 г.

В. С. Чекрыгина, заведующая отделом природы, основательница коллекции. 2007 г.

Комплектование коллекции материалов проходило поэтапно, что было связано с созданием выставок к юбилейным датам учёного. Инициатором создания коллекции является В. С. Чекрыгина (1921–2013), заведующая отделом природы (работала в музее в 1954–1971 гг.). Ей удалось в течение 1967–1968 гг. собрать немало подлинных документов, фотографий, научных трудов Н. И. Вавилова: в Москве у его друга и коллеги Ф. Х. Бахтеева, писателя М. А. Поповского, сына учёного – Ю. Н. Вавилова; в Ленинграде – у Н. Р. Иванова, А. И. Мордвиновой, коллег Н. И. Вавилова по ВИРу; в Саратове – у В. Е. Булычёвой и К. Г. Прозоровой, бывших слушательниц Высших сельскохозяйственных курсов, у других учеников, соратников и последователей учёного.

В 1969 году В. С. Чекрыгина стала автором первой выставки «Н. И. Вавилов – учёный-селек-

ционер». Ею же в начале 1970-х годов был подготовлен к публикации каталог Вавиловской коллекции. В неё вошло 252 предмета. В их числе были не только подлинники, но и копии материалов, полученные из собраний архивов разных научных учреждений и из частных архивов. Однако работа не была опубликована.

В конце 1970-х годов, в ходе подготовки выставки «Жизнь и деятельность Н. И. Вавилова», к 90-летию со дня рождения, к работе по комплектованию коллекции подключилась Н. М. Пантеева, старший научный сотрудник, позднее – заведующая отделом природы. Были получены новые материалы у В. Е. Бульчёвой и К. Г. Прозоровой, учениц Н. И. Вавилова. В музейную коллекцию поступили их студенческие билеты, оттиски научных работ: К. Г. Прозоровой «Нут» и Е. И. Барулиной «К вопросу о перезимовке озимей» с дарственной надписью.

К. Г. Прозорова рассказала о годах учёбы и работы под руководством Н. И. Вавилова в Саратове и Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Просила передать молодёжи, чтобы гордились нашим гениальным соотечественником, изучали и знали его научные достижения, старались быть на него похожими. Воспоминаниями о встречах с Н. И. Вавиловым поделились также В. Н. Мамонтова, известный саратовский селекционер, заведующая лабораторией яровых пшениц НИИ СХ Юго-Востока, и С. Т. Казак, бывший студент агрономического факультета Саратовского университета.

По свидетельству В. Н. Мамонтовой, в 1920 году Н. И. Вавилов приходил на Саратовскую опытную станцию вместе с 2,5-летним сыном Олегом. Отец держал сына поперёк тела одной рукой. Мальчик болтал ножками, и, по словам Валентины Николаевны, было видно, что «счастливы оба».

С. Т. Казак вспомнил, как летом 1921 голодного года с однокурсниками собрался в поездку в Среднюю Азию к родственникам с единственной целью – подкормиться. Узнав об этом намерении, Н. И. Вавилов организовал экспедицию с их участием в Туркестан, дал поручение привезти образцы возделываемых там зерновых культур.

А. Б. Белоглазова, главный библиограф Областной детской и юношеской библиотеки имени А. С. Пушкина, родственница Н. А. Тюмякова, передала в дар музею фотографии и научные труды Г. К. Мейстера, его дочери Н. Г. Мейстер и Н. А. Тюмякова, её мужа. Известные саратовские селекционеры, создатели ржано-пшеничных гибридов, работали вместе с Н. И. Вавиловым на Саратовской сельскохозяйственной опытной станции и состояли с ним в дружеских отношениях в последующие годы.

А. Б. Белоглазовой были подарены и реликвии семьи Тюмяковых. Е. И. Барулина-Вавилова в августе 1941 года после ареста Николая Ивановича вместе с сыном Юрием переехала к родственникам в Саратов, не зная о том, что Вавилов находится в этом же городе. Тюмяковы помогли им необходимыми вещами, в том числе одолжив посуду, которая в то время была дефицитной. Часть предметов при использовании была разбита. В августе 1945 года, перед возвращением из Саратова в Ленинград, Е. И. Вавилова купила на базаре тарелки и отдала их взамен разбитых. Именно они бережно хранились в семье Тюмяковых и затем поступили в собрание музея.

Л. А. Хинчук, племянница А. Г. Хинчук, бывшей студентки Саратовских высших сельскохозяйственных курсов, ещё одной ученицы и дипломницы Н. И. Вавилова, впоследствии его коллеги и соратницы по ВИРу, предоставила сначала временно, на выставку, некоторые материалы из архива своей тётки. Позднее архив А. Г. Хинчук был передан ею в музей на постоянное хра-

нение. Это подлинные фотографии и документы, свидетельствующие о научных контактах Вавилова и его ученицы.

Ценность представляют материалы, связанные с Саратовом. В их числе фотография дома по ул. Радищева, 35 (в настоящее время не сохранился), где проживал Н. И. Вавилов, а также известная фотография, сделанная летом 1918 года на поле учебной фермы Высших сельскохозяйственных курсов в окрестностях хутора Оппоково. На ней – Н. И. Вавилов, приехавший в Саратов профессор МСХИ Д. Н. Прянишников, сотрудники и практикантки опытной станции, в их числе В. Р. Заленский, Д. Г. Виленский, Н. В. Петровский, В. П. Бушинский, Б. А. Петров, и студентки сельскохозяйственных курсов (на переднем плане – А. Г. Хинчук).

Сохранилось командировочное удостоверение А. Г. Хинчук, направлявшейся в 1920 году на курсы в Петровскую сельскохозяйственную академию (МСХИ), заверенное Н. И. Вавиловым, заведующим ОПБиС. В удостоверении об окончании ею в 1921 году агрономического факультета Саратовского университета указана тема её дипломной работы: «*Triticum dicoccum Schrank. v. ruspurum Al. x Triticum vulgare Vill. v. Lutescens*». Научным руководителем дипломной работы был Н. И. Вавилов.

А. Г. Хинчук впоследствии стала учёным-агрономом, генетиком и селекционером. Она написала тёплые воспоминания о своём учителе и наставнике. В материалах, переданных А. Г. Хинчук, имеется машинописный текст воспоминаний, где она с благодарностью пишет о помощи, которую оказал ей Н. И. Вавилов.

В период работы Хинчук над дипломом Н. И. Вавилов вместе со своей студенткой буквально ползал на коленях по полянкам «определяя на глаз и на ощупь степень опушённости гибридов». В 1921 году он помог ей в срок завершить дипломную работу, предоставив возможность заниматься по вечерам в лаборатории агрофака. Дело в том, что в начале 1920-х годов свет в городе по вечерам отключали, горели только «коптилки», но кабинет Н. И. Вавилова и лаборатория перед кабинетом, называемая студентами в шутку «предвавильником», были освещены электричеством с разрешения горсовета. Ранее, в 1921 году, когда она тяжело болела тифом, Н. И. Вавилов спас ей жизнь: выписывал для неё молоко с учебной фермы.

В 1920 году А. Г. Хинчук вместе со своим учителем была участницей двух всероссийских съездов: знаменитого III съезда по селекции и семеноводству в Саратове и I съезда по прикладной ботанике в Воронеже. В её архиве хранятся входной билет № 36 от 4 июня 1920 года для участия в работе саратовского съезда с автографом Н. И. Вавилова и командировочное удостоверение от 17 сентября 1920 года на воронежский съезд за подписью декана агрономического факультета Саратовского университета В. П. Бушинского.

До поступления материалов А. Г. Хинчук в коллекции музея находился единственный документ ленинградского периода жизни Н. И. Вавилова. Он был подарен музею Ю. Н. Вавиловым, сыном учёного, в конце 1960-х годов. Это декларация от 2 августа 1930 года на временный въезд Н. И. Вавилова в г. Итака (США) по приглашению Корнеллского университета для участия в Международной конференции по сельскохозяйственной экономике.

В архиве А. Г. Хинчук есть документы, косвенно рассказывающие о жизни и деятельности Н. И. Вавилова в 1930-е годы. К этому времени Вавилов – уже крупный учёный, признанный международным научным сообществом, академик, первый президент ВАСХНИЛ и директор ВИР. Документы, бережно хранимые А. Г. Хинчук, а после её смерти – родственниками, свидетель-

ствуют, что и в ленинградский период жизни Н. И. Вавилова она была рядом со своим учителем.

А. Г. Хинчук с 1926 по 1938 год работала в ГИОА (Государственном институте опытной агрономии), ВИПБиНК (Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур) и в ВИРе (Высшем институте растениеводства). Была сотрудником нескольких отделов: отдела прикладной ботаники, отдела полевых культур, отдела генетики, отдела гербария культурной флоры и, наконец, отдела кормовых культур.

В 1928–1936 гг. А. Г. Хинчук вместе с Н. И. Вавиловым была участницей крупных научных форумов, состоявшихся в Ленинграде: в 1928 году – III Всесоюзного съезда ботаников (членский билет А. Г. Хинчук № 622), в 1935-м – Всесоюзного совещания по селекции и семеноводству кормовых культур. На фотографии участников совещания – А. Г. Хинчук вместе с Н. И. Вавиловым и Е. Н. Синской, руководителем отдела кормовых культур ВИР. В 1932 году А. Г. Хинчук получила персональное приглашение на VI Международный генетический конгресс в США, но не участвовала в нём. Выезд за границу был разрешён только двум делегатам, одним из них был Н. И. Вавилов, избранный вице-президентом конгресса.

В декабре 1936 года А. Г. Хинчук принимала участие в знаменитой 4-й сессии ВАСХНИЛ, на которой достигло апогея противоборство двух направлений в отечественной биологии – генетического, которое отстаивал Н. И. Вавилов, и мичуринского, которое возглавлял Т. Д. Лысенко. Приглашенный билет, имеющийся в её архиве, свидетельствует, что сессия была посвящена итогам экспериментальных работ по выведению новых сортов культурных растений и новых пород сельскохозяйственных животных.

С докладами выступали видные отечественные и зарубежные учёные: профессор Г. Д. Мёллер, академики А. С. Серебровский, Н. И. Вавилов, Т. Д. Лысенко, научные работники, селекционеры, оригинаторы. А. Г. Хинчук не выступала, но в числе других научных работников готова была выступить с докладом «Новое в селекции эспарцета». Тема сообщения обозначена в списке её научных трудов с припиской, что это тезисы её «доклада на сессии ВАСХНИЛ 1936 года, утверждённые дирекцией ВИР».

В архиве Хинчук сохранилась адресованная ей как бригадиру группы учёта отдела кормовых культур инструкция производственного сектора местного комитета ВИР «Всем производственным совещаниям всех отделов и групп ВИРа» за 1932 год. Документ ярко характеризует время, даёт представление о напряжённой обстановке в институте в начале 1930-х годов, когда на Н. И. Вавилова заводится уголовное дело и собирается «компромат». Над деятельностью института усиливается контроль, учащаются проверки и критические нападки, позднее последуют увольнения и аресты сотрудников.

В инструкции отмечалась «слабая читаемость» научными сотрудниками института специальной и марксистско-ленинской литературы и предлагался ряд мер «по решительной и непримиримой борьбе с подобным порядком вещей». Местком, обращаясь к общественно-производственному активу, призывал «покончить с примиренческим попустительством в деле овладения наукой в выполнении чётких указаний вождя партии». «Перефразируя известное положение тов. Сталина, – говорится в инструкции, – мы должны сказать, что научный работник, прячущийся от литературы за «объективные трудности», загруженность от 10 до 5 часов, – анекдот, а не научный работник». В целях «изжития подобного недопустимого положения, в корне противоречащего указаниям XII Партконференции, ЦК ВКП (б) и тов. Стали-

на об овладении наукой и техникой, и поднятия вопроса читаемости литературы на принципиально-политическую высоту во всех уголках института» предлагалось организовать с 1 января 1932 года учёт читаемости графически «и на базе этого учёта развернуть соцсоревнование и ударничество в области освоения литературы».

В конце 1980-х годов коллекция вновь обогатилась ценными поступлениями. В преддверии 100-летия со дня рождения Н. И. Вавилова, которое отмечалось в 1987 году во всех странах мира, в музее была создана передвижная выставка «Жизнь и деятельность Н. И. Вавилова». На ней были представлены новые материалы о трагической участи великого учёного.

Тогда же заведующей архивом ВНИИР имени Н. И. Вавилова Т. К. Лассан были переданы музею подлинные документы по обеспечению участников III Всероссийского съезда по селекции и семеноводству в Саратове продуктами питания, с пометками и автографами Н. И. Вавилова: справка, квитанция, талон на приобретение четырёх пудов ржаного хлеба, 1,5 пудов свежей рыбы и 10 фунтов кофе, расписка агронома В. П. Осипова в получении им денег за работу по организации «продовольствия» для участников съезда.

В. И. Стуков, доцент Саратовского сельскохозяйственного института, член комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова РАН, заведующий кабинетом-музеем Н. И. Вавилова (создан в 1987 году), передал в СОМК подлинную фотографию начала 1920-х годов Е. Н. Синской, бывшей студентки ПСХА (Поволжской сельскохозяйственной академии), ученицы и коллеги Н. И. Вавилова по Московской селекционной станции (в будущем – коллеги по ВИРУ и единомышленницы).

В 1990-е годы в музейную коллекцию поступили воспоминания о Н. И. Вавилове саратовцев В. П. Савина и Н. М. Паржина. Каждый из них в своё время соприкоснулся с этой незаурядной личностью и на всю жизнь сохранил память об этом замечательном учёном и человеке. В. П. Савину, студенту Ленинградского СХИ, в 1927–1928 гг. во время прохождения курса по селекции посчастливилось слушать лекции Н. И. Вавилова, заведующего кафедрой селекции и семеноводства. «Во всём облике Н. И. Вавилова, – пишет В. П. Савин, – чувствовалась сила учёного с большой эрудицией и практическим знанием биологии, генетики, селекции и семеноводства. Он знал эти предметы в совершенстве. Вместе с тем он был общителен и прост со всеми его окружающими людьми». В. П. Савин отмечает содержательность лекций, насыщенность специальными научными терминами. Студентам, «чтобы в них разобраться... приходилось просматривать много дополнительной литературы».

Н. М. Паржин познакомился с Н. И. Вавиловым в камере саратовской тюрьмы в конце октября 1941 года, когда прибыл «бутырский этап». Постоянно голодного подростка Н. И. Вавилов покорила мужеством и силой духа, поскольку объявил голодовку в знак протеста на отказ в просьбе выдать бумагу и карандаш для работы.

«Позже в лагерях я видел очень много горя и страданий человеческих, издевательства, смерти моих друзей, – пишет Н. М. Паржин, – но этот поступок на всю жизнь оставил в моём сердце неизгладимый след. Вавилов угасал на глазах. Лицо стало лимонно-серым, глаза ввалились, нос заострился, губы потрескались... Он ослаб окончательно... Вскоре он не мог самостоятельно вставать, и мы помогали ему подняться... Как-то в разговоре Вавилов сказал о Саратове: «Хороший город, и люди здесь добрые... Я ведь работал здесь двадцать лет тому назад. Не думал никогда, что вновь приеду на Волгу в «телятнике». Воспоминания Н. М. Паржина были положены режиссёром

А. А. Прошкиным в основу постановки сцены в тюрьме в художественном фильме «Николай Вавилов».

В 2013 году, в год столетнего юбилея Саратовского ГАУ имени Н. И. Вавилова, Н. С. Орлова, профессор кафедры селекции и семеноводства (в 1982–1991 гг. – заведующая), передала в дар музею сделанную в 1950 годах копию фотографии участников III селекционного съезда. Фото досталось ей от её учителя и предшественника, профессора СХИ Я. А. Шнайдермана.

Раритетные документы пополнили фонды музея в 2015 году, в канун празднования 95-летия открытия Н. И. Вавиловым Закона гомологических рядов в наследственной изменчивости. Через ведущего сотрудника Государственного архива Саратовской области М. Н. Шашкину из Санкт-Петербурга лицом, пожелавшим остаться неизвестным, были переданы рабочие тетради Н. И. Вавилова 1908–1918 гг. (общая тетрадь и восемь записных книжек). Часть из них являются полевыми журналами, в том числе саратовского периода его жизни.

В рукописях содержится различная информация, касающаяся учёбы, общественно-организационной и научно-исследовательской работы Н. И. Вавилова в годы его студенчества в МСХИ, во время заграничной стажировки в Англии, Франции и Германии, в период завершения высшего образования и начала самостоятельной педагогической и научной деятельности в Саратове. В книжках имеются вложения: растительные объекты – листья, семена, цветки, а также негативы, корешки телеграфных отправок, библиотечные требования.

Музей искренне благодарит всех, кто оказал неоценимую помощь в формировании и научной обработке уникальных материалов коллекции: Ю. Н. Вавилова, В. И. Стукова, А. Б. Белоглазову, А. Б. Амусина, М. Н. Шашкину, неизвестного дарителя из Санкт-Петербурга, Н. В. Рязанцева, Т. Б. Авруцкую, М. Е. Раменскую, А. П. Панкратову.

2

Формированием Вавиловской коллекции автор статьи, в то время старший научный сотрудник отдела природы Саратовского областного музея краеведения (СОМК), начала заниматься в 1976 году, через год после прихода на работу в музей. Из сельскохозяйственного календаря на 1977 год, который целевым путём был направлен по отделам музея для составления годового плана работы, стало известно о приближающейся круглой дате – 90-летию со дня рождения Н. И. Вавилова. К этому времени мне было известно об имеющейся в музее коллекции материалов о Н. И. Вавиллове, собираемой В. С. Чекрыгиной, прежней заведующей отделом природы, в течение 10 лет, в период подготовки ею выставки «Н. И. Вавилов – учёный-селекционер» к 80-летию со дня его рождения.

Родилась идея: в развитие традиции провести дополнительный сбор материалов и создать вторую выставку, посвящённую 90-летию Н. И. Вавилова. Однако, к моему удивлению, администрация музея эту идею не поддержала. Мне было заявлено, что в музее уже была экспонирована прекрасная выставка о Н. И. Вавиллове, и поскольку он не является нашим земляком, то, если мы не сделаем выставку к его очередной дате, нас за это никто не поругает.

Я окончила биологический факультет СГУ в 1972 году и хорошо помнила, как в сентябре 1970-го мне, секретарю комсомольской организации факультета, в деканате сообщили о грядущей установке памятника учёному на саратовском Воскресенском кладбище. Нам, студентам 4-го курса,

как раз начали читать генетику, в лекциях имя Н. И. Вавилова было упомянуто пару раз. Никто из подруг не выразил желания пойти на открытие памятника, не пошла и я. Мы ничего не знали о судьбе Н. И. Вавилова и в целом о сталинских репрессиях. Ни в одной из исторических дисциплин об этом не говорилось. Парадокс: выросшая в семье, которую тоже коснулись репрессии, я буквально до перестройки не ведала об истинных причинах и масштабах этого явления.

Возложение венков к памятнику Н. И. Вавилу на Воскресенском кладбище. 1970 г.

Прочитав в сельскохозяйственном календаре очерк о научных достижениях и открытиях академика Н. И. Вавилова, в том числе в саратовские годы, я остро осознала значимость заслуг этого выдающегося учёного XX века. Почувствовала угрызения совести, что в своё время не пошла на открытие памятника. Постепенно пришло убеждение, что выставку о жизни и деятельности Н. И. Вавилова сделать непременно нужно.

В те годы комсомольцами в преддверии очередной годовщины Октябрьской революции принимались комсомольские социалистические обязательства. Мною было принято обязательство: создать «вавиловскую выставку». Неизвестно, как бы разворачивались события дальше, но руководство музея вскоре пригласили в обком КПСС (или облисполком) для обсуждения письма из комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н. И. Вавилова в АН СССР. В письме содержалось предложение о проведении юбилейных «вавиловских» торжеств в Саратове. Планировалось также проведение в Саратове выездного пленума Всесоюзного общества генетиков и селекционеров (ВОГиС) им. Н. И. Вавилова. Руководители музея на заданный вопрос об участии в мероприятии ответили, что в музее готовится большая стационарная выставка. Мне был дан «зелёный свет».

Во время подготовки выставки произошло знакомство с А. Б. Белоглазовой, сотрудником Областной детской библиотеки им. А. С. Пушкина, позд-

нее – с В. И. Стуковым, доцентом СХИ, членом комиссии по сохранению и разработке наследия Н. И. Вавилова. Они ввели меня в тему, рассказали о некоторых учениках и соратниках учёного в Москве, Ленинграде, Волгограде и Саратове, дали их адреса, сами неоднократно (а В. И. Стуков постоянно) передавали в Вавиловскую коллекцию музея материалы, связанные с сохранением памяти о великом учёном.

Были обследованы собранная В. С. Чекрыгиной коллекция и научный архив музея. Выяснилось, что созданию первой выставки предшествовала большая собирательская работа.

Судя по двум сохранившимся в научном архиве музея ответным письмам, В. С. Чекрыгина обращалась и к известному писателю и журналисту М. А. Поповскому (1922–2004), автору известной книги «Дело академика Вавилова». Книга была издана в 1983 году за рубежом и лишь в 1990 году переиздана в нашей стране. Предисловие к ней написал А. Д. Сахаров, академик и видный правозащитник. В одном из писем, от 14 сентября 1969 года, М. А. Поповский обещал встретиться с В. С. Чекрыгиной, помочь советом, «как следует... музею рассказать о великом учёном», в другом – от 20 ноября 1969 года – желает успеха и замечает, что «экспозиция о Н. И. Вавилове должна выйти на удивление всем. Как говорил Николай Иванович: «Должен выйти шедевр. Дерзайте!»

В конце 1990-х годов произошло моё знакомство с В. С. Чекрыгиной, а в 2007 году встреча с ней у неё дома в Москве. Воспоминания Веры Степановны были записаны на диктофон. По свидетельству В. С. Чекрыгиной, инициатором сбора коллекции материалов и создания выставки, посвящённой 80-летию со дня рождения Н. И. Вавилова, была она сама. Директор музея М. И. Малышева её поддерживала, командировала в Москву и в Ленинград на встречу с бывшими соратниками, коллегами и учениками Н. И. Вавилова. Как выяснилось, В. С. Чекрыгина знала о массовых репрессиях не понаслышке (её отец по ложному доносу в 1937 году был арестован и пропал без вести). О трагической судьбе Н. И. Вавилова ей было известно уже с конца 1940-х годов.

Как рассказывала Вера Степановна, она ушла из аспирантуры, поступила на работу. Жила в то время по адресу: ул. Вольская, 66. Около дома были складированы брёвна, на них по вечерам соседи собирались и вели беседы. Однажды она поделилась печалью по поводу незавершения обучения в аспирантуре, на что подсевший к ней сосед К. Тмарлаков, надзиратель саратовской тюрьмы, заметил: «Зачем тебе эта учёба? Работай и радуйся. Вот у нас недавно умер в тюрьме учёный, академик Вавилов...» Осёкся и замолчал. А утром встретил её и спросил: «Ты молчать умеешь?» Она ответила, что умеет, и молчала долгие годы. По свидетельству Тмарлакова, он «ухаживал» за Вавиловым, носил ему в камеру смертников еду и бумагу. По его словам, еду Н. И. Вавилов никогда не спрашивал. Принесут – поест. А вот бумагу просил и быстро расходовал – много писал, хотел закончить какой-то свой научный труд. Надеялся, что его издадут. Тюрьма была холодной. Руки и ноги Н. И. Вавилова были замотаны тряпьем. Сам он был опухшим.

В. С. Чекрыгина в конце 1960-х–начале 1970-х годов собрала ценные подлинных материалы: документы, фотографии, научные труды у бывших студентов Высших сельскохозяйственных курсов – В. Е. Булычёвой и К. Г. Прозоровой, повествующие и о деятельности в Саратове их учителя и наставника Н. И. Вавилова. С помощью музейного фотографа А. Лукьянова ей удалось своевременно зафиксировать празднование в Саратове 80-летия со дня рождения учёного, а также 50-летия открытия Н. И. Вавиловым Закона гомологических рядов в наследственной изменчивости, в том числе открытие перво-

го памятника Н. И. Вавилову на Воскресенском кладбище Саратова 25 сентября 1970 года.

Приехавшие на открытие памятника гости – Б. Л. Астауров, академик, председатель ВОГиС им. Н. И. Вавилова (Всесоюзное общество генетиков и селекционеров), А. Д. Букштынов, чл.-корр. ВАСХНИЛ, лауреат Государственной премии, А. И. Атабекова, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Ю. Н. Вавилов, бывшие сотрудники ВИР М. М. Якубцинер, Ф. Х. Бахтеев, А. И. Мордвинкина, Н. Р. Иванов, К. В. Иванова и М. А. Шебалина – были участниками юбилейной конференции в Саратовском СХИ, посвящённой 50-летию открытия Н. И. Вавиловым Закона гомологических рядов. На другой день, 26 сентября, они посетили СОМК и оставили благодарственный отзыв сотрудникам музея за создание выставки о великом учёном.

В начале 1970-х годов В. С. Чекрыгиной был составлен и подготовлен к печати каталог Вавиловской коллекции. В 1972–1973 годах планировалось его издание, но не состоялось. На тот период в составе коллекции было всего 252 предмета.

В конце 1970-х годов для создания выставки к 90-летию со дня рождения Н. И. Вавилова я была направлена в Самарскую область, на Кинельскую опытную станцию, ближайший опорный пункт Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства им. Н. И. Вавилова (ВНИИР), где посчастливилось увидеть, как возобновляется знаменитая «ВИРовская» коллекция. На поле, состоящем из множества аккуратных делянок, размером 1 м x 1 м, были высеяны сорта зерновых культур из разных стран мира. В результате для демонстрации вавиловского закона гомологических рядов на одном из выставочных планшетов были собраны разные сорта пшеницы и ячменя, в т. ч. черноколосые и чернозёрные, привезённые Н. И. Вавиловым из Эфиопии.

В преддверии 90-летнего юбилея Н. И. Вавилова выставка «Жизнь и деятельность академика Н. И. Вавилова» была торжественно открыта в двух свободных залах отдела природы. На её открытии присутствовали и выступали А. И. Атабекова, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, и учёные из Саратовского СХИ – профессор М. И. Голубев и доцент К. Н. Алексеевский, обучавшиеся в начале 1920-х на агрофаке СГУ и слушавшие лекции Н. И. Вавилова.

Выставку посетили и участники праздничных Вавиловских торжеств в Саратове, видные учёные – генетики и селекционеры из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Уфы, Харькова, а также из Азербайджана, Казахстана и Армении. В числе почётных гостей были Н. П. Бочков – президент ВОГиС им. Н. И. Вавилова, чл.-корр. АМН СССР, А. А. Прокофьева-Бельговская – чл.-корр. АМН СССР, В. И. Иванов – председатель Московского отделения ВОГиС, академики И. Д. Мустафаев и Г. З. Бияшев, В. Х. Хангильдин, М. М. Асланян, Р. А. Удачин – сотрудник ВИР, Л. В. Катин-Ярцев – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник Сибирского НИИ сельского хозяйства и ученик Н. И. Вавилова; Ф. Х. Бахтеев, А. И. Атабекова, В. А. Крупнов – известный саратовский селекционер, Ю. Н. Вавилов – сын учёного и другие.

В 1987 году во всех странах мира отмечалось 100-летие со дня рождения Н. И. Вавилова, которое совпало с начавшейся в нашей стране перестройкой. Этот год Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (Юнеско) был объявлен Годом Н. И. Вавилова.

В СХИ был создан кабинет-музей Н. И. Вавилова, на агрономическом факультете была учреждена Вавиловская стипендия. В Вавиловскую кол-

лекцию СОМК из архива ВНИИР им. Н. И. Вавилова поступили ксерокопии писем из переписки 1917–1919 гг. Н. И. Вавилова, старшего преподавателя Саратовских высших сельскохозяйственных курсов, и Р. Э. Регеля, заведующего отделом прикладной ботаники и селекции Сельскохозяйственного учёного комитета Наркомзема РСФСР. Поступили также фотокопии документов об аресте Н. И. Вавилова из следственного дела № 1500 и ксерокопия доносного письма Г. Н. Шлыкова, старшего научного сотрудника отдела новых культур ВИРА, на Н. И. Вавилова, директора института.

А. Б. Амусиным, редактором журнала «Степные просторы», заведующим отделом земледелия и растениеводства (ныне известный саратовский писатель и журналист) были переданы ценные документы, свидетельствующие о последних днях жизни и трагической смерти Н. И. Вавилова в саратовской тюрьме.

В журнале «Степные просторы», редакция которого находилась в Саратове, в рубрике «У истоков отечественной науки» А. Б. Амусиным в течение 1988–1989 годов публиковались воспоминания многих учёных-аграриев, работников сельского хозяйства, лично знавших Н. И. Вавилова. Александр Борисович провёл собственное расследование о последних днях жизни Николая Ивановича в саратовской тюрьме. Ему удалось поработать с тюремным архивом, найти живых свидетелей и заснять на камеру свидетельства «очевидцев» заключения учёного, вскрытия и захоронения его тела на саратовском Воскресенском кладбище. Итогом его расследования явился очерк «Вечный иск». Номера журнала с 6 по 12 за 1989 год, в которых был опубликован очерк, поступили в коллекцию.

По сценарию А. Б. Амусина в народной студии «Спектр» техникума им. П. Н. Яблочкова (ныне колледж) был снят любительский хроникально-документальный фильм «Киносоната» (новое о судьбе Н. И. Вавилова). Авторы кинофильма получили звание лауреатов за 1989 год на Всероссийском конкурсе любительских фильмов в Самаре и Всероссийском фестивале детских и юношеских фильмов в Рязани, фильм был приобретён музеем у авторов и переснят на видеокассету.

29 ноября 1990 года в музее был организован вечер памяти Н. И. Вавилова «Жизнь для науки», в котором приняли участие В. И. Стуков, А. Б. Белоглазова, А. Б. Амусин. Были приглашены студенты и преподаватели сельскохозяйственного техникума. Присутствовала дочь судмедэксперта З. Ф. Резаевой, проводившей в тюрьме вскрытие тела учёного (Зоя Фёдоровна умерла незадолго до этого мероприятия). Демонстрировался фильм «Киносоната», где запечатлена беседа А. Б. Амусина с тюремным надзирателем Игнатьевым, с З. Ф. Резаевой и Н. П. Злобиной, поделившейся воспоминаниями об отдельном захоронении Н. И. Вавилова.

Неожиданным гостем оказалась З. А. Нестеренко, сторож саратовского Воскресенского кладбища, привлечённая развешанными по городу афишами. Она рассказала, что в 1970 году у памятника Н. И. Вавилову перед его открытием она была свидетельницей разговора З. С. Ивановой, коменданта кладбища, с Е. П. Девской, проживавшей на территории кладбища. Последняя сказала, что ухаживает за такой же могилой на участке № 26, что на могиле табличка с такой же надписью. По просьбе коменданта показала её. Комендант кладбища, ничего не сказав, молча повернулась и ушла. Вскоре Нестеренко увидела, что табличка на ней отсутствует. Могила стояла обезличенной 20 лет.

Выступая в музее, Зоя Алексеевна высказала предположение, что, возможно, это она в 1943 году написала табличку, потому что в годы ВОВ она помогала отцу, работнику кладбища, художнику, даже по ночам писать мно-

гочисленные таблички воинам, умершим в саратовских госпиталях. Поэтому в перестроечное время по своей инициативе она восстановила утраченную табличку. Зоя Алексеевна обещала написать об этом воспоминания, но скоропостижно скончалась.

В 1993 году произошло знакомство с В. П. Зубановой, родной сестрой Н. П. Злобиной, проживавшей в одном из домов на территории Воскресенского кладбища. Она подтвердила факт существования могилы на участке № 26, на которой стояла табличка с фамилией и годами жизни Н. И. Вавилова.

В 1980–1990 годы идея о создании в Саратове памятного мемориала Н. И. Вавилову буквально витала в обществе. В эти годы по поручению администрации неоднократно приходилось писать справки в разные партийные и советские инстанции, в которых обосновывались предложения о создании в нашем городе отдельного мемориального музея Н. И. Вавилова, филиала СОМК. Но они хранили молчание.

В сентябре 1989 года в областной партийной газете «Коммунист» была опубликована статья «Быть ли музею Н. И. Вавилова в Саратове?» с призывом к общественности поддержать идею о создании в нашем городе Вавиловского музея. На эту статью поступило всего два (и то противоречивых) отклика. М. Е. Раменская, учёный секретарь комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н. И. Вавилова, написала, что «Комиссия приветствует и поддерживает пожелание организовать широкую экспозицию, посвящённую Н. И. Вавилову». Поскольку город «является центром агрономической науки России», то «экспозиция могла бы послужить ядром для организации городского музея истории сельскохозяйственной науки» и что подобное предложение члены комиссии ранее уже посылали в городской отдел культуры, но ответа не получили.

Отрицательный отклик жителя Саратова И. В. Веселова, «ветерана партии, войны и труда», напечатанный на машинке, был предельно кратким: «Незачем тратить народные деньги на мёртвых, сооружать им богатые памятники, музеи...» По его мнению, «главное в наше время – забота о живых, а не выражение эмоций мёртвым – обиженным».

В начале 1990 года в ответ на очерк А. Б. Амусина и статью в газете «Коммунист» пришло трогательное письмо от Н. Ф. Сивковой, бывшего агронома из Красноармейского района, переданное из редакции журнала «Степные просторы». В письме содержалось предложение создать достойный памятник Вавилову на конкурсной основе и установить его на берегу Волги, а для сбора средств на памятник открыть счёт в банке.

В июне 1991 года в Саратове на базе Института проблем агропромышленного комплекса РАН были проведены 2-й съезд Международной ассоциации учёных аграрников и Международная конференция аграрных реформ в СССР. В их работе принимало участие более 200 делегатов, среди которых 19 иностранных учёных из 8 стран мира. В работе съезда и конференции участвовал и академик А. А. Никонов, президент ВАСХНИЛ.

Участников конференции, в т. ч. иностранных гостей, как водится, привели в краеведческий музей. Как мне передали позднее, коллеги познакомили их с культурой и историей края, провели для них этнографическое мероприятие и обзорную экскурсию по музею. Во время экскурсии гость из Канады, узнав, что «великий Вавилов» похоронен в Саратове, заявил, что не уедет, пока не положит цветы на его могилу. Мне было поручено показать место предполагаемого захоронения учёного, но где оно находится, я тогда не знала. Поэтому обратилась к А. Б. Белоглазовой за помощью.

В назначенный день мы долго стояли с цветами у памятника Н. И. Вавилову на кладбище, но никто не появился. Подойдя к «легендарной» могиле

Н. И. Вавилова, чтобы положить цветы, мы поняли, почему сюда не привезли иностранных гостей. Могила была не прибрана, завалена мусором и спиленными ветками. Однако вскоре после этого события, видимо, на другой же день, по свидетельству А. Б. Белоглазовой, ставшей провожатой, могилу всё же посетил сам Президент ВАСХНИЛ, академик А. А. Никонов. Вскоре 1 июля 1991 года состоялось заседание Президиума ВАСХНИЛ, выписка из решения которого была прислана Т. К. Лассан, заведующей архивом ВНИИР им. Н. И. Вавилова. В решении, подписанном А. А. Никоновым и академиком В. П. Шишковым, главным учёным секретарём Президиума ВАСХНИЛ, рекомендовано, в том числе руководству НИИСХ Юго-Востока, Саратовскому СХИ, «привести место захоронения и памятник Н. И. Вавилову в подобающее цивилизованному обществу состояние», а также «обратиться ко всем научным коллективам страны принять участие в сборе средств на сооружение достойного имени Н. И. Вавилова памятника и инфраструктуры вокруг него», «в 3-месячный срок подготовить предложения по созданию мемориала, посвящённого Н. И. Вавилову – первому Президенту ВАСХНИЛ». Фотографии «легендарной» могилы, приблизительного места захоронения учёного, сделанные в разные годы, и выписка из решения Президиума ВАСХНИЛ присутствуют в коллекции.

Прошло не менее 5 лет, пока дело сдвинулось с мёртвой точки. За год до празднования 110-летнего юбилея Н. И. Вавилова мемориальная плита на предполагаемом месте его установки была разбита. После обращения в управление культуры Саратова с вопросом, когда же будет установлен памятник, услышала в ответ: «О каком памятнике вы говорите, у города нет денег». А я: «А вот саратовский скульптор К. С. Суминов продолжает вавиловскую тему, и у него имеется около 10 вариантов памятника, и, как он говорит, возведение памятника из мраморной крошки будет стоить недорого». Мне в ответ: «Вы нашу систему знаете. Пишите письмо». Письмо в короткий срок было написано, директором одобрено, на собрании коллектива музея зачитано и по его поручению отправлено руководителю городского управления культуры П. А. Земцову. Затем в установленном порядке письмо поступило в мэрию, а в начале 1997 года – в приёмную губернатора.

По распоряжению Д. Ф. Аяцкова, оперативно был организован 2-й областной конкурс скульпторов на лучший памятник Н. И. Вавилову. Свои эскизные проекты представили на выставке в Художественном фонде города все ведущие саратовские скульпторы: Г. А. Тугушев, В. Н. Ощепков, Д. Ф. Манжос, И. П. Елин, Н. В. Бунин, В. А. Пальмин, А. А. Щербаков, О. Д. Болдырева, но больше всех – К. С. Суминов. Все проекты будущего памятника были сфотографированы и поступили в музейную коллекцию.

Комиссия во главе с министром сельского хозяйства Б. З. Дворкиным посчитала проектом-победителем работу К. С. Суминова – фигура в рост Н. И. Вавилова на пшеничном поле с колосьями пшеницы в руках. Автору статьи первой посчастливилось увидеть этот памятник в готовом виде ещё в мастерской скульптора, в Энгельсе. Эскизный макет памятника передал в музей после смерти К. С. Суминова его сын, В. К. Суминов. Константин Сергеевич Суминов при жизни передал в дар музею вырезанный из кости мамонта скульптурный портрет Н. И. Вавилова, а также видеофильм с видеосюжетами о конкурсе скульпторов и открытии памятника.

В 2002 году в Саратове произошло знаменательное событие – присвоение имени Н. И. Вавилова СОШ № 66 Саратова. Кружковцами этой школы, расположенной в посёлке Юбилейный, под руководством Е. В. Аристарховой, учителя истории, был собран большой краеведческий материал о великом учёном. Установлено, что школа расположена приблизительно на том месте,

где некогда находилось поле Саратовского филиала отдела прикладной ботаники и селекции, созданного Н. И. Вавиловым. Здесь он вместе со своими дипломниками проводил научные исследования по генетике, селекции и иммунитету сельскохозяйственных растений. Около школы была заложена памятная тополявая аллея. Состоялась школьная научно-практическая конференция, в настоящее время она традиционно проходит в школе и именуется «Мы – будущее XXI века». Все гости расписались на скатерти, покрывавшей стол президиума. Ныне скатерть и другие экспонаты, рассказывающие об этом событии, находятся в школьном музее. В этом же году в школе возникло движение «Юные вавиловцы». В настоящее время оно подхвачено и в других учебных заведениях города и отображено в музейной коллекции.

В 2006 году, в преддверии 120-летнего юбилея Н. И. Вавилова, был показан хроникально-документальный фильм «Триста шагов по окружности», снятый на Саратовской Нижневолжской студии кинохроники (автор О. Яковлева).

В ноябре 2009 года на встрече представителей саратовской общественности с Ю. Н. Вавиловым в Областной детской библиотеке им. А. С. Пушкина учитель истории и краевед СОШ № 55 Саратова Ю. Ю. Давыдова рассказала очередную легенду об отдельном захоронении Н. И. Вавилова. По её словам, эту историю, являющуюся их семейной тайной, ей поведала мать, Л. И. Давыдова, а ей, в свою очередь, её мать – В. С. Манякина. Видеокассета с фильмом и CD с записью воспоминаний Л. И. Давыдовой поступили в Вавиловскую коллекцию СОМК.

В этом же году в честь 170-летия Русского географического общества (РГО), а также в преддверии организации в Италии Всемирной выставки «ЭКСПО-2015» под лозунгом «Накормить планету», на телеканале Россия 1 по заказу РГО был создан фильм «Николай Вавилов, накормивший человечество» (автор А. Коняшов). Фильм снимался, в том числе, в нашем музее, и DVD с фильмом авторами был передан в дар музею.

В 2015 году, в канун празднования 95-летия открытия Н. И. Вавиловым закона гомологических рядов в наследственной изменчивости, в СОМК поступили настоящие раритеты: подлинные рукописи Н. И. Вавилова 1908–1918 гг. Это общая тетрадь и восемь записных книжек, часть из них является полевыми журналами, в том числе саратовского периода его жизни.

Вавиловская коллекция СОМК постоянно пополняется. В настоящее время она насчитывает чуть более 800 наименований разных предметов, в их числе:

- документы – около 200;
- предметы фотофонда (фотографии, фотокопии и негативы) – 330;
- предметы нумизматики (медали, значки) – 11;
- предметы изофонда (скульптура, фалеристика) – 18;
- предметы бытового фонда – 4;
- CD и DVD с аудио- и видеозаписями, кинофильм – 8;
- научные труды Н. И. Вавилова, его коллег и учеников, литература о Н. И. Вавилове (книги, брошюры, оттиски, журналы, газеты, отдельные статьи) – 230.

Мы собираем в Вавиловскую коллекцию музея любые материалы и свидетельства (и достоверные, и легендарные), отображающие научный подвиг и трагическую участь Николая Ивановича – величайшего учёного XX столетия. Думается, что это оправданно. Хочется надеяться, что Вавиловская коллекция Саратовского областного музея краеведения в будущем станет основой для создания в Саратове мемориального музея Н. И. Вавилова.

**Владимир
КАНТОР**

Окончание. Начало в № 11–12 2017
(специальном выпуске для детей)

ЧУР

Сказка для дочери Маши

Глава восьмая

В МУРАВЕЙНИКЕ

Осторожно переступая по грязному, захламлённому полу, чтобы не наколоться обо что-нибудь, Маша подошла к двери. Сначала потянула на себя – ничего, потом толкнула – дверь и открылась. Вода уже схлынула. Маша вышла. Домишко Карачуна стоял на маленьком островке, окружённом болотом.

Маша обошла вокруг дома. Ничего и никого. Неподалёку от дома она обнаружила глубокую яму, на дне её булькала вода. Обойдя яму, девочка приблизилась к кустам и наломала веточек, у которых листья росли погуще. Затем, вынув из волос ленточку, связала их вместе. Получился веник. С этим веником она вернулась в дом.

И принялась за уборку. Для начала она собрала и вынесла из карачуньего убежища все сгнившие доски, змеиную кожу и грязные ветки с пожухлыми листьями. Подумав немного, подтащила их к яме и бросила вниз. Затем стала усердно подметать пол в избушке. Скоро у двери образовалась огромная куча сора. Около печи Маша подобрала совковую лопату, которую приметилла раньше, и изловчилась носить на этой лопате мусор к яме. Туда – обратно, туда – обратно, и снова туда – обратно. Ходить ей пришлось много раз, долго. Потом она сгребла весь хлам, который нанесла к порогу домика вода, и тоже сбросила в яму. Однако на этом не успокоилась. Вернувшись в избушку, сняла с крюка котёл. С трудом, но всё же сняла. Доволкла до болота и тщательно выполоскала и вымыла его. Набрав в него воды, казавшейся почище, она волоком дотянула котёл до дверей дома. Оставила там и пошла к лежанке, на которой похрапывал Карачун. Приглядевшись повнимательнее, она нашла то, что искала: лежавшую в изножье у старика довольно ещё прочную тряпку. Намочив её в котле, Маша взялась мыть пол и очаг. Три раза ей пришлось менять воду, но всё же она добилась своего: обитали-

ще старика стало таким чистым, каким, наверно, никогда не бывало. Заодно постирала она свой белый фартучек-передничек и положила на печку сушиться. Тараканы, глядевшие со стен на её работу, попрятались в щели.

У Маши ещё хватило сил снять с лавки тыквы и тыквочки, сгрудить их в одном из углов и уж после этого лечь на лавку. Руки и ноги девочка сполоснула прежде, а мыть лицо болотной водой ей не захотелось. Она очень устала, но была довольна, представляя утреннее недовольство Карачуна. «Но, может быть, – успела подумать, засыпая, девочка, – ему понравится жить в чистоте и он исправится, станет хорошим. Во всяком случае меня им в грязнюлю не превратит! А завтра посмотрим. Утро вечера мудренее».

И она заснула. Ей снилось, что она снова у себя дома, заходит в папину комнату, подбегает к его письменному столу, дёргает ящик – ящик не заперт. Открывает его и видит, что он пуст. Во сне Маша понимает, что Элиза утащила Книгу. И папа про это ещё не знает – он на работе. И мама на работе. А Тыковкин, конечно, уже в Книгу пишет про своё величие. Маша хорошо знала, что в Книгу можно только правду писать. Но вдруг это правда, что Тыковкин станет главным среди людей и примется над всеми издеваться и шутки шутить? От такого предположения Маше во сне сделалось страшно и захотелось сбежать в соседний дом, к дедушке Эрнесту Яковлевичу... Он что-нибудь посоветовал бы, во всяком случае слово бы ласковое сказал. Она выскакивает в коридор, но кто-то хватает её за плечо. Обернувшись, она видит Тыковкина. Он кричит: «Думаешь, Чур тебе поможет? А вот и нет! Не справиться ему со мной!» Маша попыталась вырваться, дёрнула плечом, извернулась, чуть не упала, открыла глаза и поняла, что лежит на лавке в домишке Карачуна, а Тыковкин трясёт её за плечо и вопит:

– Ты что наделала, проклятая девчонка! Разве тебе это было приказано? Ведь в такой чистоте Карачун работать не сможет. Какое уж тут колдовство! Совсем старик заболел из-за тебя. Лежит на печи и только охает. Лет он преклонных, к чистоте не привык. А привычки стариков уважать надо! Ты что, не знаешь этого?

Маша, конечно, знала. Но чувствовала, что эти вообще-то правильные слова в устах Тыковкина звучат совершенно лживо. И она сказала, садясь:

– Отпустите, пожалуйста, моё плечо. Ничего плохого я не делала. В чистоте все должны жить. Потому что в чистоте и мысли добрые и хорошие приходят.

– Кому нужны твои добрые мысли? Мне они не нужны! – выкрикнул Тыковкин, но плечо Машино всё же отпустил. – Карачун работать должен, колдовать, а не на печи отлёживаться. Эй! – позвал он, и в дом поспешно вошли Советник и три слухача-шпиона. – Берите старика да в болото его, где погрязнее, окуните. Авось, в себя придёт. Да жаб для него наловите, лягушек, головастика, гадючек разных. Пусть пожуёт, полечится. Давайте шевелитесь!

Тыковкинские прислужники сняли с печи охающего и стонущего Карачуна и понесли на улицу. А он жаловался тоненьким голосом:

– Просыпаюсь – в глазах темно от этой чистоты стало. А я ведь с ней как дедушка Ворчун, не как старик Карачун обошёлся...

– Слышишь, неблагодарная девчонка? Ну скажи, какого наказания ты за это заслуживаешь? – бесновался Нолик. – И как ты смела тыквы мои трогать! Не тобой положено, не тобой возьмётся! Ясно? Тыква – не какой-нибудь заморский плод! Мой родовой знак! Круглая, как ноль! Жёлтая, как солнце!

– Да я ничего против тыквы не имею, – возразила Маша. – Если она спелая и не гнилая, то из неё мама вкусную кашу готовит...

– Ты... ты... ты... – задохнулся от обиды *тараканий атаман*. – Кашу! Я тебя!.. Кашу!.. Ты фамилию мою унижить хочешь!

И он заорал в открытую на улицу дверь:

– Эй вы! Схватите эту негодную девчонку – и в муравейник её! Может, там опомнится и поймёт, как со мной себя вести должна. Уж муравьи-то искусают – не помилуют!

– Почему вы такой злой? – не удержалась от вопроса девочка, хотя её уже волокли из карачуньего домишка. – Неужели вас никто Добру не учил?

– Учили всякие, ничего про меня не зная, – заулыбался вдруг Тыковкин. – Да я-то с самого детства понял, что Зло посильнее Добра будет. Тебе разве Элиза не говорила этого? Смышлёная девчужка, такая нигде не пропадёт! Вернётся с победой – пойду Книгу писать. Тогда ты мне не нужна будешь. Глядишь, я тебя и до утра в муравейнике оставлю. Посмотрим, как тебе доброта поможет с кусачими муравьями общаться.

...Конечно же, была тропочка через болото, только еле приметная. Этой тропочкой и побежали, держа Машу за руки и за ноги, Мерзин и шпионы-слухачи. Около знакомого Машиного дуба они свернули в лес и долго шли, пока не добрались *до того самого муравейника*. Как раз именно этих мурашей и топтала вчера Элиза. «Ох, отомстят они мне за неё! – с испугом подумала Маша. – Ведь наверняка они в девочках не разбираются и одну от другой отличить не смогут».

Куча прелых листьев и земли – муравьиное жилище – словно ожила. Мураши забегали, предчувствуя недоброе. Слухачи на минуту как бы зависли над муравейником. И сверху увидела Маша, что в самой середине его есть глубокое отверстие.

– Ну вот, – облегчённо вздохнул Советник Евсейка, – добрались, дотащили тебя. Это славно, что ты босая. Ух, как тебе ноги искусают! Распухнут – стоять не сможешь. Думаю, Нолик применил правильный воспитательный приём. Теперь послушнее станешь. Ну, раз-два, взяли!..

И длинноухие, повинуясь его приказу, забросили девочку на самую вершину муравейника. И она провалилась в то самое отверстие, которое увидела сверху.

– Счастливо оставаться! – радостно захихикал Мерзин, увидев, как она ухнула внутрь муравьиной кучи.

Маша услышала, что враги уходят. А сама она осталась стоять в глубокой узкой яме, скрывавшей её с головой, со всех сторон окружённая растрепанными муравьями.

– Здравствуйте, – сказала девочка поспешно, но вежливо. – Меня зовут Маша. Сюда меня запахнули плохие. Я не хотела вас беспокоить. Поэтому, *чур*, не кусаться.

Она с опаской смотрела на муравьёв, на мгновение, пока она говорила, замерших, будто слушавших, а потом побежавших снова по своим делам. От тесноты и невозможности пошевелиться тело её цепенело и деревенело. Её голые ножки мало того, что затекли, ещё дрожали, ожидая муравьиных укусов. Но то ли подействовало *значительное слово «чур»*, то ли мураши догадались, что не она топтала их накануне, во всяком случае никто её не кусал. Хотя муравьиная суeta вокруг неё усилилась. Каждый из местных обитателей тащил при этом на себе какой-нибудь груз.

Вдруг Маша ощутила, что может шевелиться. Двинула рукой, переступила с ноги на ногу и поняла, что муравьи незаметно расширили для неё свободное пространство, утащив куда-то свои постройки. Теперь она могла даже сесть.

– Спасибо вам, мурашки, – сказала она и села на землю, скрестив ноги по-турецки.

«Неужели Золушка тоже так мучилась?» – думала Маша. До этих своих приключений она почему-то помнила из сказки только то, что у Золушки были хрустальные башмачки, что ей помогала добрая фея и что в неё влюбился прекрасный принц... А сколько приходилось ей работать: прибираться в доме, готовить еду, шить и гладить наряды мачехе и злым сёстрам, как болели её ноги, исколотые об уголь, которым она топила очаг, как уставали руки и спина, оттого что она всё время мыла пол, отжимала тяжёлую тряпку, стирала и полоскала бельё, как жила она впроголодь, как неудобно и обидно было спать в золе и выглядеть замарашкой – об этом девочка раньше не задумывалась. Она вспомнила, как мама однажды играла на пианино и пела песенку Золушки, но тогда Маша не захотела даже слушать – слишком грустной она ей показалась. Но сейчас эта мелодия и эти слова сами приходили в голову, и она тихонько запела:

*Меркнет в печке огонёк...
Всё одна я да одна...
Догорает мой денёк –
Ночь угрюма и длинна.*

*Если б фея вдруг пришла
(Так, как в сказках говорят),
Чтобы сбросить я могла
Свой запачканный наряд.*

*И в карете золотой
Понеслась бы к замку я,
Где давно уж ждёт меня
Королевич молодой...*

*Где веселье, свет и смех,
Зала чудная в цветах...
Где была бы лучше всех
Я в нарядных башмачках.*

*Гаснет в печке огонёк,
Смотрит в окна лунный свет.
Королевич мой далёк,
Доброй феи нет как нет!*

Допев, она совсем загрустила и подумала: «Всё правда, всё про меня. Феи нет, а мой принц, мой Ёжик далеко. И не в королевском замке, а в тюрьме, в темнице. Добраться до него невозможно. Волшебник Чур даже не знает, где я. Только злой Карачун здесь всюю расколдовался. Сестрёнка Ирочка где-то прячется. А мама и папа даже не подозревают, что их дочка... их две дочки, – поправила она себя, – в опасности. Мы в *Тараканске* уже второй день, а ведь в нашей квартире, может, и минуты ещё не прошло. И все думают, что мы в своей комнате играем... А я, усталая и голодная, сижу в муравьиной куче. И хотя муравьи добрые, но от их запаха всё время чихать хочется. А я боюсь их обидеть и напугать своим чиханьем. Приходится терпеть и ждать. А чего ждать?»

Девочка посмотрела вверх. Прямо над ней свешивало свои ветки хорошее, прочное, такое сучковатое лазательное дерево. Если бы хоть до одной

из веток можно было дотянуться, тогда Маша наверняка бы выбралась из муравейника. Но она видела, что это невозможно, даже если встать на цыпочки. Она задумалась и вдруг вспомнила вчерашний совет Эрнеста Яковлевича. И прошептала: *«Чур меня. Чур за меня. Чур со мной»*. Но ничего не произошло. Никто к ней на помощь не пришёл. И тогда она склонила головку к плечу и уснула.

Этот сон был добрее, чем в домике Карачуна. Ей снилось, что она в квартире Эрнеста Яковлевича сидит на диване, ест пряник, смотрит в дедушкино морщинистое, похожее на печёное яблоко лицо и слушает его рассказ. На душе у неё тишина и покой. А сосед дедушка Чур рассуждает:

– Вот, к примеру, знаешь ли ты, что разлюбил я колдовать. Когда я, Машенька, молодым был, думал я колдовством людей осчастливить. В *школу Волшебства и Тайнознания* поступил. Экзамены там строгие были. Но я всё выдержал, всё на «отлично» сдал. И приняли. Хотя мы, волхвы, не очень-то знатными считались. А туда обычно аристократов брали – детей и внуков Змея Горыныча, Бабы Яги, Лиха Одноглазого... Теорию они плохо понимали, да и колдовали не очень. Но семейные, видишь ли, традиции... Одного такого я даже приятелем своим посчитал, почти другом. Тоже в родне у него знаменитые колдуны сводились. Про царя Кощея слыхала? То-то. Старший братец моего приятеля...

– Дедушка, ты ведь о Карачуне говоришь, – догадалась Маша.

– Ох, конечно, о нём... Да уж, много мне этот Карачун потом бед принёс. Всё завидовал, что я в науках больше успеваю. На всякие пакости сманивал, а я не поддавался. Тогда он меня перед начальством оклеветал. Пришлось мне из школы раньше времени уйти. Так что Карачун смолodu завистливый и злопамятный был. Всё не мог людям простить, что Кощея они погубили. И мечтал, как бы ему повелителя людям создать, чтоб через него управлять всеми. Вот и создал Тыковкиных, себе на беду. Хотя как-то раз с их помощью умудрился меня в тюрьму засадить...

– Эрнест Яковлевич, а как с плохими бороться?

– Главный – не поддаваться им. Это и будет победой. Злые себя сами погубят. Они ведь друг друга ненавидят. Каждый старается над всеми другими властвовать. Для того чародейные силы себе на помощь призывают. А я понял, что хороший человек для себя всё сам может сделать. Пусть ошибается, пусть не сразу получается... Рано или поздно получится! Вот я и говорю, что колдовством счастья не добудешь. Хотя доброму помочь немножко – не грех, а для того и поволховать, и почудесить... А ещё лучше – подсказать, посоветовать, когда человек своей силы не сознаёт и кажется ему, что он пропал. Волшебные предметы, конечно, есть: палочки, кольца, зеркала... Их самые древние волшебники создали. Но ты помнишь, как добрая фея наколдовала Золушке красивое платье, карету, лошадей, кучера и отправила на бал. А к полуночи всё пропало. И бедняжка снова превратилась в плохо одетую, замаранную в золе девочку. А принц всё равно полюбил Золушку – не за красивое платье, которое ей наколдовали, а за ум, миловидность, доброту и приветливость. За её собственные достоинства.

– Дедушка, – прервала его рассуждения Маша, – ты бы всё же помог папе Книгу сохранить, а мне моего Ёжика спасти. А то я не знаю, как.

Чур задумался, голову опустил, потом сказал:

– Чем же помочь? Ты пока сама всё правильно делаешь. Сама и дальше справишься. К примеру, ты за муравьёв заступилась, и они тебе добром отплатили. Думаешь, они не понимают, что ты для них сделала? Всё понима-

ют! А совет тебе я дам. Ты ведь хочешь есть? Сними свой любимый фартучек-передничек, который ты даже у Карачуна ухитрилась выстирать, расстели перед собой и скажи: «Чур-чур, только не чересчур». Увидишь тогда, чем голод утолить. Но про то, где я живу, никто знать не должен.

– Не бойся, я никому не скажу, – пообещала Маша.

И проснулась.

Она по-прежнему сидела поджав ноги в середине муравейника. Только муравьи ещё больше расчистили для неё пространство, чтобы ей было удобнее и чтобы она случайно не раздавила какого-нибудь любопытного или зазевавшегося мураша. Солнце уже стояло высоко, но в тени дерева ей не было жарко. Она, как научил её дедушка-сосед, сняла свой фартучек, аккуратно растелила его перед собой и молвила:

– Чур-чур, только не чересчур!

И сейчас же на фартучке-передничке появилась тарелка с тёплой овсяной кашей, бутерброд с сыром и стакан чая. Маша поела и попила. Почувствовала, что голод пропал, а сил у неё прибавилось. Фартучек опустел, будто ничего на нём и не стояло. И девочка, стряхнув с него крошки, опять его надела.

Немного подкрепившись, она принялась вспоминать, как хорошо ей жилось дома. И она сказала:

– Послушайте, мурашки. У вас наверняка есть детки. Вы их соберите. Пусть они сядут в рядок, а я что-нибудь им расскажу. Ну, сели? Тогда слушайте. Понимаете ли, мурашки, бывают такие случаи, когда человек сам уже ничего не может сделать, чтобы спастись. И тогда ему помогают хорошие и добрые друзья или сестрёнки. Вот я сижу с вами, и, хотя вы хорошие, мне, конечно, надо бы отсюда выбраться, пока плохие не пришли. Во сне дедушка-сосед мне посоветовал, как можно поест, но про то, как вылезти, он сказать не мог. Потому что здесь совета мало, здесь надо делом помочь. Эх, если бы сестрёнка моя Ирочка была рядом, у нас бы мигом всё получилось. Но я не знаю, где она, а она не знает, где я...

– Отчего же это не знаю? Уже знаю. Ты говори, говори, продолжай говорить. Я на твой голос иду! – раздались совсем близко бодрые, с ликованием произнесённые слова.

– Ира! – чуть не вскочила Маша от радости, но вовремя вспомнила, что надо быть осторожнее и не раздавить мурашей.

Она ловко встала на ноги и распрямилась, никого не потревожив.

– Ага! – всё таким же ликующе-счастливым голосом отозвалась Ирочка. – Это я. Я тебя давно уже ищу. Ты это здорово придумала рассказывать, чтоб я тебя услышала.

– Это я не для того, – честно призналась Маша. – Мне одиноко было и грустно. А теперь помоги мне. А то скоро могут за мной слухачи или руконогие прийти. Хоть ещё и не вечер, но вдрут!.. Вот если б ты могла с дерева спустить мне верёвку потолще, я бы мигом вылезла...

– Сейчас что-нибудь придумаю. Верёвки-то у меня нет. Но ты не беспокойся, они не скоро придут. Время у нас ещё есть. Они все у тыковкинской конторы чего-то ждут... Так что я успею и на дерево взобраться, и тебя вытащить. Это хорошее дерево, родственник того дуба, который ты с нашим папой лечила...

– Только осторожнее! – предупредила Маша.

И тут же увидела, что дерево – молодой, но уже высокий и крепкий дуб – успокаивающе машет своими густыми ветвями.

– Не бойся, – отвечала Ирочка, – лучше полюбуйся, как я умею.

И правда, Маше приятно было смотреть, как ловко и сноровисто цепляется её сестрёнка за сучки и ветки дерева. И скоро она уже сидела в удобной развилке прямо над муравейником.

– Готово! – сказала Ирочка. – Теперь я с себя платье сниму, вниз опущу, ты за него уцепишься, а я тебя тащить буду.

Так она и сделала. Но сколько она ни тянула, сколько ни напрягалась, силёнок у неё всё же было маловато, чтобы вытащить Машу. А Маша боялась ногами упираться в стенки ямы, чтобы ненароком не разрушить муравейник и не погубить его обитателей. Она в отчаянии выпустила из рук Ирочкино платье.

– Не получается, – тоскливо проговорила она.

– Сама вижу, – мрачно отвечала Ирочка.

Девочки были в растерянности. Но вдруг услышали доносящийся издали шуршаще-хрипловатый голос Советника, что-то приказывающего руконогим.

– Машка, давай! Давай ещё раз цепляйся и – ногами по стенке ямы... Ну что делать? Другого выхода нет!

– Не могу! Ты же сама знаешь, что так нельзя! – почти плача возразила Маша. – Так я муравьёв подавлю!

Внезапно две толстые нижние ветки молодого дуба безо всякого ветерка согнулись, словно приглашая девочку ухватиться за них. Не понимая ещё, что последует дальше, она всё же крепко уцепилась за ветки ладошками. А они вдруг резко распрямились, выдернув Машу из ямы. И через секунду она уселась в развилке рядом с Ирочкой. Голос Советника звучал уже совсем рядом.

– Лезем наверх, – шёпотом сказала Маша.

И они принялись, насколько могли тихо и насколько могли быстро, карабкаться вверх по стволу. Конечно, они понимали, что враги, заметив Машино исчезновение, примутся её искать и могут обнаружить обеих на дереве. Но тут им на плечи опустились ветки и листья, покрыв девочек с головы до ног, словно плащом-невидимкой. И вовремя! Около муравейника появились шесть руконогих во главе с Советником.

– Ну, живо прокувите свою спортивную и боевую подготовку!.. Взбе-жа-ли на муравьиную кучу! Дев-чон-ку, как репку, выдер-ну-ли! И на-зад! – командовал своим хрипловатым тенорком Мерзин. – Что там? Почему медлите?

В ответ руконогие молча принялись пожимать плечами.

– Нет? Девчонки нет?

Руконогие закивали подтверждающе.

– Ну и дела! – охнул Советник. – И эту упустили! Причём самую нужную, *клянусь Тараканом!* Нолик мне за неё, пожалуй, тыкву разобьёт... Спрашивается, куда делась, куда могла деться? Муравьи её вряд ли так быстро съели... А вдруг съели?.. Нет, не может быть... Надо искать, искать надо! Эй вы, бескопытные мои оборотни руконогие, *дружки заплечные – тараканы запечные*, давайте-ка за работу! По кустам надо пошарить, под коряги заглядывать. А времени мало. Даю на всё про всё вам десять минут. Ну, вперёд!

Руконогие оборотни поспешно ринулись вниз и разбежались по кустам, выполняя приказ. А Советник стоял, вращая головой, и глазки его шныряли в разные стороны. Потом он вдруг как-то уж очень пристально стал вглядываться в дерево. И даже двинулся по направлению к нему. Девочки задрожали. Но тут несколько самых больших муравьёв вскарабкались по его башмакам и нырнули ему в штанины. Взвыв от неожиданной боли, Мерзин отскочил от дерева и принялся подворачивать брюки в поисках кусавших. Но муравьи скрылись среди опавших листьев и хвойных игл. На вопль Евсей-

ки сбежались руконогие, ожидая новых приказов. А он яростно расчёсывал покусанные места и бормотал:

– Нет и не надо! Не больно-то и хотелось. Всё равно Элиза уже, наверно, вернулась и Книгу принесла. Нолик пока доволен. Небось, сидит и пишет сейчас. И ругаться не будет. Он же нам только проверить приказал, как там Машка в муравейнике. Мы и проверили. А если Элиза *не принесла?*.. Ведь он Машку затребует, *Таракан сохрани меня и помилуй*. Ну, тогда и будем искать, шпиончиков пошлём. Пусть где хочет прячется. Если Нолику надо будет, найдём!

Он повелительно махнул руконогим, и все они отправились прочь. А Маша и Ира перевели дыхание. Пока что опасность миновала.

Глава девятая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ДРУГА

Посидев ещё некоторое время на дереве – на всякий случай: вдруг вернутся враги! – девочки осторожно спустились вниз – с той стороны, где не было муравейника. Но к муравейнику подошли.

– Спасибо, мурашки, – поблагодарила Маша.

Муравьи слышали её слова, но, разумеется, не ответили. Они суетились, приводя в порядок своё жилище.

Девочки посмотрели друг на друга, и Ирочка воскликнула:

– Наконец-то мы вместе, две сестрёнки! – Она уткнулась лицом в Машино плечо. – Я ведь твоя сестрёнка, да? Ты всегда так говорила.

– Ещё бы! Самая лучшая на свете!

– Но пойдём, пойдём отсюда. Я покажу тебе ореховый куст. Там полно спелых орехов. Ты ведь, наверно, голодная..

Маша отрицательно помотала головой, таинственно улыбнулась, огляделась по сторонам и ответила шёпотом:

– Сыта. Думаю, ты голоднее меня. Давай и вправду пойдём куда-нибудь и под куст спрячемся. Я тебе кое-что покажу.

Они уселись под ореховым кустом. Ирочка нарвала спелых орехов. А Маша расстелила на траве свой фартучек-передничек и произнесла:

– Чур-чур, только не чересчур.

И сей же час на фартучке, как на скатерти, появились две тарелки с жареной картошкой и котлетами, вилки, хлеб с маслом и две чашки сладкого чая.

– Откуда это? Как это?.. – пролепетала изумлённо Ирочка.

– Давай поедим, а потом нам надо рассказать друг дружке, что мы по отдельности делали, – рассудительно сказала Маша. – Я старшая, я первая начну.

Маша была уже не голодна, поэтому ела не торопясь, рассказывая про свои приключения.

– Меня Карачун к себе утащил. В свой страшный, грязный и противный дом. Он хотел, чтоб я туда ещё больше грязи и мусора натащила. Потому что плохие в чистоте жить не могут. А пока он спал, я всё в доме прибрала и пол вымыла, как мама обычно делает. И Карачун наутро от этого заболел. А меня Тыковкин велел в муравьиную яму засунуть. Там мурашки меня пожалели, место мне освободили, чтоб я сесть могла. И я уснула. А во сне мне Эрнест Яковлевич мой фартучек-передничек заколдовал. Он, конечно, не просто дедушка-сосед. Но об этом пока надо молчать. Теперь рассказывай о своих приключениях, и поспешим спасти принца.

– Какого принца? Взаправдашнего? Не Ёжика?

– Именно его. Мне Карачун проболтался, что Ёжик Карлуша – не просто Ёжик, а *принц*. И в давней вражде с Тыковкинным. Но не то важно, что он принц. Важно, что он наш друг. Другей в беде не бросают. Мы же искали его, не зная, что он королевский сын... Ладно, теперь рассказывай ты.

Ирочка сделала последний глоток чаю и ответила, довольно и хитро посмотрев на раскрасневшуюся и разнервничавшуюся Машу:

– Хорошо, конечно, быть бесстрашной и отчаянной Ниночкой, но быть Машиной младшей сестрёнкой тоже неплохо. Но всё же вот что я тебе скажу. Хоть и жалко мне Карлушу, но прежде нужно идти с Тыковкинным воевать. У нас замечательные *союзники* появились. Просто удивительные! Я сама спасалась, а вдруг нашла, что и не ожидала. Когда я от Тыковкина из окна выскочила, долговязый Агафон заметил, что я убегаю. И послал за мной в погоню своих приятелей в чёрных куртках. А сам к своему мотоциклу бросился. Он бы меня на нём и по лесным тропинкам догнал. Ему дождь помешал. Мотоцикл заглох, а руконогие его сразу от дождя куда-то попрятались. Ты знаешь, я думаю, Чур не только тебе, но и мне помог. Это, конечно, он дождь устроил. А дождь спас меня от агафоновских руконогих в чёрных куртках. Меня, правда, вода закрутила, я чуть не утонула, но потом меня потоком вынесло к тому дубу... Помнишь?.. К тому самому, который ты, то есть мы вместе с папой лечили. Я за ветки уцепилась, вскарабкалась... И знаешь, что обнаружила?

– Дупло, – невольно ответила Маша, захваченная рассказом сестрёнки, забыв просьбу дуба никому об этом не говорить.

Она спохватилась. Прижала палец к губам. Ирочка понимающе кивнула.

– Так ты знала? – спросила она. – Ну, конечно, знала. Просто при Элизе не хотела рассказывать, да? Ты её уже тогда подозревала? Ну да ладно, об этом после. Ты всё равно не можешь знать, кого я там встретила. Настоящую курицу Хохлатку! Наш дуб её в том самом дупле от руконогих утаил. А она там шесть воробышков высидела. Они уже летать учатся по ночам. Тараканы о них даже не подозревают. Ведь Карачун обещал всех птиц истребить. И ему это почти удалось. А эти – уцелели! И вот с ними-то мы неожиданно на тараканов и нападём!

– Не получится, – покачала головой Маша. – Во-первых, всегда нужно сначала друга спасать. А во-вторых, без Ёжика победы не будет. Только он может *руконогих сдуть*.

– Что-что? – не поняла Ирочка.

– Сдуть, ну, превратить опять в тараканов. Только ежиной иглой и можно лишить их человеческого облика и вернуть снова их тараканий. Все эти руконогие, когда людьми становятся, то есть *тараканьими людьми*, начинают ужасно важничать и в начальники лезть. Вот и надо из них спесь выдувать, *сдувать их*. Они перед Тыковкинным, Евсейкой и Карачуном унижаются, а перед остальными важничают. Ускользают от всех как тараканы...

– Но они же и есть тараканы, – рассмеялась Ирочка. – И людей боятся...

– Это обычные тараканы. А руконогие в начальники лезут, хотя бы людьми управляют. И это им удаётся. Поэтому они нас просят, хотя бы людьми рассказывали, что к начальнику нельзя прийти с просьбой или вопросом – сразу ускользнёт. Им на человеческие проблемы наплевать. А Ёжика они боятся. Ведь против их надутости не всякая ежиная иголка годится – только от настоящего принца. Теперь поняла? Ведь если воробы даже всех тараканов поклюют, с руконогими-то они не справятся. А уж кто Тыковкина и Карачуна одолеет? Уж не знаю, сумеет ли это даже принц?.. Но, кроме него, некому.

– Поняла, – согласилась Ирочка. – Только как мы к Ёжику прорвёмся, чтобы его освободить?

– Утром, – пояснила Маша, – ворота в виварий были не заперты. Я думаю, так и осталось. Ведь если Карачун болеет, то запереть их некому.

– Идём! – поднялась на ноги сестрёнка.

Девочки добрались до ворот. Они вправду были открыты. Огляделись: кругом никого. И рядом с избушкой Карачуна тоже никого. Тогда, пригнувшись, он подбежали к кирпичному мрачному виварию. Там они упали плашмя около его стены, чтобы их никто не заметил.

– Ну, и что дальше делать? – шёпотом спросила Ирочка. – Ключей у нас нет, да ещё надо узнать, в какой камере этой тюрьмы наш друг...

– Поползём потихоньку вдоль стены, – предложила старшая сестрёнка. – И будем прислушиваться. Карлуша всегда стихи любил. Если он там один, то наверняка стихи читает.

И девочки поползли. Но до них доносились только отдалённые глухие и жалобные стоны, вздохи и плач. Казалось, стонам этим не будет конца, и понять, чьи они, было невозможно. Внезапно они замерли, услышав знакомый голос, читавший стихи. Голос был чистый, ясный, но грустный...

*Я ненавижу свет
Однообразных звёзд.
Здравствуй, мой давний бред, –
Башни стрельчатый рост!*

*Кружевом, камень, будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.*

*Будет и мой черёд –
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдёт
Мысли живой стрела?*

*Или, свой путь и фок
Я, исчерпав, вернусь:
Там – я любить не мог,
Здесь – я любить боюсь.*

«Он ли это? – когда голос умолк, подумала с недавних пор осторожная Маша. – Или кто-то другой?..» Ира вопросительно посмотрела на неё. Она не знала, что сказать. Помедлив минуту, голос продолжал всё так же грустно:

*Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придёт?*

– Принц! Мой принц! – не удержавшись, крикнула девочка. – Это я, Маша! Я нашла тебя! Я слышу, я чувствую, что это ты... Это должен быть ты! Ответь, пожалуйста...

После небольшой паузы раздался вежливый, но недоверчивый, невесёлый и осторожный ответ:

– Какой я принц? Я бедный узник, которого ждёт нечто худшее, чем гибель...

– Что такое? – испугалась за него Маша. – А, ты узнал, что у тебя хотят похитить твои иголки!.. – вспомнила она угрозы Карачуна. – У них ничего не получится! Я тебя спасу!

– Если ты та самая Маша, – послышался тихий вздох узника, – то скажи, в каком обличье ты меня знала...

– Что значит – *в обличье*? – не поняла сначала Маша. – А, ясно. Ты – Ёж, колючий Ёжик, ты мой замечательный и любимый Ёжик Карлуша! И иголки, которые у тебя хочет похитить Карачун, ежиные. А сюда тебя Карачун заманил. Нашептал, что я в беду попала. Я и попала. Пошла тебя искать и... попалась. Меня Тыковкин в плен захватил, потом Карачуну отдал в служанки. Но я в доме прибрала, и колдун от чистоты чуть не умер. Тогда Тыковкин приказал меня в муравейник посадить, а муравьи меня пожалели, не стали кусать. Тут пришла Ирочка и вытащила меня оттуда с помощью дерева. Ты помнишь мою сестрёнку?

– Помнить-то я помню, – прервал её строго принц. – Но говори потише! Тебя и враги могут услышать.

– Ты сердисься? – расстроилась Маша. – Я это случайно...

– Нет, не сержусь. Просто боюсь за тебя. Я так рад тебя слышать. Здравствуй, Машенька! И Ирочка пусть здоровается, если она с тобой.

– А где же мне ещё быть, как не с сестрёнкой! – решительно вмешалась Ирочка. – Привет! Ты прав, нам не надо разговоры разговаривать – мы спастись тебя пришли. Вот и скажи нам, как это сделать. А уж мы сделаем!

– Думаю, это невозможно, – ответил узник. – Стены крепкие, решётка в моей камере прочная, а где ключи

от тюрьмы, никому неизвестно. – Он помолчал, затем сказал решительно: – Самое лучшее для вас – это вернуться домой. Постарайтесь добыть у Тыковкина золотое кольцо. С его помощью вы...

– Нет, у Тыковкина это кольцо ни за что украсть не удастся. Он его прячет и следит. Он даже у меня его отнял, когда я вернулась... Хотя я ему *Книгу принесла*. Не удалось его *притараканить*.

А у меня это колечко так красиво на пальчике сидело и очень мою нежную ручку украшало.

«Ёжик в тюрьме».
Художник Наталья Григорян

Вздвогнув, они обернулись. Потряхивая нерасчёсанными кудряшками, поблёскивая синими глазками, в розовом с оборочками платице, стояла перед ними Элиза и глядела на них как ни в чём не бывало. Она словно не замечала враждебного к ней отношения её бывших подружек.

– Я за вами давно крадусь, – весело и победоносно пискнула она. – Ещё когда вы под кустом сидели и на Машином фартучке ели то, что из ниоткуда появилось, я вас заметила. Правда, ничего не слышала, ну, Машиных волшебных слов. А уж как вы с Ёжиком разговаривали – это уж я подслушала, будьте спокойны!

– Ты нас предашь? – напрямую спросила Маша.

– Чего зря спрашивать! – прошептала яростно Ирочка, дёрнув Машу за рукав и шагнув навстречу Элизе. – Надо её просто связать и рот ей кляпом заткнуть, предательнице этой!

– Что вы! – замахала на них ладошкой Элиза. – Я вас больше не предам и никому не выдам. Даже Тыковкину. Давайте я опять буду вашей подружкой, а вы мне за это что-нибудь подарите.

– За что – за это?! – аж поперхнулась от возмущения Ирочка.

– За то, что я снова с вами играть буду, – объяснила Элиза, – и никому не скажу, как вы тут с Ёжиком о побеге сговаривались. Ведь меня Нолик послал Карлушу постеречь, пока Карачун нездоров. И тут же ему сообщить, *если что замечу подозрительное*. А я не сообщу. Смешно получается. Когда-то этот Ёж был со мной колючий-колючий. А теперь от моей милости зависит. Хи-хи! Я теперь за вас. Ведь Нолик очень сейчас сердится и нервничает, жениться на мне больше не хочет. И говорит, что королевы из меня не выйдет. Приказал дать мне титул *княжны Таракановой*. Пусть я пока с этим титулом поживу, а там он посмотрит. Неприятности у него. Всё, что он в Книгу записывает, сейчас же пропадает. И он злится, что Машу упустил. Думает, что она знает тайну, как в Книгу писать надо, чтобы написанное сохранялось. Говорит, что у него *отныне один выход* – возглавить *тараканью войну* против людей, раз его имя не заносится *так, как ему хочется*, в Книгу человеческих судеб. Даже меня чуть не побил! И не покормил. Я теперь голодная хожу. Ты, Маша, расстели свой фартучек-передничек, а я поем.

Добрая Маша заколебалась. Как не накормить голодного! Ирочка молчала. Ёжик тоже. Но жадная Элиза сама себе всё испортила.

– А ещё лучше – подари мне его насовсем, – пожелала она.

– Ну уж нет! – воскликнула Маша и отодвинулась невольно.

– Ты самая бессовестная! Таких бессовестных свет не видывал! – возмутилась Ирочка.

– Ну и что? – возразила Элиза. – Какая есть. Всё равно вам полезнее меня подружки не найти!

Ёжик даже охнул от такой наглости.

– А потому я вам полезна, – продолжала, не смущаясь, Элиза, – что знаю, где ключи от вивария хранятся. Вот! И могу поменяться. Маша – мне свой фартучек-передничек, а я за это ключи потом принесу. И ещё никому про вас не скажу.

– Тогда ладно, – растерявшись, согласилась Маша. – Ради спасения друга я согласна. – И принялась снимать фартучек.

Но её ухватила за руку Ирочка:

– Остановись! Пусть сначала ключи принесёт, тогда отдашь. А то она хапнет, точнее сказать, *утафаканит* – и поминай как звали! Ей нельзя верить. Сколько раз она нас предавала – помнишь?

– Помню, – сказала Маша и перестала расстёгивать пуговички на своём фартучке-передничке.

– Как хочешь! – фыркнула Элиза, потом передёрнула плечами. – Кому что нужнее. Тебе – твой Ёж колючий, или мне – фартучек. Я-то без фартучка могу запросто обойтись. Хотя мне, конечно, хочется его иметь. И я бы, наверно, честно принесла вам ключи. Подумаешь – ценность!.. Я к Нолику Ёжика охранять не нанималась. Вот! Зачем он мне? Не зря говорят, что *из ежиной кожи шубы не сошьёшь*. Так что ключей мне для вас не жалко. Но я боюсь, что, как только их принесу, вы их у меня отнимите – вы же вдвоём сильнее, – а взамен ничего. Нет, я сначала фартучек-передничек

от вас получу, а уж когда его надену – пойду за ключами. Мне Нолик доверился, показал, где они хранятся.

Ирочка насупилась. А Маша снова согласилась:

– Ничего не поделаешь. Ведь освободить Ёжика – сейчас важнее всего на свете! А фартучек мне, конечно, жалко. И всё же я его отдам.

– Ох, Машка, – не верила Ирочка, – обманет она!

Но та уже сняла свой фартучек-передничек и протянула Элизе. Та быстро схватила его и надела на себя.

– Пускай, – махнула рукой Маша, – всё равно другого варианта у нас нет. Значит, надо верить и Элизе.

– А я возьму и не обману. Вот! – И Элиза показала Ирочке язык. – Что тогда? Извиняться тебе передо мной придётся, девочка Ира. Только пусть Маша мне ещё расскажет, как этим передничком пользоваться. А иначе зачем он мне... Не такой уж он и красивый.

– Очень просто, – объяснила девочка, стараясь не обращать внимания на обидные слова о своём фартучке. – Надо расстелить его на чистом месте и сказать: «Чур-чур, только не чересчур». И появится еда...

– Так тебе Чур помогает?! Вот Нолик рассердится, если узнает! – радостно хихикнула Элиза. – Но ты не бойся, я ему не скажу. – Она помотала нечёсаными кудряшками. – Ты мне только шепни, чтоб я поняла, на чьей стороне мне выгоднее быть.

Маша плотно сжала губы и сердито посмотрела на бывшую куклу-подружку. Потом прознесла:

– Слишком долго мы болтаем. Либо ты нам помогаешь, либо отдавай назад фартучек.

– Да иду я, уже иду. Жаль, что ты не захотела мне правды сказать. Вот как! Выходит, я сама должна догадаться, за кого мне стоять. Хм! Я попробую. Но уж тогда пеняй на себя... И почему это – *не чересчур*? А я всегда хочу *чересчур*! *Через чур прыгать всегда интереснее!* Через деревянный этот столбик. Да не бойся ты, принесу я ключи! Вы только никуда отсюда не уходите. Ждите меня. Я мигом!

– Ты будь осторожнее, не испачкай фартучек: здесь всюду такая грязь! А грязный он не будет действовать, – предупредила напоследок Маша.

Элиза остановилась в нерешительности.

– А я нарочно уже второй день не умываюсь, – с некоторым беспокойством в голосе сказала она. – Нолик не любит чистюль. Ладно, я тогда фартучек отдельно от других своих вещей буду держать.

И тут девочки обратили внимание, что выглядят они много чище всегда холившей себя Элизы. А ведь им туго пришлось: и на дереве скрываться, и в кустах прятаться, и от руконогих убежать, вдоль вивария по непросохшему асфальту ползти... Ирочка ещё и тонула, а Маша избу Карачуна прибирала, в муравьиной яме сидела... Да, сильно Элиза переменялась. Кудряшки её были спутаны и не мыты, на личике около губ – остатки засохшей еды, розовое платице в пятнах, руки грязные и под ногтями чернота.

– Думается мне, – не удержался Ёжик, молчавший во всё время разговора трёх подружек, – что для Тыковкина дело не в том, чтоб руки и одежду запачкать. Для него важно, чтоб душа была грязная.

– Тебя не спрашивают! – отрезала Элиза. – Ты сиди и жди, как твоя судьба решится. Пока я, может быть, ключи принесу. А души, как Нолик говорит, на самом деле не существует.

– А, извини... – сказал Ёжик. – С тобой, я думаю, уже всё в полном порядке. Дополнительной грязи не требуется.

– Будешь насмехаться – так и останешься здесь сидеть!

– Элиза, это нечестно! – хором воскликнули девочки.

– Честно – нечестно! – возмутилась Элиза. – Ко мне эти слова никак не относятся. Ведь он от меня зависит, от моей милости, а я от него – нет. Пускай терпит! Да принесу я, принесу. Сказала же, что знаю, где ключи лежат. Я ведь за них уже фартучек получила. Только зря вы хотите чистенькими остаться. В этом мире придётся вам запачкаться! Нолик совсем недавно перед руконогими и тараканами с балкона выступал, призывал их завалить людей грязью и отбросами, чтобы тараканам было вольготнее. Это наше оружие, он говорил, и потому мы победим. Так что не очень-то заноситесь со своей чистотой! Ладно, пошла...

Она отдалилась на несколько шагов, потом остановилась и захихикала, будто вспомнила что смешное.

– Кстати, первый военный удар, Машка, будет против твоего папаши. Вот! Нолик хочет заставить его самого в эту Книгу вписать то, что ему, Нолику, нужно. Ну, пока. До скорого. Ждите. Только жаль мне вас, если фартучек у меня работать не будет. Обмана не прошу!

– Да ты... – крикнула было ей вслед Маша.

Но не договорила. Элиза уже вприпрыжку выскочила через открытые ворота. И скоро скрылась за поворотом дороги, ведущей к серым домам.

– А теперь, девочки, будьте внимательны и осторожны! – с тревогой произнёс Ёжик. – Я ей не верю. Скоро начнёт смеркаться. Самое тараканье время. В темноте они чувствуют себя храбрее.

– Я тоже ей не верю. Но у нас нет другого выбора, – твёрдо сказала Маша. – Мы должны ждать. Ирочка, а ты спрячься, – добавила она.

– Нет-нет, я с тобой. Как моя старшая сестрёнка, так и я, – сжала её руку Ирочка. – И вообще, знаешь, я в дозор к воротам пойду. Если увижу, что Элиза не одна возвращается, я тебе крикну.

– Угу, – согласилась Маша, но, когда Ирочка отошла подальше, прошептала: – А если и не одна, всё равно я никуда отсюда не пойду и не побегу. Потому что друзей в опасности не бросают.

– Да, конечно, – услышал её слова принц. – Ты права. Но и я не могу позволить своим друзьям подвергать себя опасности из-за меня...

Маша огляделась по сторонам: на черневший вдали лес, на пустынное пространство перед виварием, на одинокую фигурку Ирочки у ворот, потихоньку окутываемую наступающими сумерками... Да, было неуютно и немного жутковато. Чтобы не испугаться, Маша перевела разговор на другую тему. Да и как не спросить *об этом*, пока они остались наедине.

– Скажи, – спросила она смущаясь, – а почему ты говорил, ну, в стихах, что где-то там ты любить не мог, а здесь ты любить боишься?

– История невесёлая. Я должен тогда немножко о своей жизни тебе рассказать. Я расскажу, мне давно хотелось это сделать. Но обещаю, что если Ира предупредит о приближении врагов, вы тут же скроетесь...

– Обещаю.

Любопытство было сильнее Машиной честности. Да и решила она сразу после ухода Элизы ни за что не покидать своего поста и встретить с принцем жизнь или смерть.

– Ладно, тогда слушай. Я и в самом деле принц, но из почти сказочной страны, где всегда чисто, нет грязи, мух и тараканов, где все люди – друзья, все верят и помогают друг другу. Такой могла бы быть и ваша страна, если б не Тыковкины, не Карачун, не Мерзин и другие злые. Я жил в замке над озером, плавал, читал, стрелял из лука. В нашей стране самый главный спорт – это стрельба из лука. На ежегодном соревновании я всегда был первый. Наконец я вырос, и пришла пора мне обзаводиться принцессой.

Но у нас существует обычай, что принц должен спасти какую-нибудь красавицу, добрую душой, от злых чудищ. И только в неё он может влюбиться, а потом жениться на ней. И я отправился странствовать по свету...

– И нашёл меня? – шёпотом спросила Маша.

В напылавшей темноте слова Ёжика звучали как самая настоящая сказка.

– Нет, моя дорогая, не сразу... – Помолчав, Ёжик вздохнул, но всё же продолжил рассказ: – Однажды я попал в ваше царство-государство. И сразу заметил, что многие *тыковкины* уже добрались до кое-какой власти. Они хамили и «тыкали» своим подчинённым, в зоопарках тыкали палками в животных, потому что те были в клетках и не могли растерзать обидчиков. Я увидел много грязи на улицах, неотремонтрованные дома, не вывезенные со дворов помойки. И показалось мне тогда, что тут не обошлось без карачуньего колдовства и тараканьей напасти. Но ещё одно случилось. Я встретил девушку, и меня увлекла её необычная судьба. Она называла себя Прекрасной Еленой. И я решил, что встретил свою любовь. Красавица рассказала мне, что до меня она любила не одного храброго героя, все они боролись против *тыковкиных*, но все они погибли в неравной борьбе. Это выглядело так романтично: подруга погибших героев! И я поклялся, что посвящу ей свою жизнь. И предложил увести её к себе – в мою страну, в мой замок над озером. Она отказалась. Сначала я не мог понять, почему. А потом – но слишком поздно! – понял. Она предпочла тыковкинские деньги. Ведь на самом деле она служила ему. Как-то, когда я доверчиво слушал её усыпляющий голосок, ворвались враги и попытались схватить меня. А она, Прекрасная Елена, кричала: «Убейте его, чтобы он никому не смог даже намекнуть, что это я его выдала!» В общем, вела она себя вроде как Элиза. Ох, очень они даже похожи. Хоть и не внешне. У зла много обличий. Но суть его одна и та же: подлость и предательство. Хорошо, что я своего сердца этой Елене-Элизе не отдал.

– Правда не отдал? – тревожно спросила Маша, вся замерев в ожидании ответа.

– Сердце отдаётся вместе с душой. Но как отдать сердце и душу тому, у кого нет души? А может, и сердца тоже. Предала она меня известному Тыковкину, отцу Нолика. Кто там ему служил, оборотни или подлые люди, вроде моей Прекрасной Елены, не знаю. Но меня арестовывать во главе целого отряда он сам пришёл. Как же, принц чужеземный попался! Я пустил свою иглу-стрелу в Тыковкина-отца, но так был расслаблен и фальшивой любовью моей красавицы, и её предательством, что рука моя дрогнула, и – я промахнулся. После чего Тыковкин-старший велел своим слугам выбросить меня в окно с десятого этажа, где как раз жила Прекрасная Елена. А та – по его, конечно, приказу – принялась изображать из себя неутешную вдову, которая знать не знает, почему её друг прыгнул с такой высоты и разбился. Зарыдала, стала бить себя в грудь кулаками и причитать: «На кого ж ты меня покинул, сокол мой ясный?!» А враги схватили меня, отворили окно и бросили вниз. Но я успел прошептать старинные волшебные слова (в моей стране ими давно уже не пользуются, нет надобности, но все их знают) – и на землю упал игрушкой, плюшевым ёжиком. А твой сосед Эрнест Яковлевич, он же давний друг нашей семьи, очень мудрый и добрый Чур, пришёл мне на помощь, как я и просил его в волшебном слове. Он незаметно для тыковкинских слуг подхватил меня и унёс к себе домой. И подарил знакомой девочке. Это была ты.

– Да, – прошептала Маша, – подарил. И сказал, что отныне у меня будет верный друг и защитник.

– И я ему обещал беречь тебя. Но сам хотел только одного: поскорее покинуть вашу страну и вернуться домой к своему развесистому дубу над озером, где я сидел в развилке ветвей, читал книги и мечтал о встрече с пре-

красной незнакомкой, которой я окажусь полезен. Хотя теперь, после предательства моей красавицы, я не верил больше ни одной девушке. Но смотрел на тебя, слушал твои добрые сказки, которые ты рассказывала своим куклам, и постепенно чувство, не сравнимое с прежним, посетило моё сердце. Я снова полюбил. Я боялся любить, но ничего не мог поделать со своим чувством. И так и жил у тебя дома *в обличье ёжика*, всё откладывая своё возвращение на родину. А вчера вдруг донёсся до меня слух, что ты в лапы Карачуна и Нолика угодила. И бросился сюда. И сам в ловушку попал. Думал, что они сразу со мной расправятся. Но, оказывается, я им ещё для другого понадобился: чтоб тебя сюда заманить. Как же ты не испугалась неизведанного, когда шагнула в открывшееся перед тобой необычное пространство? Как сумела Тыковкину и Карачуну противостоять? Откуда взялось такое чудо, как ты?

– Никакое я не чудо, – ответила Маша. – Меня мама с папой воспитали. Но я тоже тебя люблю, мой принц. И хочу, чтобы моя любовь не ослабила тебя, а дала больше сил. Чтобы ты стал сильнее и Тыковкина, и Карачуна, и Советника Евсейки, и всех руконогих, вместе взятых!

И в этот момент крикнула Ирочка:

– Маша! Скорее сюда! Я что-то ничего не понимаю!

В ступившихся сумерках бросилась девочка на помощь сестрёнке, с трудом различая её фигурку у ворот. Ира напряжённо смотрела в направлении серых домов. И точно: было на что посмотреть! Всё пространство перед воротами и между деревьями в лесу стало буро-коричневым. В слабом свете автомобильных фар это нечто буро-коричневое шевелилось, колыhalось, щетинилось усами, хотя и не двигалось с места. По краям и сзади стояли, светя фарами, три грузовика с огромными контейнерами для перевозки мусора. А почти вплотную к воротам – два самосвала, доверху набитые мусором. В кабинах сидели руконогие. Над кабинами самосвалов были прикреплены плакаты, на которых чёрным по белому были слова:

ТАРАКАНЬЕ ЗНАМЯ – ЗНАМЯ ПОБЕД!

– Это они собрались в атаку против нас! – воскликнула Маша. – Хотят, чтобы мы от отвращения погибли. А потом они и с принцем расправятся. Элиза нас обманула, рассказала, где мы.

И точно, Элизы нигде не было видно. Похоже, что она и не собиралась возвращаться. Впрочем, ни Тыковкина, ни Карачуна, ни Советника тоже нигде не наблюдалось.

– Они нас мусором засыпят, если мы не сбежим, – шепнула Ирочка. – А бежать-то некуда. Кругом забор железный да враги.

– Возвращаемся к принцу, – тихо ответила Маша. – Попробуем решётку выломать.

– Вряд ли это получится, – возразила Ирочка, но поспешила за спокойно шагавшей к виварию сестрёнкой.

– Эй, принц! – окликнула его Маша. – Враги у ворот. Элиза нас обманула.

– Это следовало ожидать, – всё так же невозмутимо ответил Ёжик.

– Да проснись ты! – прикрикнула Ирочка. – Машу спасти надо. И меня тоже. И о себе заодно подумай.

Маша перебила младшую сестрёнку:

– Ты не волнуйся только. Главных плохих пока нет. Но решётку мы должны выломать – ведь ключа у нас нет. Давай, ты изнутри, а я встану Ире на плечи и попробую снаружи. Ты не думай, я сейчас сильная!

– Это в тебе сила любви. Но она и во мне, – оживился узник. – Ты обожди, я вначале сам попробую.

Послышалось его напряжённое дыхание, и вдруг затрещала выламываемая из каменных пазов решётка. Секунда – и она упала к ногам дево-

чек. Затем в тёмном проёме окна показалась фигура. Не раздумывая, принц спрыгнул на асфальт, поскользнулся в лужице, оставшейся после вчерашнего дождя, но устоял на ногах и распрямился. Был он невысок, но теперь всё же повыше Маши. Полосатая арестантская одежда, исхудавшее лицо, но иголки на голове топорщились длинные, острые, боевые, а не плюшевые, как раньше. Он с силой вдохнул воздух носом и сморщился:

– Замечтался я. А не время. Чую, что грузовики с мусором приехали. В воротах всё вывалят, чтобы нам не выйти, а потом руконогих выпустят. Надо другой путь искать.

– Но какой?.. – удивилась Маша. – Через железный забор нам не перелезть.

– Ну, Тыковкин, наверно, вам говорил, что он хочет у людей полную разруху устроить. Не может, однако, такого быть, чтобы в одном месте разруха, а в другом – полный порядок. Где-нибудь непременно и у него окажутся неполадки.

Запахнув от вечерней прохлады свой арестантский халат, принц в обличье ёжика пошёл вдоль забора, постукивая по железным прутьям, иногда толкая и дёргая их. Девочки следовали за ним. И вдруг один из прутьев при толчке отъехал в сторону. И образовалась довольно широкая щель, в которую можно было пролезть – и сразу же очутиться в парке среди кустов.

Глава десятая

СОВЕТ В СТАРОМ ДУБЕ И НАЧАЛО БИТВЫ

Так они и сделали.

Лес притих, даже листик не шевелился, небо казалось чёрно-серым, низким. Солнце исчезло, а тополиный пух, слабо различаемый в темноте, вяло катился по земле. На асфальтовой площадке, где ещё пару часов назад суетились руконогие, было пусто. Беглецы чувствовали, что надвигается опасность.

– Эй! – окликнула Маша спутников. – А может, атака не на нас готовилась. Тыковкин ведь на папу хочет напасть, на наш дом. Элиза об этом говорила!.. Бедные мама с папой!

– Тогда поспешим, – повернулась к ней шедшая первой Ирочка. – Я здесь, пока среди деревьев и кустов Машу искала, все тропинки изучила. Поэтому самой короткой дорогой вас веду.

– Можно ли, однако, полюбопытствовать, куда? – вежливо обратился к ней Ёжик.

– Куда? – переспросила Ирочка. – Да туда, где *куд-куда*, – хмыкнула она. – Я же сестрёнке своей старшей всё рассказала. Но она так своего принца спешила спасать, что ничего не расслышала. Ладно, ещё раз повторю, тем более что мой друг Карлуша этого не слышал. Надеюсь, принц, я могу называть вас своим другом?

– Почту за честь, – серьёзно ответил Ёжик.

– Что ж, слушайте. Но не отставайте от меня. А то скоро совсем стемнеет, тогда и я дороги не разберу. Да и вы о корень какой-нибудь споткнётесь и нос расквасите. Жалко носа-то.

И, не замедляя шага, ловко уворачиваясь от хлётких веток, она снова поведала о своём бегстве, о погоне за ней, о дожде и наводнении, о потоке воды, вынесшем её к древнему дубу, вершина которого, как ей почудилось в грозу, касалась середины неба, и о глубоком, очень глубоком дупле, укрывшем её от врагов. А также о радостном своём открытии – о курице Хохлатке и шести воробышках.

– Понимаете, – возбуждённо говорила Ирочка, – когда по совету Карачуна Тыковкин приказал руконогим уничтожить в Тараканске всех птиц, поначалу кур пощадил. Сам Нолик очень куриные яйца любит, ну, яичницу, всмятку и тому подобное. Но Хохлатка оказалась умнее других несушек. Те решили, что их уже никто не тронет. Продолжали яйца нести и зёрнышки поклёвывать, хотя при случае могли и таракашку склонуть. До поры до времени Тыковкин им это прощал. И всё же Хохлатка решила скрыться. Убежище нашла в дупле дуба. Как оказалось – на своё счастье и на счастье воробышков. Одна воробыха погибла, её руконогие из рогатки подбили, а в дупле воробьиные яйца остались. Шесть штук. Хохлатка и принялась их высидывать. И высидела шестерых бойцов. Самых грозных и страшных для тараканчиков. А всех остальных кур казнили – *по просьбе тараканьей общественности*. Нолик смекнул: хоть *курица и не птица*, как он сам не раз говорил, но всю его тараканью нечисть поклевать тоже может. Вот Хохлатка и говорит, что, когда к власти приходят существа вроде Нолика Тыковкина, главное – вовремя удрать подальше...

Так незаметно – под Ирочкин рассказ – добрались они до старого дуба. Он стоял мощный, высокий, с густой лиственной кроной, почти короной. Маша, кстати, раньше так и считала, что *крона* – это на самом деле *корона*. Увидев подходивших к нему беглецов, дуб, хотя ветра совсем не было, приветливо помахал своими ветками. На его коре видны были зажившие раны и рубцы. Когда-то Маша с папой срезали гниющую кору, очищали ствол от вредных букашек и насекомых, замазывали большие места лечебной глиной, и дуб выздоровел. А теперь помогал добрым от злых прятаться.

Подойдя к дереву, они остановились, и Ирочка спросила:

– Кто первый в дупло полезет? Могу и я.

– Погоди, – остановил её принц, оценивая взглядом длину ствола без веток. – А мы залезем? До веток ведь высоко.

– Ещё как залезем! – обнадёжила его она и, цепляясь за сучки и наросты коры, быстро вскарабкалась и остановилась у края дупла.

За ней последовала Маша, время от времени останавливаясь и помогая Ёжику, не привыкшему к лазанию по деревьям.

– Только учтите, – предупредила Ирочка, – придётся вниз, на самое дно дупла прыгать. Не бойтесь: хоть и высоко, но не страшно. Я-то сиганула, не разбирая, потому что мне погоня всё мерещилась. Я бы ещё и не туда скакнула. Но я верила, что дуб мне плохого не сделает. Так и вышло. Ну, приготовились?.. Все вместе! Раз, два, три!

И они прыгнули. Прыжок был затяжной, почти полёт. Казалось, что они всю жизнь будут вниз падать. Однако всему бывает конец. Они мягко приземлились на кучу дубовых листьев. Встали и невольно вверх посмотрели. Своды потолка из толстых, огромных корней образовывали купол, как в церкви, только с отверстием посередине, которое чернело далёким пятном. Стало понятно, что они уже глубоко под землёй. Но, к их удивлению, здесь совсем не было темно. Они ясно видели друг друга. Огромная зала, в которой они очутились, вся светилась изнутри. Маша пригляделась и поняла, что свечение шло от полированных дубовых стен из корней.

– Понравилось? – гордо спросила Ирочка.

Но, ошеломлённая полётом и открывшимся пространством, её сестрёнка пропустила вопрос мимо ушей и сама спросила:

– А почему тут лестницы нет, хотя бы верёвочной?..

Слегка надувшись, что на её слова Маша не обратила внимания, Ирочка всё же ответила:

– Чтобы никто не мог даже предположить, что здесь – убежище и тайное жильё.

И подняла сверху палец, призывая прислушаться. Из стен сочился глухой шорох, то усиливаясь, то замирая.

– Слышишь? *Он* подтверждает, – шепнула она.

Маша, как ни напрягалась, никаких слов не разобрала, но всё же почувствовала, что стены и впрямь излучают доброту и готовность защищать попавших в беду.

– А как нам отсюда выйти? – не отставала она от Ирочки.

Она не могла забыть, что тараканы шли войной на её родителей. Понимала, что нельзя в дупле отсиживаться... Но люди не птицы. Вылететь отсюда не смогут. И тут вдруг из шорохов, шуршаний, тихого скрежетанья сложились слова, твёрдые и ясные:

– Я помогу.

– Слышала теперь?! – воскликнула Ирочка. – *Он*, то есть сам дуб, нам поможет.

Пока девочки говорили, Ёжик внимательно прислушивался, приглядывался и принимался. Потом подошёл к стене и потрогал её. Шорох усилился, усилилось и свечение.

– Это светляки! – догадался он. – Они здесь живут и с дубом дружат. И из этой залы должны быть ходы, я чувствую!

– Конечно, есть, – сказала Ирочка. – Тут вы ещё много комнат увидите! У *него*, то есть у дуба, всего много. Он такой древний, что его корни на весь лес разрослись. Через корни мы потом и выйдем, когда надо будет. Дуб корень отодвинет – образуется ход, мы и выберемся. А теперь я вас со здешними жильцами познакомлю. Идите за мной.

Она подошла к той части стены, которая казалась темнее других. Шагнула в темноту и исчезла. Потом снова выглянула:

– Проход открыт. Можно идти. Смелее!

Маша и Ёжик двинулись к ней и очутились в длинном коридоре. Впереди маячило светлое пятно выхода. Они шли, задевая руками и плечами за корявые выступы корней. Но вот ещё несколько шагов – и они выбрались в такую же просторную залу.

– Здесь что-то вроде вольера, – объяснила Ирочка. – Тут воробышки летать учились.

Они нырнули в следующий тёмный коридор, который вывел их в комнату поменьше. Там от стены к стене были установлены на разной высоте жёрдочки. В одном углу притулился шкафчик с посудой, в другом – ведёрки с водой, в третьем – ящички с зерном; стоял стол, а на столе, нахохлившись и грозно устремив на входящих клюв, – курица Хохлатка. Она топорила перья и выглядела очень грозной птицей. За ней толпились взъерошенные воробьи, то и дело норовившие выскочить вперёд курицы и первыми встретиться незнакомцев. Но курица крыльями отпихивала их назад.

– Хохлатка, это я, и с друзьями, – успокоила её Ирочка.

Курица тут же пригладила свои пёрышки, а воробьи радостно полетели навстречу Ёжику и девочкам. Они садились им на плечи, на руки, на головы и приветливо чирикали.

– Вы так здороваетесь? Конечно, здравствуйте, – сказала вежливая Маша. – Вы можете нас не бояться. Мы не злые, как Тыковкин и Карачун. Мы тоже против них. Я старшая Ирочкина сестрёнка...

– Да они всё про вас знают, – перебила её Ирочка. – Я им всё-всё рассказала. – И, обратившись к курице и воробышкам, добавила: – Ведь правда рассказывала? Это – наша Маша, а это – принц Карл, хоть по виду он и Ёжик. Он был в плену у Тыковкина, сбежал. А теперь мы хотим с Тыковкиным и тараканами бороться. И вы нам поможете!

– Погоди, Ирочка, не торопись, – остановил её Ёжик, – надо сначала сесть всем вместе и побеседовать, обсудить. А Хохлатка нас чем-нибудь покормит. Я ведь в тюрьме ничего не ел. А немного подкрепиться нам бы всем не мешало.

Вот тут девочки пожалели, что отдали Элизе Машин фартучек-передничек. Но сделанного не воротить. И они посмотрели ожидающе на курицу. Та снова насторожилась, но, помешкав немного, проворчала:

– Я, конечно, вас покормлю. Но это всё, на что вы можете рассчитывать. Ни с кем я воевать не собираюсь и воробышков своих тоже никуда-куда не пушу. Мы здесь спрятались, и нам хорошо. Садитесь куд-куда-нибудь, а я покуд-куда на кухню пойду.

И она скрылась в соседнем помещении, откуда сразу раздался недовольный звяк и стук кастрюль и тарелок. Тем временем гости уселись на лавки вокруг стола. Воробьи покружились по комнате и, посоветовавшись друг с другом, устроились на ближайшей к столу жёрдочке. И самый крупный из них, бывший в их компании, наверно, вожаком, прочирикал:

– Ирочка вас представила. А мы хотим сами представиться. Моё имя – Чирик. Я здесь самый старший. Тот, что со мной рядом, зовётся Чик. Дальше по порядку – Чирик-чик и Чик-чирик. И две воробьихи – Рики-чика и Чики-рика. И, пожалуйста, не обижайтесь на нашу мать – курицу Хохлатку. Она просто боится за нас. А нам надоело прятаться. На воздушном просторе так хорошо! Мы ведь, чирик-чик, иногда потихоньку вылетаем. Мы, конечно, можем поклевать всех тараканов. Но, если честно, мы опасаемся тех, кого Маша назвала руконогими. Хохлатка нам рассказала про них, они могут любую птицу подбить из рогатки. Если бы не они, мы бы давно уже...

– Мы бы, мы бы... – прервала его, входя в комнату с подносом, Хохлатка. – А что – мы бы?.. Сколько я учила вас поменьше кудахтать – куд-куда там! Не можете куд-держаться!..

Она ворчала, но при этом расставляла по столу тарелки и накладывала в них горячую пшённую кашу. Разложив еду, взлетела на насест поближе к своим питомцам. Уставшим и проголодавшимся беглецам каша пришлась по вкусу. Наконец, насытившись, Ёжик отодвинул тарелку и произнёс:

– Спасибо, уважаемая Хохлатка, за угощение. Ты замечательная хозяйка и вообще очень умная и хорошая. По дороге сюда Ирочка рассказала о твоём предусмотрительном бегстве от Тыковкина и как ты спасла – высидела и воспитала – воробышков. Если мы победим, то Машин папа наверняка запишет твою историю в Книгу судеб.

– Вижу, куд-куда ты клонишь, но курицу на мякине не проведёшь, какой бы ты куд-кудесник ни был! – рассердилась Хохлатка. – Какая ещё там победа! Возможна только беда, куд-куда ты моих воробышков и заманиваешь. Не позволяю я им никуда-куда с тобой идти. Да и какая же мать согласится отдать своего дорогого ребёнка – воробьёнка, утёнка, курёнка, – чтобы несытое чучело бедную крошку замучило! Я эти слова от людей ещё раньше слышала. И они правы, потому что несытое чучело по имени Нолик Тыковкин у нас всех курят и утят перевёл. Поел их. Он же хуже таракана!

– А он и есть таракан, только превращённый, как руконогие! – вскричала Маша и выскочила из-за стола. – А таракан – это совсем не страшно! Ты от людей слова слыхала не простые, а из стихотворения. И оно очень хорошо кончается. Я тебе его прочту...

И она, торопясь, чтоб её не перебили, начала прямо с середины:

*Но однажды поутру
Прискакала кенгуру,
Увидала усача,*

Закричала сгоряча:
 «Разве это великан?
 (Ха-ха-ха!)
 Это просто таракан!
 (Ха-ха-ха!)
 Таракан, таракан, таракашечка,
 Жидконогая козявочка-букашечка.
 И не стыдно вам?
 Не обидно вам?
 Вы – зубастые,
 Вы – клыкастые,
 А малявочке
 Поклонились,
 А козявочке
 Покорилися!»
 Испугались бегемоты,
 Зашептали: «Что ты, что ты!
 Уходи-ка ты отсюда!
 Как бы не было нам худо!»

– Но вот тут и начинается самое главное, самое-самое, – прервалась на минутку Маша. – Вы теперь внимательно слушайте.

Но воробышки и без того затаили дыхание, даже Хохлатка притихла и не кудахтала. И девочка продолжила:

Только вдруг из-за кусточка,
 Из-за синего лесочка,
 Из далёких из полей
 Прилетает Воробей.
 Прыг да прыг,
 Да чик-чирик,
 Чики-рики-чик-чирик!
 Взял и клюнул Таракана –
 Вот и нету великана.
 Поделом великану досталось,
 И усов от него не осталось.
 То-то рада, то-то рада
 Вся звериная семья,
 Прославляют, поздравляют
 Удалого Воробья!
 Ослы ему славу по нотам поют,
 Козлы бородою дорогу метут,
 Бараны, бараны
 Стучат в барабаны!
 Сычи-трубачи
 Трубят!
 Грачи с каланчи
 Кричат!..

– Мама! – завопил вдруг самый большой воробышек Чирик. – Ты слышала? Даже грачи! Я тоже хочу, чтобы меня грачи прославляли.

– И я! И я! И я! – зашумели остальные воробы.

А Чирик сделал круг под потолком и досказал:

– И вообще, таракан – лишь жидконогая козявочка-букашечка! Мы давно это подозревали! И мы их можем поклевать! А от руконогих мы увернёмся! Честное слово!

– Молодец, Машенька, вовремя вспомнила! – Ёжик одобрительно кивнул ей.

– Точно, – согласилась Ирочка, – я знала сообразительных девочек, но такую умницу встречаю в первый раз. И поэт этот хорошие стихи написал, ну, тот, у которого фамилия на *Чур* начинается. Чур-ковский, кажется. Ладно, нечего улыбаться. Конечно, Чу-ковский!..

Впрочем, улыбки быстро пропали. Курица сидела на жёрдочке, нахохлившись и глядя на пришельцев исподлобья. Потом сказала:

– Я этих тараканов не хуже моих воробышков могу склёвывать. Не тараканы для нас страшны – руконогие. Детишки ещё глупые, я им об этом столько раз куд-кудахтала. Но они всё равно не понимают, что от камня из рогатки увернуться почти невозможно.

Тут встал Ёжик, опёрся левой рукой о стол, правую сжал в кулак: вид *боевой и мужественный*. Маша с трудом могла представить, что совсем недавно он был обыкновенным *плюшевым ёжиком*.

– Руконогих я беру на себя, – произнёс он. – Риск, разумеется, есть. Но я обещаю тебе сразить всех руконогих. А когда моя иголка попадает в руконогого оборотня, он сразу съёживается и возвращается в своё тараканье обличье. И это уж твоё дело, Хохлатка, твоё и твоих деток. Ключите их без пощады!

– А что мы будем делать? – спросили девочки.

– Ваша задача, быть может, самая трудная. Надо как-то Карачуна отвлечь. Если он вмешается в битву, то с ним я не совладаю. Хорошо бы, конечно, здесь Чуру появиться, но чудеса случаются редко. – Ёжик задумчиво провёл ладонью по топорщившимся на голове иголкам. – Мы сами должны справиться.

– А как тыладишь с советником и слухачами? Ведь они же не оборотни, а, хм-м, вроде как человеки, – хмыкнула недоверчиво и с беспокойством Ирочка. – Разве для них твои иголки опасны?

– У меня найдётся и против них оружие, – уверил её принц. – Я пока вдоль стен ходил, пошептал дубу свою просьбу. Думаю, он мне поможет. А когда эти негодяи увидят, что мы побеждаем, они наверняка струсят и сбегут. С Карачуном сложнее всего. Он, может, чистоты и не переносит, даже болеет от неё, но вообще-то его ничем не возьмёшь. Никто не знает, где его смерть.

– Я, кажется, знаю, – неуверенно сказала Маша. – Карачун сам проговорился. Она у Тыковкина хранится.

– Это навряд ли. Хотя... – Ёжик пожал плечами. – Хотя всё может быть. Нолик хитёр, хитрее всех. Но во всяком случае мы-то всё равно не представляем даже, где он её прячет.

Хохлатка молча слушала их разговор, а потом раскудахталась:

– Эк, куд-куда как размахнулся! Будто мы куд-куда-то согласились идти. А если мы никуда-куда не пойдём?

– Конечно, пойдёте, – мягко возразил Ёжик. – Неужели тебе не надоело в дупле прятаться, вместо того, чтобы на солнышке гулять, в земле червячков искать, с петухом кудахтать, а воробышков отпустить на вольную жизнь?

– Ур-ра! Да здравствует принц! – возликовал Чирик и принялся носиться под потолком.

– Ур-ра! – поддержали его и другие воробы.

И вся стайка закружилась в радостном воздушном танце.

– Куд-куда, куд-куда какой речистый! Уговорил. Это уж я ворчу так, для порядку-да... – Курица перестала хохлиться, её пёрышки распрямились, и стала она похожа на грозную боевую птицу. – Куд-куда мы денемся! Надо сражаться!

– Тогда план таков. Мы выходим на поверхность там, где всего ближе к тараканьим военным тропам. Они уже в походе, и мы должны их перехватить. Хохлатка и я прячемся в кустах. Воробышки начинают атаку. Но не увлекаются, а постепенно отступают в нашу сторону, заманивая руконогих. А затем быстро скрываются в ветвях и листьях. Пока оборотни опомнятся, я успею своими иголками многих поразить и *отараканить*. Это будут крупные тараканы, и справиться с ними сможет только Хохлатка. Тут и воробышки снова появляются, клюют всякую мелочь и тараканий сброд. А я тем временем должен к Тыковкину пробиться. Для него у меня самая острая игла припасена. И всё получится, как задумано, если Карачун не поспеет к этой битве. Поэтому, мои дорогие девочки, найдите всякие слова и хитрости, чтобы его задержать. Говорите, например, что поняли свою вину и хотите ему служить. Может, он и поверит.

– А если нет? – вздохнула Ирочка и, состроив печальную физиономию, добавила: – *Тогда нам карачун будет*, наверное.

Принц не сразу ответил.

– Должен поверить, – наконец жёстко выговорил он, – должен! Иначе... Иначе вам нелегко придётся, тяжелее, чем нам... Я уже говорил, что ваша задача не только самая трудная, но, быть может, и самая опасная. Вам надо Карачуна продержат, и долго, пока я с Тыковкинским справлюсь. Тогда колдун отсюда сам уйдёт, без Тыковкина ему здесь нечего будет делать. Вот и всё, что я могу вам сказать.

– Вперёд! – засвиристал Чирик.

– За мной! – приказал Ёжик.

Их движение сопровождали шорох и треск светлячков, освещавших им путь. Тяжёлые переплетения корней сдерживали сыпавшуюся под ноги землю. И вскоре они очутились в небольшой комнате вроде прихожей перед выходом на улицу. Там стоял в углу только один стол, и на нём что-то лежало. Светлячки поспешили осветить помещение. И все увидели на столе дубовый лук с тетивой из гибкого и длинного дубового корня, а рядом колчан, полный стрел с оперением из дубовых листьев. Ёжик подбежал к столу, поднял лук, натянул и отпустил тетиву, слушая раздавшуюся музыкальную ноту боя. Потом достал одну стрелу, попробовал острие и, довольный, засунул её назад в колчан. Обернувшись к спутникам, пояснил:

– Это против Советника и слухачей-шпионов. – И воскликнул: – Спасибо тебе, старый дуб! Я изгоню из твоего леса тараканье колдовство. А теперь выпусти нас наружу.

Медленно, раздирая пласт земли, двинулось вбок и вверх одно из корневищ, посыпались комья земли, и девочки увидели белый утренний свет. Оказывается, пока они сидели в дупле, прошла ночь. Но спать совсем не хотелось. Когда все выбрались на зелёную траву, корень словно всосало назад, и он встал на прежнее место, скрыв тайный ход. Они огляделись. Как будто неподалёку находилась площадка руконогих. Их, однако, видно не было. И – тишина. Как в тот момент, когда девочки впервые вступили на заколдованное место. Хотя какое-то движение, почти незаметное и непонятное, чувствовалось в воздухе.

– Ну-ка, ребята-воробьята, в воздух, на разведку, без разведки дальше опасно идти, – попросил принц. – Только не дайте себя заметить. Вверх, осмотритесь по сторонам – и немедленно назад.

Воробы, конечно, и сами стремились в небо – чистое, свежее, синее. Они взмыли к верхушкам деревьев, но почти сразу же вернулись к своим спутникам.

– Что, непривычно на воле? – улыбнулся Ёжик.

– На воле – чудесно, – пискнул храбрый Чирик, – но тараканье войско уже близко. Поэтому скорее прячьтесь!

И точно: поспешить стоило. Едва друзья укрылись в кустах, как мимо них пробежали, проскакали и пролетели удиравшие наутёк жуки, кузнечики, мошки и мурашки. А следом по асфальтовой дорожке и траве надвигалась чернота – бесчисленные ряды чёрных, чёрно-коричневых и буро-чёрных тараканов.

Впереди бежали лёгкой рысцой мелкие таракашки – вроде как лёгкая кавалерия. Серьёзного боя они бы не выдержали, но напугать неожиданным налётом, мгновенным захватом большой территории, ошеломить противника – да, это они могли. За ними – тараканы-битюги тащили стенобитные машины для пробивания тараканьих ходов и щелей в домах. И лишь потом катилось основное воинство – тараканья гвардия: огромные, твёрдосые, клыкастые, крепкопанцирные великаны. Но страшнее всего выглядели руконогие: *тараканьи люди*. Одетые в полувоенную – чёрную и коричневую – форму, они не суетились (как тогда на асфальтовой площадке), а шли, воинственно чеканя шаг, самодовольные, важные, уверенные в себе. Их было на удивление много. Старый Карачун постарался, создавая руконогих оборотней. Некоторые из них несли плакаты.

ПЕРЕТАРАКАНИМ МИР ЗАНОВО!
и
ВЫШЕ ЗНАМЯ ТАРАКАНЬИХ ПОБЕД!

И ещё в том же духе. Посередине войска трепетало огромное полотнище, на котором было написано больше всего слов. Ёжик и девочки вчитались. Это была тыковкинская программа жизни людей.

ПРИКАЗ № 1

ЗАПРЕЩАЕТСЯ:
ВЫНОСИТЬ СОР ИЗ ИЗБЫ, А ТАКЖЕ ИЗ КВАРТИРЫ
МЫТЬ РУКИ ПЕРЕД ЕДОЙ
ЧИСТИТЬ ЗУБЫ
ПРИНИМАТЬ ДУШ
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПЫЛЕСОСОМ
ПРОЧИЩАТЬ МУСОРОПРОВОД
ПОДМЕТАТЬ КОМНАТЫ
СТИРАТЬ БЕЛЬЁ
ВЫТИРАТЬ НОГИ ПРИ ВХОДЕ В ДОМ

КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ:
ТРАВИТЬ КЛОПОВ И ТАРАКАНОВ

ИМПЕРАТОР НОЛИК ПЕРВЫЙ

За руконогими ехала тележка, запряжённая четвёркой толстых свиней. В ней сидели Советник Евсейка и три слухача-шпиона.

– Из этих свинок Нолику торжественный пир устроят, если они победят, – буркнул Ёжик. – Но мы постараемся ему попортить аппетит. А ну, воробышки, начинайте! Да сразу по гвардии ударьте, чтоб вас скорее заметили. Это самые крепкие, они как раз перед руконогими идут. Но как только руконогие возьмутся за рогатки, отступайте к кустам.

И стайка воробьёв, возглавляемая Чириком, внезапно выпорхнула из лесной листвы, взмыла в воздух и с высоты спикировала на тараканью гвардию.

Гвардейские тараканы с перепугу бросились было врассыпную, но воробьи атаковали их с краёв, отжимая к центру, где тут же образовалась тараканья куча-мала, ощетиившаяся усами. Усы, однако, мало помогали против крепких птичьих клювов. Мерзин вскочил в своей тележке и заорал на весь лес:

– Рогатки – на изготовку! Пли!

Оборотни побросали плакаты и выхватили из карманов рогатки, камешки и гнутые железки. Полетели смертельные пули. Воробьи, увёртываясь от них, заманивали врагов к кустам, где затаился принц. Руконогие, уверенные в победе, наступали. Но птицы вдруг скрылись меж ветвей. Только Чирик, самый отчаянный, продолжал кружиться перед врагами. И внезапно упал прямо на руки Ирочке, сражённый камнем. У него было перебито крыло. Ирочка, склонившись над ним, принялась за перевязку. Из кустов стремительно выскочил Ёжик. И, со свистом разрезая воздух, в руконогих полетели его иголки. В кого они попадали, тот моментально сдувался, опал, сокращался в размерах. И вот вместо *тараканьих людей* среди травы засновали крупные раскормленные тараканы. Но за них взялась Хохлатка, неутомимо склёвывая одного за другим. Уцелевшие оборотни дрогнули и начали отступать.

С тележки соскочили здоровенные длинноухие слухачи и бросились к невысокому, хрупкому, хоть и колючему Ёжику. Но он мигом сорвал с себя лук, наладил стрелу – одну за одной – и пригвоздил оттопыренные уши шпионов к деревьям.

– Отходим! – охрипшим голосом трусовато покричал Советник. – Надо Нолику сообщить и Карачуна на помощь звать.

Он хлестнул кнутом по свиньям, тележка развернулась и понеслась прочь. За ней побежали тараканьи полчища. Маша от радости захлопала в ладоши. Ёжик на хлопки обернулся, нахмурился:

– Ты почему ещё здесь? Это только начало битвы. Торопись!

Маша покраснела от стыда, что не выполнила своё задание, и со всех ног побежала к домику Карачуна, погладив на прощанье по голове Ирочку и Чирика.

Глава одиннадцатая

ПОЯВЛЕНИЕ ЧУРА

Маша не заметила, как выскочила из леса, как миновала ворота, как пронеслась мимо вивария, как по еле заметной тропочке среди болота добежала до карачуньего жилища – так она торопилась сделать то, что должна была сделать. Опомнилась она на пороге перед словно бы нарочно для неё распахнутой дверью. Маша насторожилась, оглянулась – ничего и никого опасного не увидела, помедлила и шагнула внутрь. Там снова было грязно и пакостно, будто и не убирала она это помещение совсем недавно, не мыла его, не чистила. Котёл, снова весь перепачканный, висел над очагом, в котором медленно догорал огонь. Значит, Карачун ещё дома? Успела!

– Ну что, голубушка, – раздался над самой её головой пронзительный, как у котара, и одновременно по-тараканьи скрипучий голосок, – не удалось тебе старичка до смерти уходить? А поди, очень хотелось!

Маша вздрогнула, увидев вдруг перед собой свесившегося с печи Карачуна с двумя болтающимися кисточками волос – на подбородке и на темени. Не успела она отскочить, как из-за головы старика взметнулась его третья

рука, ухватила девочку за воротник платица и подтянула поближе к злоехидной физиономии колдуна.

– Да это я, дед Ворчун, случайно сделала. Хотела как лучше. И не подумала, что тебе от этого плохо будет. Да если б я знала, что так получится, ни в жизнь бы так не поступила. Я ж ещё вчера поняла, что сильнее тебя никого в мире нет.

– Это так, – самодовольно поддакнул страшный старик, – даже Чур со мной совладать не мог. Это да. Ну, а теперь расскажи мне, зачем ты снова явилась? Я ведь уж совсем на выход собрался. Хотел заключённых своих поглядеть, попугать их, потешиться, потом к Нолику заглянуть, узнать, что новенького... А тут ты вдруг... Ну ничего, негодяйку за воротник покрутить да помучить маленько тоже приятно.

– Ой, – вскрикнула девочка, немного испугавшись, но больше делая вид, что испугана. На самом деле она была рада, что всё же удалось ей застать Карачуна дома, и теперь она его сможет задержать.

– Ой, – повторила она *виноватым голосом*, – я прощения просить пришла. За то, что по ошибке неправильно поступила – пол вымыла и всё вычистила. Я больше так не буду!

– Неужели? – старик пристально всматривался в неё своими маленькими голубенькими глазками, крутя и сдавливая воротником её шею.

У девочки перехватывало дыхание и было больно горлу. Но она, насколько хватало сил, держала карачуний взгляд, будто говорила на самом деле правду.

– Ну конечно! – как можно искреннее выговорила она. – Я, пока в муравейнике сидела, решила к тебе в ученицы пойти. И, как только выбралась, сразу к тебе прибежала. Приказывай – всё исполню. Только своей мудрости научи.

– Ладно, поверю... – Старик отпустил воротник. – Но проверю.

Маша перевела дыхание, облегчённо вдохнула и выдохнула:

– Проверь. Я хоть сейчас у тебя такую грязь разведу, что в ней утонуть можно будет.

– Да ну? – старик покрутил волосики на подбородке.

– Ага, – подтвердила она.

– Ну чего уж, это хорошо. Постарайся, – ухмыльнулся колдун. – А я посмотрю, кто из вас лучше постарается. Кто больше грязи нанесёт, ту и награжу.

– А кто ещё здесь? – удивлённо и с тревогой воскликнула девочка. – Разве ты не один живёшь?

– Кто же, как не я!

На пороге стояла чумазая, вся в саже и золе, сопливая, в Машинном, теперь уже грязном, фартучке-передничке предательница Элиза. Правда, её розовое платице стало ещё замызганнее. В руках она держала помойное ведро, полное болотной жижи. И выплеснула его прямо Маше под ноги, забрызгав её всю снизу доверху.

– Правильно, девчушка! – одобрил Элизу Карачун. – Надо, чтоб вы обе обязательно одинаково грязными стали. Для сравнения это важно.

– А зачем же сравнивать?! – взвизгнула Элиза. – Я стараюсь, стараюсь, всё делаю, что мне велят: предаю, пакчаю везде. А она сразу на готовенькую грязь пришла! А до этого чистенькой хотела быть! Да и вообще, зачем она здесь? Зачем пришла? Ты, дед, спросонья всё забыл и всякую осторожность потерял. Ведь её и Ирку ещё вчера вечером должны были перед виварием мусором засыпать и тараканами затравить. Я ж тогда Нолику донесла, что они с этим преступным Ёжиком переговариваются и думают, как его освободить. Я их обманула, что скоро ключ от вивария принесу. Чтоб они ждали и не уходили. Но она, наверно, удрать успела...

– А ну цыц! – прикрикнул старик. – Ничего я не спросонья. Карачун всё знает, всё понимает. Сюда она явилась, чтоб вроде бы прощения попросить, а самой, небось, хочется у меня что-нибудь выведать. Пусть её!.. Мне важнее, чтоб она у меня перед глазами вертелась. Так оно спокойнее и надёжнее.

– А Ирка? – не унималась Элиза.

– Ну, эта мне и даром не нужна. Где-нибудь в парке прячется. С ней мы в рабочем порядке разберёмся. Мимоходом прихлопнем. У меня всё учтено! – Колдун устремил на Машу свои пронзительные глазки, словно ожидая, что она вот-вот в чём-то признается или хотя бы проболтается. – Думаешь, ей кто-нибудь поможет? Хотя.. Тебе-то ведь кто-то помог в муравейнике уцелеть. И с голоду ты не околела..

Маша молчала. В эти дни она научилась молчать, когда надо. И почти ничего не боялась.

– Видишь, она молчит! Конечно, молчит! – вдруг сообразила Элиза. – Хочешь, я тебе всё расскажу, Карачун? Ей Чур помогает! Как же я об этом забыла? Он ей фартучек-передничек заколдовал, чтоб она не голодала. Я подглядела. Она пошепчет: «Чур-чур, только не чересчур» – и сразу на передничке еда появляется. Я у неё этот фартучек-передничек выманила, но мне еду Чур не дал, потому что я за вас! Понял? Ты уж лучше заодно и Машку прихлопни, пока она сюда Чура не подманила!

От этих слов старик свалился с печки прямо в грязь. Но быстро вскочил на четвереньки, глаза вытаращил, на Машу уставился и, подвивая тоненько, залопотал:

– Про всё знал. И что муравьи её пожалели. И что Ирка с ней была. И что иглоносного злодея они освободили. И что в старом дубе отсиживались. Про дуб вообще-то недавно догадался, но ничего, теперь его спилим.. А вот что Чур опять в мои дела вмешивается – это опасно.. Думал, пусть порезвятся, птичек на волю выпустят, всё равно им ходу отсюда нет и от меня не скроются. Пусть, думал, руконогих пощёлкают, Нолика попугают, чтобы, от страха икая, ко мне за помощью прибежал. Тут бы я всех победил, и снова бы Нолик передо мной заискивать стал, вспомнил бы, что без меня он и взаправду нолик! Но Чур!.. Про него не знал, его не учёл, не входил он в мои планы! А ты, дурацкая девчонка, значит, перехитрить меня хотела?

Маша гордо вскинула голову и ничего не ответила.

Колдун пробежался вокруг неё, перебирая по полу своими пятью конечностями, как паук. Затем поднялся на ноги, встряхнулся, протянул к девочке правую руку и прозудел пронзительно, как болотный комар:

– Так-так, хватит мне из себя доброго деда Ворчуна корчить! Обещал я тебя наградить по заслугам – и награжу. Получишь ты от Карачуна подарочек, который навечно тебе рот заткнёт, чтобы ты до Чура отныне докричаться не могла. Хотела принца полюбить – так сократись в размерах, *свѣжься* и будь *ежу* подходящей принцессой. Квакай же всю свою оставшуюся жизнь! Пусть будет моё заклятие нерушимо до самой моей смерти, которую никто никогда не отыщет. И пушу я тебя, *принцесса-лягушка*, в болото к другим лягушкам и жабам, чтоб нельзя тебя было от других квакушек отличить.

И девочка почувствовала вдруг, как её кожа становится скользкой, пупырчатой и холодной, провисает складками, а руки, ноги и всё тело неотвратимо съеживаются. И вот уже вместо слов у неё изо рта вырывается неразборчивое кваканье. Да, всё так и произошло, как наколдовал Карачун. Лягушка Маша сидела в жидкой, ледящей её кровь грязи, высунув нос, чтобы не захлебнуться, и квакала.

– Брось её в болото! – велел Карачун Элизе.

Элиза заулыбалась и, совершив танцевальное па, послала колдуну воздушный поцелуй, как всегда делала, когда ликовала. Но только она хотела двинуться к Маше и схватить её, как, оттолкнув предательницу, в домишко убежал Советник. Он был бледен и испуган.

– Беда, старик! – завопил он, потный от быстрого бега. – Кончай здесь свои штучки! Твоя помощь ох как нужна! Ёж наступает! Воробьи тараканов почём зря клюют. А Ёж своими иголками руконогих бьёт и сдувает, превращает их в тараканов, не даёт им за рогатки взяться. А проклятая курица их доклёвывает! Тесть мой Агафон так погиб. А жену мою Мотьку-тараканиху гадкая Ирка ногой размазала. Нолик в своём кабинете заперся! Полный развал! Вся твоя работа, старик, все твои старания насмарку могут пойти!

Он вопил, а словно бы и не очень переживал гибель своих тараканьих родственников и разгром армии Нолика, будто и иная какая мысль таилась в его глазах. Лягушка Маша это ясно видела. Карачуна он звал, а сам ведь сбежал, битву покинул, не послал кого-нибудь из руконогих или тараканов, не остался Нолика защищать... Почему? То же и колдун почувствовал. Он с подозрением поглядел на Мерзина и проговорил не слишком дружелюбно:

– Другого слушай, а своему глазу доверяй. Не может хуже быть, чем я ожидал. Но откладывать и вправду неча, пойдём себе потихоньку. А ты, девка-чернавка, – прикрикнул он на Элизу, – передничек-то чужой сыми да мне отдай. Я в него нашу новую лягушку заверну и на страх врагам нашим с собой прихвачу.

Но, не дожидаясь, пока Элиза выполнит его указание, он поймал её за руку, подтащил к себе поближе и грубо сдёрнул с неё фартучек-передничек. А затем, быстро нагнувшись, ловко схватил лягушку Машу за её холодную скользкую спинку. Напрасно она дрыгалась и отбивалась всеми четырьмя лапками: старик держал её крепко. Завернув её в передник, сунул в карман и вышел из дома. За ним суетливо и юрко, виляя всем телом, поспешил Евсейка. Последней тащилась поскучевшая Элиза, которая всё никак не получала ожидаемой ею богатой платы, а лишь тычки и обиды.

– Послушай, старик, – хриловато-доверительно заговорил Мерзин, догнав колдуна, идя след в след ему узенькой тропочкой через болото и дыша горячо в спину, – если этот колючий-игольчатый нашего Нолика Тыковкина, пока я сюда бегал, того... сдует, пронзит и сдует, то ты меня сделай главным... Ладно? Мне ежиные иглы нипочём, и ты знаешь, я полезнее Нолика буду, потому что из твоей воли никогда, никогда-никогда не выйду.

Старик, не отвечая, широкими шагами брёл через болото. Вдруг резко остановился и обернулся к растерявшемуся Советнику:

– А если Нолик уцелеет? А если я ему о твоих словах расскажу? А если мне с ним дело иметь выгоднее?

– А могу и я рассказать! – подхватила, приблизившись, Элиза.

– Да вы что, вы что, друзья! – перепугался Мерзин. – Я же предположил только! Да мне Нолик дороже отца родного! Хоть сейчас скажут: «Выбирай – отец или Нолик?» – я Нолика выберу. Он самый могучий и великий! Я просто подумал, что если...

– Вот если это «если» произойдёт, тогда и разговаривать будем, – сердито прозвенел комариным своим голоском Карачун и зашагал дальше.

Советник и Элиза поплелись за ним. А Маша повторила тихо: «Плохие сами себя погубят. Правильно мне кто-то говорил. Может, папа...»

Карачун шёл быстро, и ещё через несколько минут они добрались до места сражения. Оно переместилось во двор серых пятиэтажных домов. Всё пространство было завалено кучами мусора. В щелях и пустотах этих нагромождений таились тараканы. Их выклёвывали оттуда бесстрашные воробьи. Руконогие вели огонь из рогаток, прячась за мокрыми картонны-

ми коробками, выброшенными трухлявыми шкапами, столами и стульями. Ирочка, вся в синяках и ссадинах, разбрасывала руками мусор, стараясь обнаружить и открыть таившихся руконогих. Как только кто-нибудь из них мелькал в образовавшемся просвете, в него летела иголка Ёжика. В колчане у него оставалась лишь одна стрела. Руконогие защищали крыльцо **КОНТОРЫ ТАРАКАНА**, которое вело в кабинет, где заперся перепуганный Нолик. Но штурмующие явно побеждали.

Всё это Маша разглядела, когда Карачун взобрался на кучу мусора и поднял *принцессу-лягушку* над головой. Держа её за заднюю лапку и глядя, как она беспомощно дёргается в воздухе всем телом, колдун так пронзительно засмеялся, что все сражающиеся замерли и уставились на него. А он крикнул громко:

– Полюбуйся-ка, отважный принц, на свою невесту-красавицу! Полюбовался? А теперь посмотри, как я её сжую и слопаю, прежде чем с тобой расправлюсь!

Но пока Карачун кричал свои злодейски-хвастильные слова и пасть разевал, чтоб заглотнуть лягушку Машу, последняя стрела принца была уже на тетиве и, пронзив воздух, впилась в его руку.

– О-ё-ёй! – взвыл злой старик и от боли разжал пальцы.

Лягушка шлёпнулась на какую-то кипу рваных тряпок, соскочила с неё и быстро скрылась за перевёрнутый мусорный бак.

– Ах ты, чучело чужеземное игольчатое! В наши дела вздумал соваться! – прошипел колдун, выдирая из раны стрелу и отбрасывая её в сторону (но Маша увидела, куда стрела упала, подобрала и опять скрылась за тот же бак). – Ну берегись уж! Быть тебе *сызнова и во веки вечные* плюшевой игрушкой, но теперь по моему, а не по твоему хотению! Ни отмены, ни запрета моему заговору нет, *пока я не захочу*, а я никогда этого не захочу!

И сразу после его заклятья вместо бесстрашного бойца, метко разившего врагов, оказался среди разного хлама маленький плюшевый ёжик. Будто его по ошибке выбросил вместе с мусором какой-то ребёнок. Воробы вспорхнули высоко вверх, недоступные для рогаток руконогих, но не улетали, не желая бросать в опасности свою мать-курицу и друзей. Хохлатка же тем временем миглом зарылась в большую кучу помойных отбросов в углу двора. Она помнила, что со злобными руконогими шутки плохи. И Ирочка куда-то скрылась.

– Найди-ка мне нашу принцессу-лягушку! – приказал Карачун Элизе.

Встав на четвереньки, приглядываясь, поползла Элиза среди мусорных и помойных куч в поисках Маши. И добралась почти до перевёрнутого бака, за которым, вся сжавшись, сидела бедная лягушка. Вот уже и её зелёную спинку заметила негодяйка. Но не успела она рта раскрыть и руки протянуть, как сбоку метнулась чья-то фигурка и вскочила Элизе на плечи, и чьи-то исцарапанные ручки зажали рот предательнице. Однако не удержалась Ирочка (это была, конечно, она) и сама воскликнула:

– Никогда вам Машу не схватить, пока я цела!

– Ну, это легко исправить! – услышал её слова Карачун и щёлкнул пальцами. – И на тебя, глупую девчонку, бывшую куклу, кладу то же заклятье, что и на сестру твою по несчастью. Будь же ты, как и Маша, лягушкой-квакушкой *до самой моей смерти, которую никто никогда не отыщет*. Скачите две квакушки, а вас Элиза ловить будет.

И поймала бы их Элиза, хотя и поскакали лягушки торопливо прочь, прячась за размокшими картонными коробками. Но вышел в этот момент на крыльцо Тыковкин. И Советник заорал восторженно:

– Все – смир-рна! Равняйся на крыльцо! Да здравствует великий и победоносный император Нолик Первый! В этот величественный и печальный час,

глядя на поверженного лютого врага, мы должны оплакать павших в неравной борьбе и воздать должное героям, благодаря которым наше дело увенчалось блистательной победой. И прежде всего я хотел бы, чтобы мы прокричали трехкратное «ура» в честь нашего покровителя, самого могучего колдуна в мире – Карачуна Бессмертного. Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

Разумеется, уцелевшие руконогие подхватили эту здравицу. А колдун улыбался, довольный собой, почёсывал третьей рукой свою лысую голову и бормотал еле слышно:

– Говорил же я, что подлизываться будет. Но пусть, пусть. Всё равно приятно, когда тебя превозносят.

Нолик поднял правую руку, призывая слушателей к тишине, а левой достал из-за спины портфель, в котором что-то трепыхалось.

– В знак твоих неоценимых заслуг, о мой могучий друг, – начал Тыковкин, – я собираюсь вернуть тебе твою...

Он не договорил. Послышался вдруг не то свист ветра, не то звук работающего пылесоса. Потом ненадолго тишина. И в этой тишине тем отчётливее прозвучали далёкие, но тяжёлые приближающиеся шаги. И через минуту или две над лесом возник силуэт старика, будто даже знакомого двум притаившимся лягушкам. Был он, как всегда, гладко выбрит, лоб в морщинах, только уж очень непривычно огромен. В руках он держал великолепный пылесос. Не обращая ни на кого внимания, поставил он пылесос на землю и, прежде чем включить, пояснил:

– Грязно тут у вас. Уборку проводить надо. Сами не хотите – чур, мне придётся. Я так всю жизнь поступал.

И нажал кнопку. Пылесос загудел, всасывая в себя горы мусора, помойные кучи, всякий хлам, дохлых тараканов. Хохлатку со всех сторон почистил. Но ни она, ни руконогие, ни Советник, ни Тыковкин, ни даже Карачун, ни, конечно же, плюшевый Ёжик и две сестрёнки-лягушки в этот вихрь не попали. И во дворе стало чисто.

Карачун, задрав вверх голову, с ужасом смотрел на огромного старика и дрожал мелкой дрожью. А когда тот выключил пылесос, со страхом и злобой колдун выкрикнул:

– Это Чур! Чур меня, чур! Ты же меньше раньше был! Зачем явился? Меня наказать? Не выйдет! Смерть моя тебе неподвластна.

– А мне она и не нужна, – сурово ответил Эрнест Яковлевич Чур. – Всё, что ты плохого делал, сегодня против тебя обернётся. Зато хорошие и чистые победы. Ты же от чистоты корчишься и болеешь... Каково же тебе покажется, когда весь мир от грязи избавится! Совсем худо тебе станет. А теперь приказываю: чур, немедленно оживи принца по собственному хотению – не то я тебя навсегда в жука-плавунца обращу. И будешь, бессмертный, бесконечно по болоту бегать, никому не нужный. И поверь мне: моё волшебство сильнее твоего колдовства. Пока ты злодействовал и пакости строил, я учился и книги читал.

Огромной рукой он поднял за шиворот Карачуна, поднёс к своему лицу и посмотрел ему пристально в глаза. Не выдержав его взгляда, злой колдун дунул в ту сторону, где лежал на земле плюшевый ёжик и, кривясь, проговорил:

– Так и быть. Снимаю мой заговор *по моему собственному хотению*. Будь, кем ты должен быть. Всё равно от Нолика проку уже никакого.

И принц Ёжик, смелый, быстрый и, главное, живой, вскочил на ноги и воскликнул:

– Спасибо тебе, добрый волшебник Чур! А вы, руконогое племя, выходите на последнюю битву! Это и к тебе относится, Ноль!

Его иголки били оборотней без промаха, а отараканившихся доклёвывали воробы и опомнившаяся от страха Хохлатка. Нолик, присев на корточки, выглядывал из-за перил, прикрываясь коричневым портфелем. Чур опустил Карачуна на землю и сказал:

– А ты стой и смотри на конец своего злодейского предприятия. Зло злодействует, но добрый и смелый рано или поздно побеждает!

– Меня вам всё равно не одолеть, – проворчал Карачун себе под нос, озираясь по сторонам, куда бы и как удрать. В битву он уже не вмешивался, да и Чур не допустил бы.

Наступил светлый победный вечер. Наконец был отараканен последний руконогий защитник крыльца. Взмахнув луком, принц ринулся к Тыковкину. Но тот, выставив перед собой портфель, как щит, предохраняющий его от ежиных иголок, заюлил:

– Ты погоди, погоди! Ты куда? Я, может, и вообще здесь ни при чём. Почему я? Почему я отвечать за всё должен? Это Карачун во всём виноват! Это он меня создал!

– Увидев, что принц приостановился, слушая его, Нолик даже с корточек встал и укоризненно обратился к колдуну.

– Что же это ты, злодей Карачун?.. Зачем меня втянул в такое плохое дело? Подставил ты меня, старик, подставил. Не ожидал от тебя. Нехорошо это с твоей стороны. Подбивал меня на дурные поступки. И про Книгу Машенькиного папочки всё мне наврал. Уверил меня, мол, то, что я туда запишу, непременно исполнится. И что написать – подсказал. А сколько бы я ни писал, продержится моя запись две минутки и исчезает. Вот ты какой скверный врун! Тебе, колдуну, и расплачиваться за всё надо, раз ты во всём виноват. Вот, Чур, отдаю тебе карачунскую смерть! Держи!

Торопливыми пальцами расстегнул Нолик свой коричневый портфель, вроде бы попытался оттуда нечто достать, но зашербуршилось там что-то, забилось и, минуя Ноликовы руки, из портфеля вырвалась на волю утка.

– Ой, держите её, в ней карачунская смерть! – завопил Тыковкин, нелепо размахивая руками.

И, как всегда, нельзя было понять, случайно он выпустил утку или нарочно дал ей улететь, чтобы на всякий случай сохранить с Карачуном дружбу. Утка взмыла вверх, но не улетала, делая круг за кругом над тем местом, где стоял Карачун. Все растерялись.

– Улетай, дура! – завопил колдун.

Утка взмахнула крыльями, набирая высоту.

– Эх, где моя стрела?! – с досадой воскликнул принц.

Но лягушка Маша уже протягивала ему спасённую и сохранённую стрелу. И вот, сорвавшись с тетивы, она стремительно ринулась вверх, вдогон. И через мгновение пронзённая ею утка тяжело шлёпнулась на землю. Брюхо у неё лопнуло, и из него выпало и покатилося яйцо.

– Не уйдёшь, подлое! – вскочил на ноги притворявшийся мёртвым Советник и, в секунду догнав яйцо, раздавил его. – Я ваш, я всегда был на вашей стороне, – задушевно-хриловатым и шуршащим голосом объяснил он Ёжику и Чуру свой поступок. – Я просто подчинялся их приказам и придумывал то, что они хотели. А когда можно – я всей душой за правду! Ой! А он жив! – указывая пальцем на Карачуна, сел с перепугу Мерзин на бордюры асфальтовой дорожки перед домом.

– Ты, наверно, на самом деле ещё за них! – выскочила вперёд Элиза. – Поэтому ты и иголку не сломал. А я вот ломаю. Получай, гадкий Карачун! – И, схватив выпавшую из яйца иголку, отломил у неё кончик. – Я всегда была Машиной подружкой, а вы меня в грязи держали. Подличать велели!

Тут произошли некоторые чудеса. Карачун начал бледнеть, таять, уменьшаться и вдруг совсем исчез. Вместо него образовалось маленькое болотце. А со смертью злого колдуна заклятье, которое он наложил на Машу и Ирочку, прекратило своё действие, как он и обещал. Лягушачья кожа упала жалкими ошмётками, и две девочки стояли там, где только что скакали лягушки. Стало видно, как осели стены вивария. Затем они рухнули, и все пленники – ежи, барсуки, лисы, котята, щенята – бросились со всех ног прочь, кто куда.

– Маша! Ирочка! Как я за вас рада! Мы снова вместе! Снова три подружки! – разлетелась к ним Элиза.

Но Ирочка сильно охладила её:

– Встречала я разных девочек, – сухо произнесла она, – но таких подлых – никогда. Шла бы ты лучше к своему жениху Нолику!

– Какой он мне жених! Надутый болван – вот кто он такой! – отреклась от Тыковкина Элиза.

– Ах ты, гадкая! – вне себя от злости и обиды выкрикнул Нолик со слезами на глазах. – А говорила: «мой золотой»! Говорила, что лучше и умнее меня никого на свете нет. Я тебя княжной Таракановой назначил, а ты клялась судьбу мою разделить, во всём мне помогать.

– Конечно, клялась. Так и ты тогда собирался королём стать. А теперь ты кто?.. – презрительно отмахнулась от него Элиза. – *Ноль без палочки.*

– Да я тебя... – взвыл Тыковкин и внезапно прыгнул с крыльца, сбив с ног свою бывшую невесту. – Я тебя задушю!

Он повалил её на землю и схватил за горло. Беспомощная девочка затрепыхалась в его жестоких руках. Какая ни была Элиза предательница, но не мог принц Карл допустить, чтобы обижали – да ещё в его присутствии! – беззащитных. Метко пущена игла, и – нет Нолика Тыковкина, только юлит и мечется гигантских размеров чёрно-бурый таракан, норовя найти какую-нибудь щель. Но плотно окружали его враги. Хохлатка боком подступала к нему, примериваясь как бы его склюнуть. Со страху таракан начал пухнуть, принимая совсем уж не тараканьи – необъятные – размеры. И вдруг – *отыквился!*.. Теперь перед нашими друзьями лежала толстая, тупая, твёрдокожая, жёлтая с чёрно-коричневым отливом тыква. Рядом блестело золотое кольцо, обрonnenное Ноликом в момент его превращений.

– Бедный Толик-Нолик, – промолвил, подходя, волшебник Чур, сам уменьшаясь при этом до нормального человеческого роста. – Всё ему не впрок пошло: и человеческий облик, и власть.. Отыквился. Как когда-то один жестокий римский император. Ведь на Элизу он накинулся от отчаяния. И себя погубил. Впрочем, ничего другого он не заслужил. А кольцо я подберу. – Он наклонился. – Негоже волшебным кольцам без призора валяться. Тем более что кольцо это моё. Его у меня Карачун похитил, а у того – Тыковкин. Ну да ладно, теперь нам другой вопрос решить надо. Что с оставшимися делать – с Элизой и Советником? Да ещё со шпионами, которых принц к деревьям пригвоздил.. Кому решать? Машеньке?

Он стоял совсем спокойно – их бывший сосед по квартире, в таком своём привычном, мятом сером костюме, из-под пиджака виднелись подтяжки, ворот клетчатой рубашки, как всегда, расстёгнут, – и улыбался Маше. И странно так было, что он ещё и могучий волшебник Чур, оказавшийся сильнее злого Карачуна. Казалось, что он сейчас скажет: «Что-то ты, Машенька, в парке загулялась. Пора домой. Там, наверно, родители уже беспокоятся. Пойдём, я тебя отведу». Эрнест Яковлевич кивнул ей, и девочка поняла, что он догадался о её мыслях. Она обернулась к Элизе и Евсейке-советнику, которые застыли, понутив головы и даже не пытаясь никуда скрыться.

А младшая сестрёнка тут как тут:

– Конечно, Маше решать. Она справедливая.

Ёжик Карл поддержал её, улыбнувшись. Но Маша спросила сначала о друзьях:

– Ты мне Расскажи прежде, как наши раненые воробышки?

– Не волнуйся! – затараторила Ирочка. – Всё в порядке. Убитых нет, а раненым я лазарет в старом дубе устроила. Чирик уверяет, что завтра уже летать сможет. Очень ему хотелось всех тараканов поклевать, чтобы ослы ему славу по нотам пели...

– Хвастунишка он у меня, хоть куд-куда! – закудаhtала Хохлатка, вроде бы осуждающе, но и с гордостью за храброго сына.

– Ну что ж, Хохлатка, он прав. Маша ведь ему обещала, – сказал Чур. – Я завтра соберу в лесу всех птиц и зверей, которых Карачун с Тыковкинским повыгоняли, и тех, которые разбежались, когда виварий рухнул. Пусть они воробьям величальные песни споют.

– А этих? – Ирочка указала пальцем на Элизу и Советника. – Была бы моя воля, я бы просто их прибила!

Маша отрицательно покачала головой.

– Нет-нет! Злые злых предали и уничтожили, а мы, добрые, должны по-другому поступать. Надо так придумать, чтоб Добро не уничтожало, а как-нибудь исправляло Зло, делало его если и не Добром, то хотя бы для всех безвредным. Только я не знаю, как это устроить, – добавила она грустно. – Разве что их самих спросить. Пусть, например, Советник скажет, что он хочет сделать, чтобы исправиться.

– Я сразу же в нескольких газетах под разными именами статьи опубликую об обязательной для всех стрижке «под ёжик». И, *чур*, тем самым вину свою искуплю! – заискивающе, но и нахально предложил Мерзин, почти уверенный, что его услугами воспользуются.

– Ни в коем случае! – сурово ответил волшебник. – Обойдётся без *чура*. Мне совсем не хочется, чтоб всех стригли под одну гребёнку. Почему это ты сочиняешь только неприятности для людей? Может, ты и в самом деле неисправим?

– Тогда здесь меня оставьте, – торопливо пожелал Советник, – раз в людском мире теперь негодяйство не в цене. Я туточки поживу, обожду. Авось, ещё кому пригожусь. И шпиончиков со мной оставьте. Одна у нас судьба. Может, мы и исправимся...

– А куда вам деваться – исправитесь! – усмехнулся Чур. – Потому что моё задание вам придётся выполнить: болото и все мелкие болотца осушить, а на их месте фруктовый сад вырастить. А я через пару лет проверю, как работа у вас идёт. Так что не надейся – снова негодяем тебе стать не удастся. Но вот что с Элизой делать?..

– А чего я? Я теперь хорошая, я опять Машиной подружкой буду, – как ни в чём не бывало сказала Элиза. – А вам за это расскажу, где Нолик Книгу Машиного папы спрятал. Я знаю. А вы меня не станете наказывать. Вот.

Чур погрозил ей пальцем:

– Это и я знаю. Да и Карачун уже моей силе не мешает, так что мне достаточно руку протянуть, чтоб её получить.

Он поднял ладонь вверх, и на неё вдруг легла та самая Книга. Он отдал её папиной дочке, а в руке у него появился другой предмет.

– Возьми, Машенька, кстати, и свой фартучек-передничек – уже выстиранный и выглаженный. Не удивляйся, это простое волшебство. Ведь добрые дела совершаются легко, ты сама о том ведаешь. Но как нам с этой сквернавкой Элизой поступить – ума не приложу.

– А я как будто придумала, – задумчиво произнесла Маша. – Мне кажется, что Элиза была раньше Прекрасной Еленой, которая Ёжика предала. На это и Карачун намекал, говорил, что она до того, как куклой стала, *злым*

служила. А потом облик свой переменяла, ко мне в дом попала, *подружкой притворилась*. Наверно, ей злой колдун помогал. Теперь его нет, и всё равно лучше её снова в куклу превратить, но уже навсегда. Чтоб она не могла никогда ожить. А с куклой Элизой я ведь могла играть, хоть она порою и вредничала.

– Что ж, так и сделаем, – согласился Чур. – Смотри: раз – и она уже кукла целлулоидная, только глазами хлопает... Хочешь – ты бери, а хочешь – я её себе в карман суну?.. Понаблюдаю за ней, повоспитываю, а потом как-нибудь, когда к вам в гости приду, верну тебе... А?

– Берите вы, Эрнест Яковлевич, мне пока и смотреть на неё не хочется, – ответила Маша. – А из *тыковкинской тыквы* вы можете мне *страшилище сделать*, с фонариком внутри, вроде тоже как игрушку? С глазами, ртом, носом. Чтоб я никогда не забывала о Тыковкине и о том, что Зло всё же и на самом деле на свете бывает.

– И это можно. – Чур сунул под мышку круглую жёлтую тыкву. – А принц и Ирочка? Ведь они раньше тоже игрушками были... Ты спроси у них, что с ними дальше будет.

– Спроси-спроси, пожалуйста, у нас спроси, – повторила весело слова волшебника раскрасневшаяся Ирочка.

Расцарапанная, веснушчатая, некрасивая, она всегда была любимой сестрёнкой и самым надёжным другом. С неё Маша перевела глаза на ёжика Карла и охнула. Ничего ежиного не осталось в нём. Перед ней стоял не колючий Ёжик-принц, а прекрасный юноша с зелёными глазами, в зелёном, под цвет

«Маша и принц».
Художник Наталья Григорян

глаз, шёлковом камзоле, лиловой накидке с серебряными звёздами, на боку шпага, через плечо лук и колчан со стрелами, на голове бархатный берет с павлиньим пером – одним словом, *настоящий принц!* Преображение произошло так мгновенно, что Маша растерялась, не зная, что сказать.

Сказал принц:

– Сердце моё и душа полны любви, о моя дорогая невеста. Ты полюбила меня в *ежином обличье*, вынужденно принятом мною. И своей верной дружбой и любовью спасла меня, не испугавшись злого колдовства и всяческих

угроз, не поддавшись на соблазны. Враги разбиты. И теперь я спокойно могу принять мой настоящий образ. Лучше тебя никого нет. Я в этом ещё раз убедилась, когда ты решала, что делать с побеждёнными врагами. Мой отец-король тоже всегда говорил: «Побеждай Зло Добром». Но я должен вернуться в своё отечество. Долг зовёт меня. А тебе ещё расти и учиться. И ты учись и расти. А я тебя буду верно ждать. И ты жди меня, жди своего принца. Придёт назначенный судьбой час – и я за тобой приеду. А пока вме-

сто себя я оставляю плюшевого ёжика, который тебе так полюбился. Когда соскучишься или затоскуешь обо мне, шепни ему, и я в ту же ночь явлюсь к тебе во сне. А уж если моей невесте опасность какая грозит будет, про это я сам узнаю, *сердце сердцу весть пошлёт*, и тогда я ещё быстрее вернусь, быстрее сна.

И он протянул ей плюшевого ёжика – точную копию себя прежнего. А девочка заплакала.

– Ты что, Машенька? Что с тобой, моя радость? Машка, ты что это ревёшь? – заговорили сразу все вместе: и Чур, и принц, и Ирочка.

– Мне так хотелось после победы поплыть с принцем по реке на лодке, и он мне это твёрдо обещал.

– Но так и будет! – воскликнули Чур и принц. – Сейчас и река, и лодка будут. Это само собой.

– Откуда река? Откуда лодка? – всхлипывая, недоверчиво спросила Маша. – Здесь ничего такого нет.

– А ты перестань плакать и оглянись, – улыбнулся ей ласково дедушка-сосед.

Маша оглянулась. Прямо от места, где прежде стоял виварий, протянулась длинная, голубая, похожая издали на её ленточку для волос полоса. Это была река. А рядом с берегом покачивалась на лёгких волнах весёлая лодка, такая красивая, будто нарисованная, и ждала пассажиров. Сине-голубая лента реки вливалась прямо в Машин дом, который вдруг стал отчётливо виден, в её окно. Принц приблизился к ней, поклонился, потом взял свою невесту под руку и повёл к лодке.

– А как же Ирочка? – остановилась Маша. – Я не хочу её оставлять одну, она моя сестрёнка.

И шагнула назад, к Ирочке, вырвав у принца свою руку. Сестрёнка в этот момент шепталась о чём-то с Чуром.

– погоди, Маша, – сказала она. – Я, конечно, с тобой поеду. Только опять буду тряпичной игрушкой. Волшебство пока кончается. Это, оказывается, Чур меня оживил, чтобы я могла тебе помочь. Для всех я по-прежнему останусь некрасивой куклой. Но ты-то помни и не забывай, что я твоя сестрёнка. И учи меня всему, чему сама будешь учиться. Только учись хорошенько, чтобы всё правильно мне пересказывать. Мы так с дедушкой Эрнестом Яковлевичем решили. А когда твой принц вернётся за тобой, вы и меня возьмёте, и тогда я оживу в его стране. И снова стану весёлой девочкой, твоей младшей и дорогой сестрёнкой.

Маша заплакала, но делать нечего – она уже держала в руках свою старую любимую куклу Ирочку. А волшебник Чур ей говорил:

– Не расстраивайся, Машенька. Всё хорошо кончилось. Лучше и в сказках не бывает. А теперь тебе надо к маме с папой торопиться. Волшебное время прошло, и они скоро начнут беспокоиться. Папе ты ещё и Книгу должна отдать. Да и мне пора домой. Сейчас кольцо своё золотое на палец надену, и... до встречи!

Сказано – сделано. Чур растворился в воздухе, а принц с Машей и куклой поплыли по изумрудно-сапфировой реке. И над тихой рекой в тёплом и ясном вечернем воздухе зазвучала песня:

*Мы по реке плывём,
Нам хорошо вдвоём.
В этот час
Всё для нас:
Свет луны,
Вздых волны.*

*Нежны его слова...
Кружится голова...
Этот сон,
Светлый сон –
Сон ли он?
Явь ли он?*

Так и вплыли они под эти слова и их нежную мелодию в Машину комнату. И девочка увидела, что ничего в её комнате не изменилось, будто и не пережила она всех своих необычных приключений. И поросёнок Хрюша, и зелёный пластмассовый Чиполлино, и толстый Карлсон в коротких штанишках, и Ослик Филя, и высокая кукла Мира, и румяная кукла Настя с беленькими волосами, заплетёнными в косички, – все сидели за столом и словно бы ожидали Машиного возвращения, как после недолгого гулянья.

Но тут – пропали и река, и лодка, и прекрасный принц. В руках у Маши остались плюшевый Ёжик и кукла Ирочка с набитым тряпками туловищем, одним целым, а другим нарисованным по пластырю глазом. Ну и папина Книга, конечно. А песня продолжалась:

*Но тут растаял принц.
Нет никого вокруг.
Снова сижу одна.
Может, позвать подруг?
Только
Мне звать не хочется.
Сердце стучит в груди.
Что же случилось со мной?
Ах, принц, не уходи...*

*«Маша с Книгой».
Художник
Наталья Григорян*

Внезапно открылась дверь, и вошёл папа, расстроенный:

– Машута, я тебя уже спрашивал или нет, не помню, не видала ли ты мою Книгу? Всё перерыл, нигде нет.

– Вот она, – протянула Маша руку с зажатой в ней Книгой. – Мы её от Тыковкина спасли. А помогли мне Ирочка, Ёжик, который и на самом деле оказался принцем, и дедушка-волшебник Чур...

– Замечательная компания! – рассмеялся папа. – Это очень здорово, и спасибо вам всем. Я очень рад, что Книга нашлась.

Тут в комнату заглянула мама:

– Пора ужинать и чай пить. Я из ягод, которые сегодня Эрнест Яковлевич принёс, пирог состряпала. Жду вас на кухне. – И скрылась.

– Пойдём, – сказала Маша. – А в эту Книгу ты запиши мои приключения. Я тебе потом расскажу, какие.

– Новую игру придумала?.. Ах ты моя выдумщица! Но ты же знаешь, что в эту Книгу можно только правду писать. Никакая ложь в ней не держится, – возразил папа.

– А ты попробуй. Сразу после чая, – посоветовала дочка.

И папа попробовал...

ПАМЯТИ НИНЫ ШАТАЛИНОЙ

Ушла из жизни Нина Мураховская (Нина Валентиновна Шаталина) – редкой отзывчивости и добрейшей души человек.

Мы с ней познакомились ещё в 70-е годы, работая в НИТИ. Потом она пришла помогать мне в лабораторию психологии труда «Саратовавтотранс». Её замужество, ребёнок, семейные дела нас разлучили. Жизнь у неё пошла другой дорогой..

Мы снова встретились, когда я стал выпускать журнал «Корни». Она заинтересовалась возможностью делиться с людьми своими мыслями и чувствами. В это время у неё сложился контакт с журналистами, и материалы саратовского журнала она воспринимала как «профи», «примеряя на себя». Под впечатлением прочитанного, как «пробу пера», она написала большой очерк «Пять вечеров с Цилей Сегаль». Очерк был замечен читателями и послужил ей хорошим стартом.

Нина Валентиновна стала много писать для саратовских газет, её с радостью публиковали. Постоянно участвовала в работе редколлегии журнал «Волга–XXI век». Последнее её литературное увлечение – романы Марка Берколайко (Воронеж), которые он с завидным постоянством чуть ли не ежегодно публиковал, на радость своим почитателям, а она писала о них отзывы, рецензии и разборы, устраивала ему встречи с саратовскими читателями.

Её похоронили в родном саратовском селе Ягодная Поляна, где созрели и прозрели её душа и сердце.

**Семён Августевич,
главный редактор журнала «Корни»**

Делегация оренбургских писателей в Макеевке (ДНР)

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художники – Василий Фомичёв, Наталья Григорян.

Подписано в печать 26 февраля 2018 года.

Дата выхода в свет 28 февраля 2018 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 16/2602/8

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2018.

© «Волга–XXI век», 2018.

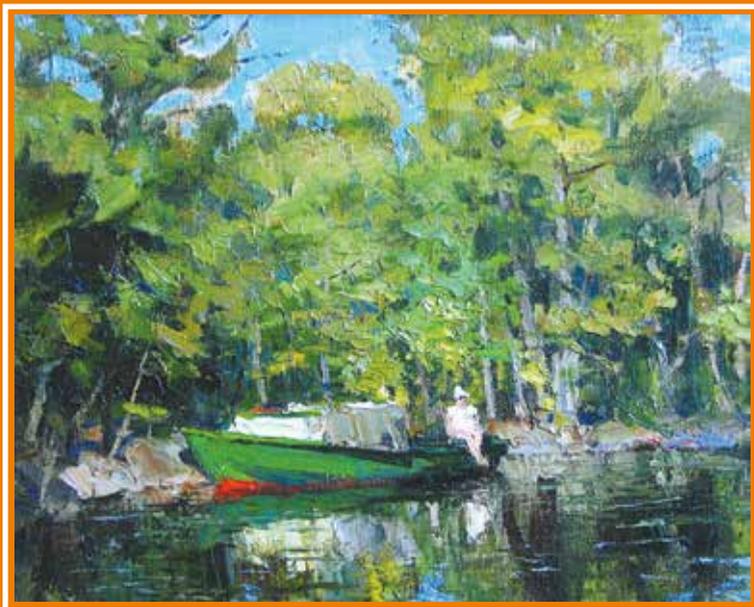
РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ФОМИЧЁВА

«Читающая на солнце». 1973 г.

«На поляне». 1973 г.

«Последняя весна В. О. Фомичёва»

